

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Всеобщая история»

И. Ш. ШИФМАН

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Ленинград
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1988

В книге рассказывается о жизненном пути Александра Македонского — человека, чье политическое творчество ознаменовало наступление эпохи эллинизма.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор

Э. Д. ФРОЛОВ

Рецензенты:

А. Г. ЛУНДИН, К. Н. ЮЗБАШЯН

Ш 0504000000-503 10-88-НП © Издательство «Наука», 1988 г.
054 (02)-88
ISBN 5-02-027233-7

Человек, о стремительной жизни которого будет сказано на страницах этой книги, производил исключительно сильное, неизгладимое впечатление не только на своих современников. Еще и в наши дни вызывают изумление его гигантская энергия, страсть, которую он вкладывал во все свои деяния, его настойчивость в преодолении, казалось бы, неодолимых трудностей, дерзость замыслов и достигнутые им поистине ошеломляющие результаты. Македонский царь Александр III умер, не достигнув 33 лет, процарствовал 12 лет и 8 месяцев, находясь на вершине могущества, будучи владыкой огромного государства, простиравшегося от Адриатического моря до Инда, от северных рубежей Македонии и Фракии до верховьев Нила, от пустынь Средней Азии до Индийского океана, подготавливая грандиозный поход вокруг Аравийского полуострова и к выходам в Атлантический океан. Нужды нет, что созданная им держава не пережила своего создателя и была буквально разодрана на клочки его хищными сподвижниками и их потомками. Под водительством Александра небольшая греко-македонская армия разрушила громадное Персидское государство, добралась до его самых отдаленных окраин, в таинственную Среднюю Азию, в загадочную Индию.

Александр представляется человеком, который с наибольшей полнотой воплотил в себе греческий идеал «хорошего и прекрасного» — мужественного воина, овладевшего вершинами человеческой мысли. Непобедимый полководец, мудрый государственный деятель, мечтавший о слиянии всех народов в единую семью [Плутарх, О судьбе, 1, 6], Александр выступает в роли своего рода культурного героя: он приучил гирканцев к браку и преподал им земледелие; убедил арахосиев и согдийцев кормить родителей и не убивать их в старости, а персов — чтить матерей и не вступать с ними в брак [там же, 1, 5]. Другое дело, что возможности Александра выражались в уродливых формах завоевательного подхода, что, утверждая свою власть, он беспощадно расправлялся со всеми возможными противниками, реальными или воображае-

мыми, а установленное им «равенство» и «братство» народов было в действительности равенством угнетаемых и обраемых подданных, высоко над которыми вознесся верховный властелин — земной бог и сын бога. Эта сторона деятельности Александра также не могла ускользнуть от внимания современников и потомков.

Уже античная древность знала, а средневековая книжность сохранила до наших дней сочинения о жизни и походах Александра, исследования, посвященные его поразительной судьбе. Александр рано стал действующим лицом народных преданий, составивших в конце концов цикл романов и поэм об Александре Македонском — Искандере Двурогом, широко распространенных в Европе и на Востоке. Как бы ни удалялись данные повествования от конкретно-исторической действительности, они говорят о масштабах личности этого и в самом деле необыкновенного человека.

Александр Македонский привлекает к себе внимание уже многих поколений историков древности. В книгах и статьях о нем можно найти и твердо установленные концепции, освященные именами крупнейших антиковедов. Много было и споров по общим и частным проблемам, и далеко не всегда из-за скудости и неясности источников удавалось прийти к надежным, твердо обоснованным выводам. По-разному относятся исследователи и к самому Александру: большинству свойственны восторженно-апологетические суждения, но не редкость и отрицательное отношение. На оценку личности и деяний Александра оказывают свое влияние и далекие от науки националистические соображения, и попытки противопоставить материалистическому пониманию исторического процесса взгляды Т. Карлейля и его последователей на роль «героев» в жизни человечества, а в ряде случаев и монархические воззрения историков.

Все сказанное оправдывает попытку еще раз предложить вниманию читателей биографию Александра Македонского, попытку отделить достоверный материал от более или менее произвольных гипотез. По убеждению автора, только такой подход позволит представить себе Александра и его время, влияние эпохи на Александра и — его на эпоху во всей их сложности и внутренней противоречивости.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Вопрос о происхождении древних македонян, о том, на каком языке они говорили и к какой этнической общности принадлежали, пока еще не может считаться решенным. Сам по себе этноним Μακεδών греческий, близкий к прилагательному μακρόν — «высокий», «рослый», однако неясно, является ли он самоназванием или же возник в чуждой среде. Основную массу населения Македонии составляли, по всей вероятности, племена, говорившие на одном из палеобалканских языков, испытывавшем мощное греческое влияние. В любом случае существенно, что македоняне всегда отличали свой природный язык от греческого и никогда не ощущали себя греками в полном смысле слова.

Основным занятием македонян были земледелие и скотоводство; с V в. (здесь и далее — даты до нашей эры) постепенно разворачивается торговля с греческими полисами, но она долго не играла заметной роли в жизни страны.

Политическая структура общества характеризовалась сохранением родоплеменного строя и господством родоплеменной аристократии — богатейших землевладельцев [Фрагм. греч. ист., V, 320—321, № 249], среди которых царь — и с этим придется столкнуться еще Александру III — был только первым среди равных. В жизни македонского общества значительную роль играло народное собрание — собрание вооруженных воинов; в его функции входили избрание царя путем аккламации (выкрикивания), суд, вынесение и приведение в исполнение смертных приговоров [Арриан, 3, 26, 4; 4, 14, 15; Руф, 6, 11, 38; 6, 8, 25]. Знать составляла царскую дружину (*гетайры* — «сотоварищи»); систематически устраивавшиеся для дружины пиршества были той аудиторией, где дружинники высказывали царю свои требования. Но даже и в этих рамках власть македонских царей

простиралась не на всю Македонию. Еще во времена Пелопоннесской войны фактически сохраняли независимость племена горной Македонии; в Орестиде правил местный царь Антиох [Фукидид, 2, 80, 6], а в Линкестиде — Аррибей, которого безуспешно пытался подчинить себе Пердикка II [там же, 4, 79, 2—3; Страбон, 7, 7, 8]. В Элимаиде тоже сидели независимые правители [Фукидид, 2, 99, 2; Ксенофонт, Греч. ист., 5, 2, 38].

Македонские цари (собственно цари Нижней Македонии) стремились к укреплению своей власти, к покорению всей Македонии. Такая политика была направлена прежде всего против самостоятельности македонских племен. Строительство укреплений и дорог способствовало достижению этой цели. Важный политический акт — уничтожение в царствование Александра I выпуска монет с названиями македонских племен и переход к чеканке денег от царского имени. Тем самым было подчеркнуто, что в стране имеется только один носитель верховной власти — царь.

Другое направление все той же политики — эллинизация Македонии, которую с поразительным упорством вели македонские цари. Уже с VI в. они участвовали в греческой политической жизни. Александр I добился допуска к Олимпийским играм и, следовательно, признания себя эллином [Геродот, 5, 22]; он приглашал к своему двору Пиндара [Пиндар, фрагм. 120—121].

При дворе Пердикки II помимо изгнанников из Евбеи и Халкиды находились поэт Меланид (сочинитель дифирамбов) и Гиппократ. Среди приближенных Архелая были известные драматурги Еврипид (в Македонии он написал трагедии «Архелай», «Вакханки», «Ифигения в Авлиде») и Агафон, художник Зевксид, поэты Хэрия и Павсаний, кифарист Тимофей, великий историк Фукидид. Приглашал к себе Архелай и таких людей, как Платон и Сократ. Архелай устраивал в г. Дибне и игры по греческому образцу: с музыкальными состязаниями и драматическими представлениями.

Усвоение греческой цивилизации должно было повлечь за собой и распространение греческих общественно-политических концепций, в том числе теории идеальной монархии, которую пропагандировала траге-

дия Еврипида «Архелай». И уж, конечно, самым подходящим претендентом на роль идеального монарха оказывался македонский царь.

То решающее значение, которое приблизительно с середины IV в. Македония стала иметь в общественно-политической жизни Балканской Греции, было подготовлено ситуацией, сложившейся в греческом обществе. В научно-исследовательской литературе ее принято именовать кризисом полиса. Сама по себе система полисов продолжала сохраняться в эллинском мире и после IV в.; она весьма энергично и успешно насаждалась греко-македонскими колонистами на Ближнем Востоке в конце IV—III в. при активной поддержке самого Александра Македонского и его ближайших преемников. По сути своей полис представлял собой суверенный (иногда — ограниченно-суверенный) коллектив граждан, осуществлявший власть над более или менее обширной территорией за городской стеной и управляемый советом, народным собранием (впрочем, народное собрание функционировало не везде и не всегда) и магистратами в соответствии с местными законами и обычаями. Экономическую основу полиса составляло земледелие, причем уже прочно укоренилась частная собственность граждан на землю. Развито было и ремесленное производство. Социальная структура полиса определялась эксплуатацией труда рабов и (по крайней мере периодически) свободных наемных работников. Из массы свободных постоянно выделялись богачи и бедняки. Еще существовали полисные владения, доходы от которых распределялись между гражданами; еще существовало представление об обязанности богачей предоставлять свое имущество для удовлетворения нужд государства. Кризис общественных отношений в греческих полисах IV в. создал почву для постепенного выдвижения македонского царя и его превращения в гегемона всего эллинского мира.

Основу кризисных явлений составляли массовое разорение свободного крестьянства и сосредоточение в руках относительно немногочисленной группы людей, принадлежавших в большинстве к аристократическим кругам, значительных богатств, и прежде всего земель. В сфере ремесленного производства появляются крупные мастерские, в которых были заняты десятки ра-

бов. Рабовладение вообще приняло огромные масштабы. Согласно переписи, произведенной Деметрием Фалерским [Афиной, 6, 103], в Афинах в 312 г. были учтены 21 тыс. граждан, 10 тыс. метеков (неграждан), а также 400 тыс. рабов. Особо следует отметить участие вольноотпущенников и метеков в сельскохозяйственном производстве (путем аренды частновладельческих земель), а также в ремесле и государственном строительстве.

На этой почве в среде граждан происходило резкое социальное размежевание. На одном полюсе концентрировалась сравнительно немногочисленная верхушка — богачи, владевшие состоянием в 30, 50, 70 и более талантов; на другом — беднота, лишенная возможности свести концы с концами [Исократ, 7, 83 и др.].

Выход из тяжелой нужды мог быть найден в сфере наемного труда. Однако этому препятствовали и распространение рабского труда, и представление о работе по найму и вообще о ремесле как о пределе социальной деградации, и чрезвычайно низкая оплата, едва обеспечивавшая прожиточный минимум. Другой путь — уход в наемные солдаты — давал, несмотря на то, что жалованье солдат было небольшим, и положение в обществе, и перспективу получить определенную долю добычи, а в случае удачи — сделать карьеру, пробиться в командный корпус и к власти. Наемных солдат появилось в Греции очень много; нанимались греки служить и к персам. Оставался еще один путь — жить за счет государства, получая плату за участие в народном собрании, в судебных разбирательствах, деньги на посещение театра и т. п. Однако в этом случае человеку могло быть обеспечено в лучшем случае полуголодное существование.

Все названные обстоятельства привели к резкому обострению социальных противоречий в греческих полисах. Среди бедноты широкое распространение получили требования перераспределения собственности — передела земли и отмены долговых обязательств [ср.: Платон, Госуд., 8, 16—17; Законы, 3, 6]. Характерными для эпохи явлениями (в частности, в Афинах) стали увеличение по прямому настоянию бедноты всякого рода поборов с богачей и конфискация их имущества, часто по лживым доносам. То тут, то там

вспыхивали волнения, организовывались заговоры, шли уличные бои.

Следствием всего этого был кризис внутрисоциальных связей. Если раньше ведущую роль в экономической и политической жизни города играли граждане, то теперь все более активно в ней участвуют и неграждане — метеки, вольноотпущенники. Полисная организация не обеспечивала экономической стабильности подавляющему большинству граждан, и это влекло за собой ослабление чувства полисного патриотизма. Если раньше граждане считали своим патриотическим долгом выполнять всякого рода полисные повинности (литургии), то теперь богачи стремились уклониться от этой обязанности, не желая тратить свое добро на прокорм огромной армии дармоедов. Если раньше люди ставили себя и свое имущество, свою жизнь на службу родному полису, то теперь они начали действовать главным образом во имя своих чисто личных интересов. В первой половине IV в. значительно более интенсивной, чем прежде, стала греческая торговля, в том числе со странами Ближнего Востока. В результате экономические интересы крупных предпринимателей, торговцев и владельцев ремесленных мастерских, работавших на международный рынок, выходили за рамки полиса и, что самое существенное, полис своими силами уже не мог обеспечить ни безопасность на торговых путях, ни возможность спокойно наживать и тратить деньги. Положение было особенно тяжелым еще и потому, что греческий мир более ста лет раздирали опустошительные войны.

На этой основе в греческих обществах появляется тенденция к созданию диктаторского режима личной власти, возрождается тирания и становится важным фактором политической жизни. На данной почве в Греции развивается и стремление к созданию политического единства под властью могущественного общегреческого правителя, возникают политические учения, дававшие идейно-теоретическое обоснование развитию событий.

Такая теория государства была создана, в частности, Аристотелем. Он разделил все известные ему формы государства на правильные, т. е. способствующие достижению «общего блага», и неправильные. К числу правильных философ отнес монархию, аристо-

кратию и политику; к числу неправильных — тиранию, олигархию и демократию. Отличие одних форм от других заключается, по мысли Аристотеля, в том, что в первом случае у власти в государстве стоят «лучшие», заботящиеся о благе общества, тогда как во втором — правители, думающие только о собственной выгоде. Наиболее приемлемой и практически осуществимой в условиях греческих полисов Аристотель считал политику — господство средних слоев общества, чуждое «крайностей» демократии и осуществляющее в интересах всех слоев общества волю большинства граждан. Создания такой системы и ее распространения в Греции Аристотель ожидал от «единственного мужа», облеченного необходимой властью, — Александра.

Политическим идеалом демократически настроенных мыслителей IV в. (а наиболее ярким из них был, конечно, Демосфен) оставался государственный строй перикловых Афин [ср.: Плутарх, Демосфен, 9, 20] — система, когда власть принадлежала сообществу равных между собой граждан [ср.: Демосфен, 3, 30], когда жизнь государства определялась и регулировалась законом, обязательным для всех [там же, 24, 16]. Демократы призывали к борьбе против олигархии и против тех, кто пытался ее установить [там же, 15, 19—20], а также против тирании, поскольку «каждый царь и тиран — враг свободы и законов противник» [там же, 6, 25]. Афины, по мысли Демосфена, являлись оплотом демократии и потому естественным противником македонского царя Филиппа II, стремящегося установить свою единоличную власть. Выход из тупика, в котором находился греческий мир, демократы видели в экспансии, в том, чтобы массы обездоленных были отправлены за пределы Греции и там устроены на жительство. Идеологическим обоснованием экспансии служило прежде всего ходячее представление о варварах (негреках) как о людях, самой природой предназначенных для рабского служения грекам. Аристотель [Плутарх, О судьбе, 1, 6] советовал Александру вести себя по отношению к грекам как военный вождь, по отношению к варварам — как неограниченный владыка, о греках заботиться как о друзьях и родственниках, а варварами пользоваться как животными или растениями. Уже во время похода Александра на Восток Аристотель предлагал (в «Политике») созда-

вать города, в которых власть и собственнические права принадлежали бы войнам, а работали бы на них земледельцы-рабы, т. е. в условиях греко-македонской колонизации Востока — варвары-туземцы. Эта программа основывалась на опыте эксплуатации илотов в Спарте, пенестов в Фессалии и им подобных.

Имелось и другое обстоятельство: воспоминание о персидском нашествии. Проповедь единения греческого мира и экспансии выливалась в проповедь похода против персов с целью отмщения за осквернение и сожжение ими афинских храмов во время Греко-персидских войн. Идея мести варварам за то, что претерпела Эллада, была официальным идеологическим обоснованием I Афинского союза [Фукидид, 1, 96, 1]. О необходимости объединения Греции для похода против персов говорил Горгий в своей Олимпийской речи, произнесенной в 392 г. К этому же четыре года спустя, в 388 г., тоже в Олимпийской речи призывал Лисий [33, 6]. С подобными намерениями носился и фессалийский правитель Ясон из Фер.

В особенности ярко эти мысли были сформулированы Исократом. В Панафинейской речи он говорил, проецируя в прошлое свои предложения: «А когда желая этого (избежать плохого устройства общества. — *И. III.*) и поддающихся убеждению стало много, они (предки афижан. — *И. III.*) составили из них войско, покорили как тех из варваров, которые владели островами, так и тех, которые жили на побережье обоих материков, и, изгнав всех, поселили там тех из эллинов, которые больше всего нуждались в средствах к жизни. И они это делали, и продолжали показывать пример другим, пока не услышали, что спартанцы, поселившиеся в городах Пелопоннеса, как я сказал, подчинили их (колонистов. — *И. III.*) себе; после этого они должны были обратить внимание на свои собственные дела. Что же произошло хорошего от войны из-за вывода колоний и от этих деяний? Ведь это, я думаю, многие больше всего хотят услышать. Эллины, удалившие такое множество столь скверных людей, стали богаче средствами к жизни и более единодушными; варвары были прогнаны из их владений и стали менее высокомерными, чем прежде» [Исократ, Панаф., 166—167]. В «Панегирике» Исократ не прибегает к обинякам и аргументам из эпического прошлого. Продемон-

стрировав безмерную слабость Персидской державы, он заявляет: «Известно, что и царь властвует не потому, что азиатские народы этого желают, а потому, что он собрал вокруг себя войско более сильное, чем у каждого из них; если мы переправим туда войско еще более сильное, чем это (а при желании мы бы легко его собрали), мы сможем безопасно собирать дань со всей Азии. Гораздо лучше воевать с ним за царство, чем между собой бороться из-за гегемонии. Хорошо бы совершить этот поход еще при нынешнем поколении, чтобы те, кто вместе переживали беды, насладились бы и благами, и не прожили бы жизнь в несчастьях» [Исократ, Панег., 166—167].

Поначалу Исократ думал, что организацию такого похода могли бы взять на себя Афины и Спарта. Однако они уже были неспособны выполнить эту задачу, хотя еще и пытались играть роль великих держав в греческом мире. Надеялся Исократ и на Ясона, но Ясон погиб, едва приступив к осуществлению своих замыслов. Обращался Исократ со своими призывами и к сиракузскому тирану Дионисию I, однако тот был слишком занят сицилийскими делами, борьбой с Карфагеном. В конце концов Македония предстала перед Исократом как единственная сила, могущая объединить эллинов для похода на Восток; ее царь Филипп II казался естественным предводителем такого похода. В своей речи «Филипп», написанной около 346 г., Исократ обращается к македонскому царю с призывом сплотить греческие государства: «Вот я и говорю, что тебе нужно и из своего ничем не пренебречь, и попытаться примирить города аргивян и лакедемонян, и фиванцев, и наш. Если ты сможешь это устроить, тебе не трудно будет и других привести к единодушию... Если бы ты четыре только города убедил быть благомысленными, ты и другие города избавил бы от бедствий» [30—31]. Значительный интерес представляет еще один отрывок, где ясно показано, какое место, по мнению Исократа, Филипп должен занимать в эллинском мире: «Прилично другим, тем, кто был прогнан Гераклом, и тем, кто опутан государством и законами, любить тот город, в котором им привелось жить; тебе же, словно ставшему свободным, — всю Элладу считать отечеством, подобно тому, кто породил вас (Гераклу. — *И. Ш.*)» [там же, 127]. Иначе говоря,

Филипп должен быть общегреческим властителем и, следовательно, стоять не только выше полисных пристрастий и предрассудков, но и выше государства и закона вообще. В конечном счете Исократ провозглашает право македонского царя на лишенный элементарных признаков законности деспотизм и произвол, которые греки справедливо считали характернейшими признаками тирании и которые вызывали протесты демократических кругов.

Идеи, которые проповедовал Исократ, восходят в конечном счете к воззрениям младших софистов конца V в., считавших, что закон ограничивает естественную природу человека, что он создан для порабощения сильных, что справедливость — это польза сильнейших, что последние по рождению имеют право на большую и лучшую долю сравнительно с остальными людьми, слабейшими и худшими. Эти концепции, идеологически обосновывавшие право сильного на власть, теперь применяются к Филиппу II; они должны создать идеологическое обрамление его общегреческой надполисной власти. Программу, изложенную Исократом, Филипп и (после его смерти) Александр исполнили в точности.

Объектом греческой экспансии на Востоке должна была стать Персидская держава. Это громоздкое военно-административное образование, возникшее во второй половине VI в. на развалинах Мидийского и Нововавилонского царств, занимало территорию современного Ирана и ряда соседних областей, Средней Азии, Индии, Месопотамии, Малой Азии, Переднеазиатского Средиземноморья и Египта. Претендовали персидские цари и на господство в Балканской Греции; они совершили туда в первой половине V в. несколько походов, однако натолкнулись на упорное сопротивление коалиции греческих полисов, возглавлявшихся Афинами и Спартой, потерпели серьезные неудачи и были вынуждены удалиться из Европы.

Персидская держава Ахеменидов (по правящей в ней династии) была конгломератом многочисленных племен и народностей, говоривших на разных языках, живших своей жизнью и сохранявших свои организацию и управление. Фактически единственным связующим началом для всей огромной державы была верховная власть персидского царя — «господина царей», как он официально именовался.

Конечно, для возникновения такого государства должны были существовать свои предпосылки; не случайно подобные государства, охватывавшие приблизительно одну и ту же территорию, возникают на Ближнем Востоке и сменяют друг друга уже со II тысячелетия. Помимо стремления отдельных правителей подчинить себе возможно большую территорию с целью ограбления такой предпосылкой было развитие торговых связей между отдельными обществами. Гарантом порядка, насколько он был осуществим, мог являться только верховный царь, располагавший силой, чтобы подчинять себе других. Однако господство натурального хозяйства делало эти торговые связи слишком слабыми, недостаточными для придания прочности объединению.

Ахемениды пытались создать систему централизованного управления государством. Вся держава была разделена на наместничества (сатрапии), каждое из которых управлялось наместником (сатрапом), пользовавшимся всей полнотой военно-административной власти. Сатрап должен был заботиться об исправном поступлении налогов в царскую казну, чинить суд и расправу. Налоги в пользу царя платило все население Ближнего Востока, кроме персов, составивших привилегированную верхушку. Сатрапам подчинялись местные цари и правители.

Однако в конце V—IV в. ахеменидская административная организация обнаружила полную неспособность справиться с центробежными силами, раздиравшими государство. Сатрапы постепенно превращались в фактически самостоятельных правителей, враждовавших и даже воевавших между собой. Отдельные общества и властители выходили из-под контроля верховной администрации. Сам царь становился игрушкой в руках придворных клик. В 401 г. царевич Кир Младший, правитель всех малоазиатских сатрапий, предпринял во главе армии наемников поход в Месопотамию, чтобы отнять власть у своего брата Артаксеркса II. На всем пути он не встретил сопротивления; в 90 км от Вавилона в битве при Кунаксе (3 сентября 401 г.) войска Артаксеркса были разбиты, однако в бою погиб и сам Кир Младший. Солдаты последнего, кроме 10 тыс. наемников-греков, перешли на сторону Артаксеркса. Греки, не подчинившиеся ему, окруженные со

всех сторон врагами, пробилась на родину. Их поход («поход десяти тысяч») показал, что любая сколько-нибудь организованная военная сила имеет реальные шансы на успех в борьбе против персидских царей. В начале IV в. персы потеряли Египет и подчинили его снова только в 342 г. Утратили они и свои владения в Индии; племена и народности Средней Азии фактически обрели политическую самостоятельность, непрерывные восстания происходили в Сирии, Финикии, Малой Азии, на Кипре. В 358—338 гг. Артаксеркс III должен был усмирять одно за другим волнения в разных частях своего государства. Убитый евнухом Багом, он был заменен Оарсом, однако последний в 336 г. был также убит вместе со своей семьей. Царем Ахеменидской державы стал Дарий III Кодоманн (336—330), которому суждено было принять удар Александра Македонского.

НАЧАЛО ПУТИ

В конце июля 356 г. (6 лооса по македонскому календарю, т. е. 6 гекатомбеона — по аттическому) Олимпиада, жена македонского правителя (формально тогда еще, по всей видимости, регента при малолетнем Аминте IV, но вскоре принявшего царский титул) Филиппа II (родом из Эпира, дочь молосского царя Неоптолема), родила сына, получившего имя Александр. Обстоятельства, при которых ребенок появился на свет, впоследствии стали объектом легенд и тенденциозных повествований. Рассказывали [Плутарх, Алекс., 2], что Олимпиада будто бы видела во сне, как ей во чрево ударила молния, а потом из него вырвался огонь, распространившийся вокруг и внезапно исчезнувший. И еще: Филиппу будто бы приснилось, что он положил на чрево жены печать с изображением льва. Говорили, что Александр родился в тот самый день, когда Герострат поджег в Эфесе знаменитый храм Артемиды, что в этот же день Филиппу донесли сразу о трех победах: на Олимпийских играх, над племенем дарданов в Иллирии и о захвате македонянами Потидеи [ср. также: Юстин, 12, 6, 6].

Александр получил воспитание, приличествовавшее молодому аристократу того времени. Нянькой царевича была Ланика, дочь Дропида, сестра его друга Клита Черного, происходившая из знатного македонского рода [Арриан, 4, 9, 3; Элиан, 12, 26]. Первым воспитателем был Леонид, родственник Олимпиады. Леонид отличался строгостью нравов, и Александр не раз вспоминал сурового дядьку; он рассказывал, что тот нередко поднимал на его постели подстилку и гиматий, чтобы посмотреть, не сунула ли ему мать что-нибудь вкусное или лишнее [Плутарх, Алекс., 22]. Из Сирии Александр послал Леониду благовония с пожеланием не скупиться на жертвы богам [там же, 25; Плутарх,

Апофт. Алекс., 4; Плиний, ЕИ, 12, 62]. Еще один воспитатель — Лисимах из Акарнании — имел репутацию деревенщины [Плутарх, Алекс., 5]. Он пользовался симпатиями главным образом потому, что, не мудрствуя лукаво, называл Александра Ахиллом, а Филиппа II — Пелеем. Лисимах сопровождал Александра в походе, и царь даже рисковал своей жизнью ради спасения учителя [там же, 24]; позже Лисимах стяжал себе печальную известность как доносчик, способствовавший гибели Каллисфена [там же, 55]. Среди учителей Александра упоминают также Филиска [Суда, Φίλισχος; Элиан, 14, 11], Алкиппа, обучавшего царевича музыке [Пс.-Каллисфен, 1, 13—14; Юл. Валер., 1, 7], Зевксида [Юл. Валер., 1, 9], математика Менехма [Стобей, 4, 205; Пс.-Каллисфен, 1, 13; Юл. Валер., 1, 6], преподавателя письма Полиника [Пс.-Каллисфен, 1, 13; Юл. Валер., 1, 7]. Существование некоторых из них в современной литературе оспаривается, хотя и без достаточных оснований. Им Александр был обязан элементарными знаниями — в музыке, письме, математике; они внушили своему воспитаннику обычные для аристократов манеры и жизненные принципы.

Когда Александру исполнилось 13 лет, воспитателем к нему был приглашен Аристотель, тогда еще сравнительно малоизвестный, но сумевший привлечь к себе внимание Филиппа II. Не исключено, что на выбор Филиппа оказала влияние близость Аристотеля к Гермия, тирану Атарнея [Диоген Лаэрт., 5, 7], с которым македонский царь поддерживал дружеские связи. Однако еще более важной была близость Аристотеля и его семьи к македонскому царскому дому.

Три года Александр провел вместе с друзьями и сверстниками — Леоннатом, Марсием, Никанором и Гефестионом — в Миесе, слушая лекции учителя. В древности широкое распространение получило письмо (поздняя фальсификация), написанное якобы от имени Филиппа II к Аристотелю, в котором он благодарит судьбу за то, что его сын родился при жизни Аристотеля и может от него получить знания. В этом письме отражается общепринятая в то время высокая оценка роли Аристотеля в жизни будущего царя и полководца. Сам Филипп в знак уважения к Аристо-

телю восстановил родной город философа (Стагиру), лежавший в развалинах, и вернул туда разбежавшихся или попавших в плен граждан [там же, 5, 4].

Александр высоко ценил Аристотеля и считал знания, полученные от учителя, тем, что отличало его от обыкновенных смертных. По словам Плутарха, «Аристотелем он вначале восторгался и любил его, как сам говорил, не меньше отца, потому что благодаря этому он живет, а благодаря тому — хорошо живет» [Алекс., 8]. Узнав, что Аристотель издал некоторые свои сочинения, Александр обратился к философу с сердитым письмом, где, в частности, писал: «Неправильно ты сделал, издав рассуждения, излагавшиеся изустно: чем же мы будем отличаться от других, если произведения, на которых мы воспитывались, станут общими для всех? А ведь я желал бы отличаться знанием того, что прекрасно, а не могуществом» [там же, 7; ср.: Геллий, 20, 5; Зонара, 4, 8]. В своем ответе Аристотель успокаивал Александра, говоря, что тот, кто не слышал философа, ничего не поймет в его трудах [Геллий, 20, 5]. Александр приказал доставлять Аристотелю материалы для естественнонаучных занятий [Плиний, ЕИ, 8, 44] и подарил ему из своей добычи огромные деньги: по некоторым сведениям — 800 талантов [Афиней, 9, 398e].

Впрочем, такое отношение к Аристотелю не помешало Александру расправиться с его родственником Каллисфеном, когда тот оказался в лагере оппозиции. Более того, оппозиционность человека, близкого к Аристотелю, несомненно сделала в глазах Александра подозрительным и самого философа. Гибель Каллисфена не способствовала и сохранению у Аристотеля доброго чувства к ученику. Тем не менее внешние их отношения оставались корректными [Плутарх, Алекс., 8]. Аристотель сохранял репутацию промакедонски настроенного деятеля и был вынужден после смерти Александра бежать из Афин, когда там начались антимакедонские выступления. В свою очередь Аристотель придавал большое значение своим отношениям с Александром. Когда последний стал царем, он посвятил ему сочинение о царской власти [Цицерон, Атт., 12, 49, 2; Диоген Лаэрт., 5, 22]. Этот трактат до нас не дошел; не исключено, что именно его имел в виду Плутарх, когда говорил о советах, данных Аристотелем Алек-

сандру. Возможно, для Александра философ написал и еще одно сочинение — об основании колоний.

К Аристотелю Александр попал, обладая репутацией вдумчивого, сильного, решительного подростка. Известно было, что он расспрашивал персидских послов, прибывших к Филиппу II, об их родине [Плутарх, Алекс., 5], — поступок естественный, если учесть, что он рос в атмосфере разговоров о походе на Восток. Известно было и то, как Александр в ребяческом возрасте укротил коня Букефала, с которым не могли справиться взрослые; отец будто бы сказал ему: «Дитя, ищи себе подходящее царство, Македонии тебе не хватит» [там же, 6]. К Букефалу Александр был очень привязан и никогда с ним не расставался. Когда во время похода против мардов конь был украден (на берегу Каспийского моря), Александр пригрозил опустошить страну, если его немедленно не возвратят; перепуганные воры поспешили выполнить это требование [там же, 44; Диодор, 17, 76, 5—8]. После смерти Букефала Александр приказал назвать его именем один из городов, основанных во время похода в Индию [Плутарх, Алекс., 61].

В десятилетнем возрасте Александр умел играть на лире, мог читать наизусть произведения греческих поэтов. Увлекался он и театром [там же, 10] и был квалифицированным ценителем изобразительного искусства. Рисовать свои портреты Александр разрешал только Апеллесу, а изготовлять статуи — Лисиппу, величайшим художникам эпохи [там же, 4; Вал. Макс., 8, 11, ext., 2; Плиний, ЕИ, 7, 125; 35, 92—93; Цицерон, Верр., 4, 60; Сем., 5, 12—13, и др.]. Искусство оказывало на впечатлительного мальчика сильное воздействие. Рассказывали [Суда, Τριόδος; Плутарх, О судьбе, 2, 2], что, услышав исполнение воинской песни, сочиненной известным поэтом Тимофеем, Александр рванулся к мечу. В творчестве художников и скульпторов Александр также ценил прежде всего героический пафос; именно непобедимым воином изображали его и Апеллес, и Лисипп. Самый известный в древности портрет Александра — это поражавшая его современников картина Апеллеса, где он показан с молнией в руке; картина находилась в эфесском храме Артемиды. Самая известная статуя — Александр с кошем. На дошедших до нас изображениях Александра (зна-

менная мозаика из Помпей, копия конной статуи, изображения на саркофаге Александра) мы видим его в бою с персами, в самые драматические моменты жизни. Названные мотивы могли возникать в иконографии македонского царя только по его желанию и с его санкции. Значительный интерес проявлял Александр и к точным наукам [Стобей, 4, 205].

Из краткого замечания Плутарха [Алекс., 7] ясно, что Аристотель обучал Александра этике и политике. Кроме того, Александр получил от учителя познания в области «тайных и глубочайших учений», считавшихся доступными лишь посвященным. В другой связи мы уже упоминали (см. с. 10) свидетельство Плутарха [О судьбе, 1, 6], из которого следует также, что Аристотель готовил роль гегемона — проводителя греков; гегемония должна была сочетаться с установлением политики.

Из школы Аристотеля Александр вышел широко образованным человеком, усвоившим его этику и учение о природе, интересовавшимся естественными науками [Плиний, ЕИ, 8, 44], хорошо разбиравшимся в греческой литературе. Он глубоко знал и часто перечитывал «Илиаду», экземпляр которой, отредактированный Аристотелем, постоянно возил с собой, и «Одиссею» [там же. 7, 29; Плутарх, Алекс., 8; Страбон, 13, 594]; он мог при необходимости сослаться и на книгу Ксенофонта о «походе десяти тысяч» [Арриан, 2, 7, 8]. Читал он и произведения греческих трагиков [Плутарх, Алекс., 8], поэтов [ср.: Афиней, 12, 537; Дион Хрис., 2, 36], высоко ценил Пиндара [Арриан, 1, 9, 10; Плиний, ЕИ, 7, 29; Элиан, 13, 7], Стесихора [Дион Хрис., 2, 25], Телеста и Филоксена [Плутарх, Алекс., 8]. Традиция приписывает Александру репутацию философа [Плутарх, О судьбе, 1, 4].

В 340 г., когда Александру было 16 лет, Филипп II, отправлявшийся в поход против Перинфа, приказал ему явиться в Пеллу и взять на себя управление государством [Плутарх, Алекс., 9].

Детство Александра и его учеба у Аристотеля пришлось на время, когда Филипп II вел борьбу за утверждение своего господства в Македонии и за превращение ее в гегемона греческого мира. В ходе этой борьбы Филипп существенно реорганизовал македонскую армию, отталкиваясь от лучшего в то время фи-

ванского образца. Вся страна была разделена на военные округа (по-видимому, 12), каждый из которых должен был поставлять определенное количество воинов. Значительное место в армии Филиппа занимали наемники-греки. Основной ударной силой конницы были по-прежнему аристократы-дружинники (гетайры), вооруженные мечом и длинным копьём — сариссой (5,32—7,10 м), носившие шлем без гребня и, вероятно, короткую кирасу. В армии Филиппа имелась и легкая кавалерия — всадники, вооруженные только сариссами. Главный контингент македонской пехоты составляли пешие дружинники (педзетайры). Они имели большой бронзовый щит, короткий меч с широким клинком, кинжал и сариссу. Пешие дружинники носили каску аттического типа с небольшим гребнем, кирасу и, возможно, поножи. Происходившие из одной местности, они образовывали отдельный «полк» (таксис), который мог выполнять специальные тактические или стратегические задачи. В пехоту входили и гипасписты — прежде воины низшего ранга, слуги дружинников, а во времена Филиппа II — средневооруженные пехотинцы; их оружием были меч и легкий щит (пелта); в отличие от греческих пелтастов дротиков они не имели. Гипасписты могли действовать как в сомкнутом, так и в рассыпном строю. Они обеспечивали взаимодействие между всадниками-дружинниками и пехотинцами-педзетайрами. Особое место в армии Филиппа занимали легковооруженные пехотинцы — псилеты; это были метатели дротиков, стрелки из луков, пращники. Важную часть войска составляли отряды метательных орудий. Конница Филиппа была разделена на тактические подразделения (илы), тяжелая пехота — на лохи (по 16 человек) и синтагмы (16 лохов), а легкая — на хилиархии (тысячи).

Введение длинного копья — сариссы позволило Филиппу II (при участии его ближайшего соратника Пармениона) существенно усовершенствовать приемы боя. Основной ударной силой стала фаланга тяжеловооруженных пехотинцев — колонна глубиной до 24 шеренг, дистанция между которыми составляла в атаке около метра, а в обороне — полуметра. Ощетилившаяся копьями, выставленными далеко вперед, закрытая щитами, охраняемая с флангов конными подразделениями фаланга была движущейся кре-

постью, трудноуязвимой, сметающей все на своем пути. Этим компенсировалась ее неуклюжесть и слабая маневренность. На фалангах и перед фронтом располагались средняя и легкая пехота, а также кавалерия. За боевыми порядками Филипп размещал оперативные резервы.

В ходе войн, предпринятых Филиппом II, было усовершенствовано осадное искусство. Наряду с катапультами и воронами (мощными крючьями, которыми растаскивались кирпичи и камни городских стен) широко использовались так называемые черепахи — механизмы, в которых сочетались тараны и устройства, позволяющие расчищать и выравнивать дорогу. Усовершенствования имели место и в морском деле: если раньше самыми крупными боевыми кораблями были триеры (суда с тремя рядами гребцов), то теперь началось строительство тетрер (с четырьмя рядами) и пентер (с пятью рядами). Большое внимание Филипп уделял обучению своей армии. Он систематически проводил маневры, в которых и сам активно участвовал. Такое поведение способствовало укреплению его популярности.

Результаты политической деятельности Филиппа II к моменту, когда Александр вышел на общегреческую арену, были следующими. Преодолев сопротивление Афин, он закрепился в Северной Греции. Активно вмешавшись в III Священную войну и в политическую борьбу в Фессалии, Филипп стал полным хозяином Фессалии и Фокиды. В 340 г., ведя очередную войну во Фракии, он прервал обучение Александра в Миезе и поручил ему на время своего отсутствия ведение государственных дел. Александр успешно выдержал предложенный экзамен на зрелость. Во время своего короткого правления ему пришлось столкнуться с бунтом мэдов — небольшой народности, жившей в горах севернее Пэонии. Александр подавил восстание, захватил город мэдов и изгнал оттуда местных жителей. Затем, заселив опустевший город разнообразным людом, он назвал его своим именем — Александрополем [Плутарх, Алекс., 9]. Едва ли можно сомневаться в том, что окружавшие Александра военачальники и государственные деятели направляли его действия. Очевидно и то, что создание нового города, да еще такого, основателем которого считался не царь, а его сын, могло произойти только с ведома и согласия Филиппа.

Не вызывает сомнения и активная роль самого Александра на этом этапе его жизни. Он показал, что ему по плечу и командование войсками, и выполнение разнообразных царских обязанностей, и принятие ответственных политических решений.

Осенью 339 г. Филипп II ввел свои войска в Центральную Грецию, создав непосредственную угрозу Фивам и Афинам. Решающее сражение между Фивами, Афинами и их союзниками, с одной стороны, и македонянами — с другой, произошло 2 августа 338 г. (7 метагитниона по афинскому календарю) недалеко от г. Херонеи (Беотия), в долине р. Кефис. Войска союзников были выстроены так, что их правый фланг выходил к реке, а левый располагался несколько юго-восточнее Херонеи. На правом фланге стояли фиванцы, в центре — коринфские наемники, ахейцы и др., на левом фланге — афиняне. У македонян на левом фланге находились всадники под командованием восемнадцатилетнего Александра. Сам Филипп был на правом фланге, противостоявшем афинянам. Всего с обеих сторон в сражении участвовали по 30 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников. Основной удар по противнику нанес Александр, вторгшийся во главе македонской конницы в ряды фиванцев. Фиванская Священная дружина во главе с Феогеном была целиком истреблена, и этот успех позволил Александру зайти в тыл к союзникам.

Тогда и Филипп, до того времени отступавший под ударами афинян, предпринял решительное контрнаступление. Видя себя окружаемыми со всех сторон, афиняне бежали; 2 тыс. их воинов, в том числе и знаменитый оратор Демад, попали в плен [Диодор, 16, 86; Полиен, 4, 2, 2; 7; Плутарх, Алекс., 9; Фронтин, 2, 1, 9; Юстин, 9, 3, 3—11].

Разгромив Афины, Фивы и их союзников, Филипп II стал полновластным хозяином в Греции; прежняя самостоятельность греческих полисов уходила в область исторических воспоминаний. Вместе с погибшими при Херонее была погребена свобода и остальных эллинов, так говорил афинский оратор Ликург [Леокр., 50]. «Рабство» — этим очень точным и емким словом определяли современники то положение, в котором оказалась Греция после битвы при Херонее [Диодор, 16, 88, 2].

Эта битва сыграла исключительную роль в биографии Александра. Если раньше он, хотя и управлял в отсутствие отца государством, и даже успешно воевал, все же находился на периферии событий, то теперь, проявив незаурядную решительность и мастерство, своими действиями обеспечил победу и македонское господство в Греции. Его противниками были фиванцы, пользовавшиеся репутацией самых сильных и искусных воинов. Победа при Херонее обнаружила в Александре выдающегося полководца, которому даже в восемнадцатилетнем возрасте было по плечу решение самых сложных военных задач. Все эти качества Александр приобрел, с 16 лет участвуя под руководством отца в политической жизни Македонии, в его борьбе за господство над эллинским миром.

Став после сражения при Херонее фактическим хозяином Греции, Филипп II должен был срочно урегулировать свои отношения с недавними противниками, и в первую очередь с самыми опасными — Фивами и Афинами. Прежде всего он ликвидировал фиванскую гегемонию в Беотии: все беотийские города были объявлены свободными и автономными; повсеместно установлен олигархический режим; демократы изгнаны или приговорены к смерти, а их противники получили возможность вернуться из изгнания. В Кадмее (фиванский акрополь) Филипп разместил македонский гарнизон. Утратили фиванцы и свое положение в Дельфийской амфикистии. Раньше именно они представляли там от имени Беотии, теперь их места в органах управления были переданы Танагре, Платее и Феспиям [Юстин, 9, 4, 6—9; Диодор, 16, 87, 3; Павсаний, 9, 1, 8; 9, 37, 8].

По отношению к Афинам Филипп занял иную позицию. Он, конечно, знал, что там лихорадочно готовятся к продолжению войны, даже предлагают освободить рабов и дать им в руки оружие для защиты города. Осада Афин грозила затянуть кампанию; к тому же она при господстве на море афинского флота не могла быть достаточно эффективной. Поэтому македонский царь должен был нейтрализовать Афины, предложив им максимально почетный выход из войны. В этом направлении он и направил свои усилия. Заметную роль в осуществлении его планов играл Александр. После обмена посольствами мир был заключен на

следующих условиях: Афины сохраняли свою независимость и территорию [ср.: Павсаний, 7, 10, 5]; они сохранили также контроль над о-вами Самос, Скирос, Имброс и Лемнос [Аристотель, Аф. пол., 62, 2], где находились афинские колонисты. В результате Афины по-прежнему обладали гарантированным доступом в бассейн Черного моря и занимали важную стратегическую позицию у берегов Малой Азии. Они, конечно, утратили Херсонес Фракийский, но вместо этого приобрели Ороп [Павсаний, 1, 34, 1]. Наконец, Афины получили приглашение вступить в организовывавшуюся Филиппом II Панэллинскую лигу и участвовать вместе с ним в охране свободы судоходства.

В довершение всего Филипп возвратил пленных афинян, не взяв за них выкупа [Диодор, 16, 87, 3; Юстин, 9, 4, 4], и приказал доставить в Афины тела павших при Херонее для погребения на родине. Эту торжественную траурную церемонию Филипп поручил специальному посольству, во главе которого поставил Александра, а также двух своих ближайших соратников: Антипатра и Алкимаха [Диодор, 16, 87, 3; Юстин, 9, 4, 4—5]. Выбор послов ясно показал, какое значение Филипп придает их миссии. И Филипп не ошибся в своих расчетах: народное собрание вотировало предоставление ему и Александру афинского гражданства [ср.: Плутарх, Демосфен, 22; Гиперид, фрагм. 80]. Посольству удалось добиться и важной политической демонстрации в пользу Филиппа: Исократ, стоявший уже на краю могилы, обратился к македонскому царю с письмом, в котором еще раз говорил о необходимости общеэллинского единства и об организации похода против варваров [Письма, 3]

Нет прямых свидетельств того, какую роль сыграло в жизни Александра его кратковременное пребывание в Афинах. Можно только предполагать, что один из прекраснейших городов тогдашнего мира, крупнейший центр интеллектуальной жизни должен был произвести на пылкого, увлекающегося юношу сильное впечатление. Его постоянный интерес к литературе, искусству, науке и философии не мог не сказаться и здесь. Мы вправе думать, что Александр встречался в Афинах с писателями, философами, деятелями искусства. Занятия в Миезе под руководством Аристотеля подготовили его к беседам с ними.

Пребывание в Афинах оказало, по-видимому, существенное влияние и на политическое развитие Александра. Он своими глазами мог увидеть демократию в действии, противоборство сторонников и противников македонской ориентации. Он ясно мог представить себе и степень влиятельности промакедонской партии, и то, насколько сильны ее противники. В Афинах Александр впервые обнаружил и свои качества незаурядного дипломата. Он очень ловко притворился наивным простачком (и этим ввел в заблуждение Демосфена, с презрением относившегося к придурковатому, по его мнению, македонскому царевичу). Подобная репутация должна была успокоить возможных соперников Александра, когда ему придется с оружием в руках отстаивать македонское господство в Греции...

В конце 338 г. Филипп II, желавший придать своему господству в Греции определенные легитимные формы, пригласил все греческие города прислать своих представителей в Коринф. Основной целью Филипп ставил ведение общегреческой войны против Персии и наказание персов за осквернение греческих святынь [Диодор, 16, 89, 2]. В речах Филиппа несомненно было очень много от политической пропаганды, однако последние события показали, что царь всерьез обдумывал планы завоевательного похода в Азию; новый союз был ему нужен не только как механизм, обеспечивающий власть на Балканском полуострове, но и как инструмент, дающий возможность привлечь все или почти все греческие города к участию в борьбе против общего врага. Никто, кроме Спарты, не посмел ослушаться. В первой половине 337 г. на основе предложений Филиппа были выработаны и приняты единые принципы взаимоотношений между государствами, входящими в Панэллинский союз, а также его организационная структура.

Союзный договор в Коринфе [ср.: Силл., 260 — присяга выполнять условия договора] предусматривал установление всеобщего мира; запрещал какие бы то ни было вооруженные столкновения между его участниками [Юстин, 9, 5, 2]. Последнее условие предусматривало сохранение гражданского мира: запрещались изменение существующего в момент подписания договора государственного строя [Пс.-Демосфен, 17, 10], смертные казни и изгнания, противоречащие суще-

ствующим законам, конфискация имущества, переделы земли и отмена долгов, освобождение рабов с целью государственного переворота [там же, 17, 15]; запрещалось также организовывать военные походы изгнанников на родину [там же, 17, 16].

Установление всеобщего мира несомненно должно было создать благоприятные условия для экономического подъема греческих городов, способствовать их объединению против Персии, обезопасить греческие полисы и, разумеется, самого Филиппа от великодержавных претензий со стороны Афин или Фив. Требование сохранять гражданский мир обеспечивало зажиточной верхушке греческого общества возможность спокойно обогащаться и безбоязненно пользоваться нажитым добром. Естественным следствием такого положения вещей являлось сохранение у власти (либо приход к власти в той или иной форме) людей, выражавших интересы этого общественного слоя. Поддержание гражданского мира было немыслимо без похода на Восток, который увлек бы за собой взрывчатые, социально опасные элементы и открыл бы ворота для новой греческой колонизации.

Формально Панэллинский союз рассматривался как объединение свободных и автономных греческих полисов, каждый из которых располагал собственной территорией и самоуправлением [там же, 17, 8]. Территория полиса была неприкосновенной; чужие, в том числе и македонские, корабли могли посещать гавани только с разрешения местных властей [там же, 17, 26]. Гарантировалась также и свобода судоходства [там же, 17, 19]. Города — участники союза были свободны от налогов и повинностей, однако обязаны были выставлять свои воинские контингенты для борьбы против общего врага. Возглавлялся союз гегемоном (вождем), которым, естественно, стал Филипп II [Диодор, 16, 89, 1]; позже, когда подготовка к войне с Персией была уже в самом разгаре, он получил титул стратега-автократора, т. е. самовластного командующего [там же, 16, 89, 3]. Этим актом был подчеркнут специфический характер власти и положения Филиппа как военного предводителя. Для рассматриваемых дел союза был создан специальный орган — Совет (синедрион) эллинов. Каждое государство делегировало туда своих представителей [там же, 16, 89, 3;

Юстин, 9, 5, 2], а исполнение решений находилось в руках Филиппа.

Создание общегреческого политического организма, который находился целиком в руках Филиппа II, позволило ему перейти к активным действиям против Персии. Панэллийский союз объявил Персии войну [Диодор, 16, 89, 3], и Филипп высадил свои войска под командованием испытанных полководцев Пармениона, Амьнты и Аттала в Малой Азии [Юстин, 9, 5, 8]. Они должны были освободить эллинские города от власти персов [Диодор 16, 91, 1]. В конечном счете в Малой Азии предполагалось создать плацдарм для наступления в глубь Персидского государства.

Поход начинался при благоприятных обстоятельствах: пифия дала Филиппу II, выражая несомненно господствовавшие в Греции настроения, оракул, который легко можно было понять как предсказание близкой гибели Персидской державы: «Увенчан лаврами бык, свершается жертвоприношение, есть и тот, кто принесет жертву» [там же, 16, 91, 2]. Позже, с учетом произошедших событий, это пророчество было истолковано совершенно иначе — как предсказание близкой гибели самого Филиппа. В Малой Азии греки встретили воинов Филиппа как освободителей; Парменион и Аттал овладели такими важными пунктами, как Эфес [ср.: Арриан, 1, 17, 11] и Магнезия [Полиен, 5, 44].

Однако Филиппу II не суждено было завершить начатое им дело. В царской семье разразился скандал: Филипп разошелся с Олимпиадой, которую подозревал в супружеской неверности [Юстин, 9, 5, 9], и женился на Клеопатре, племяннице Аттала. Во время свадебного пиршества Аттал, разгоряченный вином, стал угваривать македонян, чтобы они просили богов породить от Филиппа и Клеопатры законного наследника царской власти. Царь молчал, явно одобряя речи Аттала. Положение Александра и его жизнь оказались под угрозой. Не сдерживая ярости, он закричал Атталу: «А нас ты, гнусная рожа, считаешь незаконнорожденными?», — и с этими словами швырнул в него чашу. Филипп бросился с обнаженным мечом на сына, но споткнулся и упал. Александр овладел собой. Он позволил только язвительное замечание: «Вот этот-то, люди, собирается перейти из Европы в Азию, он, свалившийся, переходя от ложа к ложу». Столкновение

с отцом показало Александру, что, оставаясь при царском дворе, он подвергает себя и мать смертельной опасности. Устроив Олимпиаду на ее родине, в Эпире, Александр укрылся в Иллирии [Плутарх, Алекс., 9; Юстин, 9, 7, 1—7; Афиней, 13, 557d—e].

Филипп, конечно, хорошо понимал, какую грозную опасность представляют для него оскорбленные жена и сын. За Олимпиадой стояли ее эпирские родственники. Александр, очевидно, мог рассчитывать еще и на поддержку иллирийцев, кровно заинтересованных в ослаблении Македонского царства. Вот почему Филипп принял все меры, чтобы утихомирить и обезвредить Олимпиаду и Александра. Внешне, казалось, ему удалось добиться успеха в этом нелегком деле. С помощью коринфянина Демарата, связанного с македонским царским домом отношениями гостеприимства, Филипп уговорил Александра вернуться в Пеллу [Плутарх, Алекс., 9]. Можно было подумать, что царевич обретает при дворе свое прежнее положение. Однако Клеопатра оставалась женой Филиппа, она ждала ребенка, и Александр не мог не ощущать по-прежнему опасности быть устранным. Для восстановления связей с Эпиром и одновременно для успокоения Олимпиады Филипп решил выдать Клеопатру, свою дочь от Олимпиады, замуж за эпирского царя Александра, брата Олимпиады [Диодор, 16, 91, 4; Юстин, 9, 6, 1].

Но примирение было только внешним: и Александр, и Олимпиада, да и сам Филипп испытывали постоянный страх за будущее и нараставшее с каждым днем ожесточение. Достаточно было любого повода, чтобы эти чувства прорвались наружу. Так произошло, в частности, когда Пиксодар, правитель Карии, желая породниться с царем, предложил свою дочь Аду в жены Филиппу Арридею — сыну Филиппа II от фессалиянки Филлины (родом из Лариссы). Александр и его окружение увидели в этих планах новую угрозу. В неминуемой борьбе за власть после смерти царя сам слабоумный Арридей (в древности ходили упорные слухи, будто Олимпиада сильнодействующими ядами вызвала и постоянно поддерживала у Филиппа Арридея это состояние) едва ли мог быть грозным противником, но за ним стоял бы карийский правитель со своим войском и богатством. Обеспокоенный Александр предложил Пиксодару, чтобы тот выдал Аду не за Арридея,

**Портрет Александра Македонского на погребения Филиппа II в Вергине
Слоновая кость. Салоники (Греция), Археологический музей.**

а за него, Александра. Пиксодар согласился: такой зять его устраивал гораздо больше. Но этот проект натолкнулся на ожесточенное сопротивление Филиппа II. Явившись к Александру в сопровождении Филоты, сына Пармениона, одного из близких, как считалось, друзей царевича, он осыпал сына упреками и запретил ему жениться. Филипп говорил, что Александр, желая стать зятем варвара-карийца, раба персидского царя, показывает себя низким человеком, недостойным тех благ, которые у него имеются. В речах Филиппа проглядывала, конечно, откровенная угроза лишить Александра прав на престол. Насколько опасным считал для себя Филипп неожиданный для него проект женитьбы Александра, об этом свидетельствует тот факт, что он разогнал все окружение царевича, а его ближайших друзей — Гарпала, Неарха, Эригия, Лаомедонта, Птолемея — выслал из Македонии [Плу-

тарх, Алекс., 10]. В дальнейшем все эти люди занимали высокое положение при особе Александра, и весьма вероятно, что на отношении Александра к ним сказалось их поведение во время его конфликта с отцом по поводу карийского брака. Не исключено и другое: отношение Александра к Филоте и его отцу Пармениону определилось уже тогда, когда Филота принял сторону Филиппа II в этом споре. Есть основания думать, что именно Филота донес последнему о замыслах Александра. Не мог Александр забыть, конечно, и родственных связей Пармениона и Филоты с Атталом — своим злейшим врагом [ср.: Руф, 6, 9, 17].

Во время свадьбы Клеопатры, дочери Филиппа II, и эпирского царя Александра знатный, еще совсем молодой македонянин Павсаний убил македонского владыку (336 г.) [Диодор, 93—94; Юстин, 9, 6, 3—8]. У Павсания имелись личные мотивы для такого поступка. Но смерть Филиппа была выгодна прежде всего Олимпиаде и Александру. Она устраняла постоянную опасность, угрожавшую им с момента его женитьбы на Клеопатре, открывала Александру дорогу к власти. Так что представляется весьма правдоподобным, что и Олимпиада, и Александр подстрекали Павсания к убийству, хотя Плутарх и называет подобные слухи клеветой.

Сам Александр, чиня расправу над своими возможными соперниками, а также в своих политических выступлениях уже во время войны с Дарием III пытался изобразить гибель Филиппа II как результат заговора, инспирированного персами [Арриан, 2, 14; Руф, 4, 1, 2]. Однако убийство царя настолько естественно вытекает из внутрисемейного конфликта, что эти утверждения Александра кажутся попыткой снять с себя обвинения в отцеубийстве или подстрекательстве к нему и взвалить вину на чужие плечи.

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ

Гибель Филиппа II открыла Александру дорогу к власти. Однако на этом пути перед двадцатилетним царем стояли другие члены династии Аргеадов, имевшие право на царский венец. По свидетельству Сатира, биографа Филиппа [Афиней, 13, 557b—c], от иллирийки Авдаты у него была дочь Кипнанна, от фессалиянки Ферзи — дочь Тетталоника, еще от одной фессалиянки, Филинны, — сын Филипп Арридей. Впрочем, слабоумный Арридей не представлял серьезной угрозы и сколько-нибудь сильная придворная клика за ним не стояла, так что его можно было во внимание и не принимать. Олимпиада родила Филиппу сына Александра и дочь Клеопатру, а последняя жена, Клеопатра, за несколько дней до его кончины родила дочь Европу [ср.: Диодор, 17, 2, 3]. Сама Клеопатра (с дочерью) тоже не была опасна, но за нею стоял ее дядя Аттал, уже пытавшийся однажды поставить под сомнение права Александра. По-видимому, от Филы, происходившей из правившей семьи эллиотов, или, возможно, от Меды, дочери одного из фракийских царей, у Филиппа был еще один сын — Каран [Юстин, 11, 2, 3], притязавший на власть. Страшным, смертельным врагом являлся двоюродный брат Александра, Аминта, которого Филипп отстранил от власти. Теперь же многие («вся скрытовраждебная Македония») видели в Аминте законного претендента на царство [Плутарх, О судьбе, 1, 3; Руф, 6, 9, 17]. Опасными соперниками, пользовавшимися поддержкой враждебных Александру группировок, были сыновья линкестийского царя Аэропа — Аррабай, Геромен и Александр.

Тем не менее в момент смерти Филиппа II Александр оставался признанным наследником царского венца и его приход к власти не встретил явного сопро-

тивления. По-видимому, он был в соответствии с македонскими обычаями провозглашен царем на сходке войска. Поддержку «толпы» новый царь обеспечил себе обещанием продолжать политику Филиппа; он говорил, что изменилось только имя царя, тогда как в управлении все останется прежним [Диодор, 17, 2, 2]. Юстин [11, 1, 10] пишет, что Александр даровал македонянам свободу от всех повинностей, кроме военной службы. Последняя сулила возможность обогатиться за счет добычи в азиатском походе, а обещание продолжать деятельность отца делало такие ожидания вполне осуществимыми.

Однако пока были живы реальные претенденты на власть, Александр не мог быть спокоен. Для устранения линкестийцев Аррабая и Геромена было использовано обвинение в том, что они участвовали в убийстве царя [Арриан, 1, 25, 1] и действовали по заданию персидского правительства [там же, 2, 14, 5]. Оба были казнены [Плутарх, Алекс., 10; Диодор, 17, 2, 1; Юстин, 11, 2, 1]. Только третьему брату, Александру, хотя и его подозревали в соучастии, удалось избежать гибели главным образом потому, что он первым признал Александра, сына Филиппа II, царем [Юстин, 11, 2, 2; Арриан, 1, 25, 2; Руф, 7, 1, 5—7]. Вопрос, насколько обвинения против Аррабая и Геромена соответствовали действительности, при нынешнем состоянии источников не может быть разрешен удовлетворительно. Ясно только, что эти казни позволили Александру отвести от себя подозрения и выступить в роли мстителя за погибшего отца. Еще одной жертвой Александра стал Каран [Юстин, 11, 2, 3]. Аминта, сын Пердикки III, также был обвинен в организации заговора с целью свержения нового царя [Руф, 6, 9, 17; 6, 10, 24—25] и казнен [Юстин, 12, 6, 14; Арриан, Преемн., 22].

Расправу с Клеопатрой Александру очень облегчила Олимпиада. Сразу же после кончины Филиппа II она решила отомстить ненавистой сопернице: дочь Клеопатры была убита на руках у матери, а саму ее заставили удавиться [Юстин, 9, 7, 12; Павсаний, 8, 7, 7]. Александр отсутствовал, когда разыгралась эта трагедия; вернувшись, он получил возможность выразить свое негодование [Плутарх, Алекс., 10]. Оставался Аттал. Находясь в Азии вместе со

своим тестем Парменионом во главе македонских войск, он привлек на свою сторону солдат [Диодор, 17, 2, 4] и поддерживал подозрительные контакты с враждебными Александру кругами в Греции [там же, 17, 2, 4], в частности с Афинами [там же, 17, 3, 2; 17, 5, 1; Плутарх, Демосфен, 23]. Александр послал в Азию одного из своих приближенных, Гекатея, с заданием доставить Аттала в Македонию живым или расправиться с ним на месте. Гекатей выполнил поручение: Аттал был убит, возможно, при участии Пармениона [Диодор, 17, 2, 5—6; 17, 5, 2; Руф, 7, 1, 3; 8, 7, 5]. Несколько позже, отправляясь в персидский поход, Александр приказал уничтожить всех родственников Клеопатры и Аттала [Юстин, 11, 5, 1].

Внешнеполитическая ситуация, в которой оказался Александр, приняв отцовское наследство, была не менее тревожной. В Греции гибель Филиппа II привела в движение все антимакедонские силы. Призывы Александра, обращенные к греческим городам, чтобы те оставались благосклонными к нему, как прежде они были благосклонны к его отцу [Диодор, 17, 2, 2], серьезного успеха не имели. Особенно сильное возбуждение царило в Афинах. Узнав о смерти Филиппа, Демосфен, у которого за неделю до этого умерла дочь, явился в афинский совет и сказал, что ему привиделся сон, возвещающий добрые вести для Афин. Когда гибель македонского царя подтвердилась, по настоянию Демосфена было принято постановление об увенчании Павсания; в праздничных одеждах и с венком на голове знаменитый оратор участвовал в благодарственных жертвоприношениях [Плутарх, Демосфен, 22; Эсхин, 3, 77]. Александра он называл мальчишкой, Маргитом [Плутарх, Демосфен, 23; Эсхин, 3, 160]; скоро, правда, выяснилось, что эта оценка была слишком поспешной и для противников македонского господства губительной. Как бы то ни было, афинское правительство начало переговоры с Атталом о совместных действиях против Александра. После убийства Аттала Демосфен установил контакты с персидскими сатрапами в Малой Азии [Плутарх, Демосфен, 20; Диодор, 17, 4, 8; Юстин, 11, 2, 7]. Однако основных и самых надежных союзников Афины искали в Греции. Надежды на успех казались достаточно обоснованными. В самом деле, эголяне постановили вернуть из Акар-

нании на родину тех, кого раньше по требованию Филиппа пришлось изгнать, т. е. противников македонского господства; в Амбракии по предложению Аристарха был восстановлен демократический режим и из города удален македонский гарнизон; Фивы также изгнали македонский гарнизон и заявили о своем отказе признавать Александра гегемоном; аналогичное решение приняли в Аркадии; Аргос, Элида, Спарта и некоторые другие общества Пелопоннеса подтвердили свое стремление к независимости [Диодор, 17, 3, 3—5].

Уже в начале лета 336 г. молодой царь явился в Фессалию; произнося дружественные речи, раздавая всевозможные обещания, он убедил местных правителей, чтобы на общем собрании Фессалийского союза его не только избрали архонтом (это подразумевалось само собой), но и признали гегемоном всей Эллады [там же, 17, 4, 1]. Из Фессалии Александр прибыл в Фермопилы и там заставил синедрион Дельфийской амфикионии принять аналогичное решение [там же, 17, 4, 2]. Собственно, цель была достигнута, но требовалось преодолеть сопротивление Фив, Афин и пелопоннесских городов. Обратившись к Амбракии, он обещал в самом ближайшем будущем предоставить ей автономию [там же, 17, 4, 3]; то же обещание было адресовано и другим городам. Свои примирительные речи Александр сопровождал внушительной демонстрацией силы. Совершив трудный переход, его войска вступили в Беотию и расположились недалеко от Кадмеи. Этого оказалось достаточно, чтобы парализовать сопротивление и Фив, и Афин. Последние прислали к Александру послов с извинениями по поводу того, что не сразу признали нового македонского царя общегреческим гегемоном. Царь отвечал послам в дружественном тоне; угроза войны как будто миновала [там же, 17, 4, 4—9]. В Фивах снова водворился македонский гарнизон. Теперь Александр мог созвать в Коринфе новый конгресс Панэллинского союза; там он был избран стратегом-автократором Эллады. По договору, заключенному в 338/7 г. в Коринфе, Александр, по-видимому, и без того имел право на положение, которое в Панэллинском союзе занимал Филипп II, однако новый македонский царь должен был заставить сообщество греков подтвердить прежние соглашения и признать его права. Конгресс 336 г. еще раз принял

решение о войне против персов [там же, 17, 4, 9; Арриан, 1, 1, 2—3; Юстин, 11, 2, 5; ср. также: Тод, II, 183].

В Коринфе произошла знаменитая встреча Александра с киником Диогеном. Последний был хорошо известен и своими воззрениями (он, в частности, являлся одним из создателей античного космополитизма — индивидуалистической теории мирового гражданства, отрицавшей связи человека с определенным конкретным полисом), и своими чудачествами, своим поразительным, с точки зрения нормального обывателя, образом жизни. Всем своим поведением Диоген демонстрировал равнодушие к мирским благам, презрение к обществу, в котором вынужден жить, бессмысленность всякой деятельности. Вот и теперь, когда весь Коринф был взволнован пребыванием в городе македонского царя, когда вокруг Александра теснились государственные деятели, философы, все сколько-нибудь значительные люди, один Диоген, казалось, не обращал на суету ни малейшего внимания. Влекомый любопытством Александр сам решил посетить философа и застал его лежащим на солнце. Слегка приподнявшись, Диоген вопросительно посмотрел на царя, и тот не нашел ничего лучшего, чем спросить, не нужно ли Диогену чего-нибудь. «Немного отойди от солнца», — тотчас последовал ответ [Диоген Лаэрт., 6, 38; Плутарх, Алекс., 14; Арриан, 7, 2, 1; Сенека, О благод., 5, 4, 3, и др.]

И вопрос, и ответ по-своему весьма значительны. Александр не был готов к тому презрительному равнодушию, с каким его, могущественнейшего человека в Греции, встретил нищий философ; но именно поэтому он и мог задать лишь банальный в устах царя и, учитывая характер и образ жизни Диогена, совершенно никчемный вопрос. Тем не менее в его вопросе был определенный смысл: перед философом открывалась возможность вернуться к «нормальной», обеспеченной жизни, стать придворным македонского царя, и вот именно эту возможность философ отверг. Диоген предпочел «греться на солнышке», предпочел позицию бунта, позицию полного отрицания всего того жизненного уклада, наиболее ярким представителем и защитником которого был Александр.

Беседа не получилась, однако сам философ произвел на царя сильное впечатление. На обратном пути

спутники Александра издевательски высмеивали Диогена, и только сам он высказался иначе: «А я, если бы не был Александром, то был бы Диогеном». В этой фразе все примечательно. Александр был фактическим властителем Греции; очевидно, он (и, можно думать, не только он) высоко оценивал и свои потенциальные возможности. И вот теперь он встретил человека, которому не нужны ни Александр, ни находящиеся в его распоряжении жизненные блага, человека, не зависящего ни от кого, а потому абсолютно свободного, равного любому правителю. Ставя между собой и Диогеном знак равенства, Александр фактически признавал все это. Признавал он и высокий авторитет Диогена в греческом мире и не мог не понимать, что этот авторитет (нравственный) более высокого качества, чем его собственная власть, которую нужно было утверждать хитростями, угрозами и в конце концов — силой. Александр потому и пошел к Диогену, что рассчитывал привлечь его к себе. Но властвовать над Диогеном было нельзя; у устья его бочки проходила граница создаваемого Александром государства.

Есть и еще одна сторона вопроса. И Александру, и его окружению, и самому Диогену было понятно, что оба они представляют диаметрально противоположные, враждебные друг другу общественные идеи и устремления. Александр не мог не знать, что на вопрос, из какого металла следует отливать статуи, Диоген ответил: из того, из которого отлиты статуи тираноубийц Гармония и Аристогитона. В этих условиях фраза, вырвавшаяся у Александра, могла значить только одно: самому Александру безразлично, кем быть, важно лишь первенствовать, так или иначе добыть себе славу и господствующее положение в эллинском мире.

Возвращаясь из Коринфа в Македонию, Александр посетил Дельфы. Эта поездка сыграла заметную роль в его жизни; позже говорили, что оракул уже тогда признал Александра сыном Зевса (впрочем, уже в древности известия об этом событии были поставлены под сомнение [см.: Страбон, 17, 1, 43]). Значительно достовернее другой рассказ [Плутарх, Алекс., 14]. Александр попал в Дельфы в дни, когда не дозволялось совершать прорицания. Не обращая на это внимание, он послал за прорицательницей, но та отка-

залась явиться. Тогда царь сам отправился за нею и схватив за руки, потащил в храм. Пифия, словно побежденная его настойчивостью, воскликнула: «Ты непобедим, сынок!». Александр тотчас отпустил ее: именно эти слова он хотел услышать.

Настойчивость Александра объясняется довольно просто: благоприятное предсказание ему нужно было для того, чтобы внушить своим войнам, всем участникам похода уверенность в победе. Не лишне напомнить и о другом: по обычаю, колонизация новых земель совершалась с одобрения дельфийского оракула. В том, что предсказание будет благоприятным, Александр не сомневался: Демосфен недаром говорил, что «пифия филиппизирует».

В эпизоде с пифией, о котором рассказал Плутарх, еще раз ярко проявилось свойственное Александру нетерпение, стремление во что бы то ни стало, не считаясь ни с чем, немедленно добиться своего. В поступке Александра нашло свое отражение и другое: он явно и дерзко обнаружил свое нежелание считаться не только с людскими, но и с божественными установлениями. И если Александр мог себе это позволить и не встретить осуждения, по крайней мере явного, то только потому, что он был «свободен» в том смысле, который вкладывал в это слово Исократ, т. е. не был «опутан» законами, обязательными в человеческом общегитии. Македонскому царю, могущественнейшему человеку Греции, все дозволено. Таков был еще один жизненный урок, твердо усвоенный Александром к началу его царствования.

Александр возвратился в Македонию из Греции, покорно склонившейся перед его властью. Весной 335 г. он отправился в поход против иллирийцев и трибаллов — исконных врагов Македонии [Диодор, 17, 8, 1; Арриан, 1, 1—6]. Выступив из Амфиполя и переправившись через р. Несс, Александр на 10-й день подошел к горе Эмон (соврем. Шипка). Там его ожидали горные и так называемые автономные фракийцы. Лагерь последних располагался на вершине горы; это был типичный вагенбург (стоянка, окруженная повозками, за которыми в случае нужды можно было обороняться). Фракийцы рассчитывали сбросить свои телеги сверху на македонцев и тем заставить их отказаться от дальнейшего продвижения на север, Алек-

сандр приказал воинам либо разбежаться, когда они увидят падающие телеги, либо, если это будет невозможно, ложиться, плотно прижимаясь друг к другу и прикрываясь сверху щитами. В результате телеги не причинили македонянам вреда. Когда начался бой, македонская фаланга без труда сломила сопротивление фракийцев, и они бежали.

Миновав перевал, Александр двинулся на трибаллов и подошел к р. Лигин, протекавшей в трех переходах от Истра (Дуная). Сирм, царь трибаллов, отправил женщин, детей и все ценности на о-в Певка на Истре; сам укрылся там же. Однако многие трибаллы бросились навстречу македонянам к р. Лигин. Александр устремился к ним. Когда македонские войска приблизились к неприятелю, тот был занят разбивкой лагеря. Застигнутые врасплох, трибаллы спешно построились в боевой порядок в лесу. Обстреляв их из луков и пращей, Александр выманил противника, а потом наступлением фаланги и конной атакой обратил его в бегство.

Через три дня Александр подошел к Истру. Там он застал военные суда, присланные ему из Византии, и попытался высадиться на о-в Певка, но безуспешно. Тогда Александр решил переправиться на другой берег Истра, где находились геты. Македонская фаланга заставила последних бежать в степи.

Успехи Александра обеспечили ему господство на севере Балканского полуострова. Царь трибаллов, а также галлы, жившие у Ионического залива, обратились к нему с предложением заключить союз и установить дружеские отношения. Александр, по-видимому, охотно пошел им навстречу, ибо это должно было оформить подчиненное положение новых союзников. Признания именно данного факта добивался Александр, когда задавал галлам вопрос: «Кого из людей они больше всего боятся?» — и рассчитывал услышать в ответ: «Конечно, тебя». К его глубокому разочарованию, галлы сказали, что боятся только, как бы на них не упало небо. Этим ответом они отвергли претензии македонского царя на господство и подчеркнули равноправный характер договора между ними и Александром. Последний тем не менее принял союзнические отношения с галлами, хотя и назвал их хвастунами.

Устроив свои дела во Фракии, Александр направился в сторону Иллирии, вступил на территорию Агриании и Пэонии. Лангар, царь агриан, выказал дружеское расположение к Александру (позднее мы встречаем в армии Александра отряды агриан); однако македонскому властителю здесь противостояла сильная коалиция, в которой принимали участие иллирийский вождь Клит, сын Бардилея, а также Главкия, царь тавлантиев — иллирийского племени, жившего на побережье Адриатического моря. Еще одна угроза была со стороны автариатов — племени, обитавшего на севере Иллирии, в районе современной Черногории. Впрочем, эту опасность ликвидировал Лангар, разгромивший и разграбивший автариатов.

Александр переправился через р. Эригон и подошел к г. Пелию, где засел Клит. Войска последнего занимали горы, окружавшие город, и если бы Александр решил брать город штурмом, то македоняне оказались бы в кольце. Чтобы обеспечить себе помощь богов, воины Клита решились на крайние меры: принесли в жертву трех мальчиков, столько же девочек и еще трех черных баранов. После этого они устремились на македонян, но их атака была отбита. Александр задумал блокировать город, соорудив вокруг него осадные стены. Между тем к Пелию подошел Главкия — и положение Александра стало еще более сложным. Однако выход нашелся. Александр отправил сильный отряд под командованием Филоты на поиски продовольствия и фуража. Главкия бросился за Филотой и окружил его. Александр поспешил на помощь Филоте. Приближение Александра заставило Главкию отступить, так что Филота получил возможность вернуться в лагерь. Тем временем Клит и Главкия устроили засаду на пути Александра, но, не осмелившись напасть на фалангу, отошли к Пелию. Еще через три дня, воспользовавшись беспечностью противника, Александр атаковал осажденных и заставил их бежать в страну тавлантиев.

Между тем события потребовали, чтобы Александр спешно воротился в Грецию: там снова начались антимакедонские выступления [Юстин, 11, 2, 9—10; Диодор, 17, 8, 2]. Центром этого движения стали Фивы.

Все началось с того, что по Греции разнесся слух, будто македоняне разгромлены трибаллами, а сам

Александр погиб. Этот слух особенно энергично поддерживал Демосфен [Юстин, 11, 2, 8; Арриан, 1, 7, 2—3]. В Фивы возвратились изгнанники-демократы; они убедили народное собрание подняться на борьбу, за освобождение от македонского ига [Арриан, 1, 7, 1—2]. Фиванцы осадили Кадмею, где находился македонский гарнизон, и окружили ее рвами и частокколами [Диодор, 17, 8, 4].

Восстание в Фивах послужило сигналом для волнений и в других городах. Фиванцы обратились за помощью в Аркадию, Аргос, к элейцам и в Афины. Отовсюду они получили поддержку. Афины выразили Фивам свое сочувствие; Демосфен из своих личных средств дал им деньги на приобретение оружия. Пелопоннесцы выслали сильный отряд, занявший Истм и перегородивший, таким образом, Александру путь на Пелопоннес, создавший угрозу с юга на тот случай, если бы он решился вторгнуться в Беотию.

Александр не заставил себя ждать. Ему понадобилось всего 13 дней, чтобы, уйдя из Фракии, вторгнуться в Беотию и занять Онхест — стратегически важный пункт, позволявший создать угрозу Фивам [Арриан, 1, 7, 4—5]. Подойдя вплотную к Фивам, Александр не предпринимал решительных действий. Однако на его мирные предложения фиванское правительство ответило призывом присоединиться к Фивам, обращенным ко всем тем, кто вместе с великим (персидским) царем и фиванцами желает освободить Элладу и уничтожить тирана [там же, 1, 7, 7; Диодор, 17, 9, 2—5]. В фиванскую армию были включены освобожденные рабы и метеки [Диодор, 17, 11, 2]. Вместо того чтобы прислать в македонский лагерь послов с мольбой о пощаде, фиванцы напали на македонян. Они были отброшены, и Александр через три дня начал штурм города.

В нашем распоряжении имеются различные свидетельства об этом событии. То из них, которое сохранилось у Арриана [1, 8], взято из воспоминаний Птолемея, сына Лага, — одного из ближайших друзей Александра, впоследствии египетского царя; оно отражает официальную македонскую версию. Согласно этому рассказу, македонский военачальник Пердикка, не дожидаясь приказа царя, разметал палисад и напал на вражеское охранение. За ним в бой устремился со

своим отрядом и Аминта, сын Андромена, а потом Александр двинул в бой лучников и агриан. Пердикка и Аминта встретили ожесточенное сопротивление фиванцев, и их отряды обратились в бегство. Тогда Александр ввел в бой фалангу; фиванцы не выдержали ее натиска, и македоняне ворвались в город. На улицах Фив сопротивление оборонявшихся было окончательно подавлено.

Другое свидетельство дошло до нас в изложении Диодора [17, 11—12]. Судя по тому, с какой патетикой здесь восхваляются мужество и свободолюбие фиванцев, это повествование восходит к традиции, явно враждебной Александру. Не случайно именно Диодор замечает, что македонский царь «озверел душой», когда фиванцы отказались вести с ним переговоры [там же, 17, 9, 6]. Согласно этому рассказу, события развивались следующим образом. Александр разделил свои войска на три отряда. Первому из них он приказал разрушать частоколы, второму — сражаться с фиванцами, а третьему — находиться в резерве. Когда битва началась, Александр, видя стойкость фиванцев, ввел в действие резерв, однако сломить противника все не удавалось. Наконец, он увидел какую-то дверь в городской стене, оставившуюся без охраны, и послал туда Пердикку. Через эту дверь македоняне проникли в город и в уличном бою разгромили фиванцев.

Судьба Фив была ужасна. Арриан пишет: «И тогда, охваченные яростью, не столько македоняне, сколько фокидяне и платейцы, и другие беотийцы уже не оборонявшихся фиванцев без всякого порядка убивали, — и тех, кого застигали в домах, и тех, кто сражался, и даже тех, кто умолял о пощаде перед алтарями, не щадя ни женщин, ни детей» [1, 8, 8]. Что Арриан (или, вернее, его источник Птолемей) стремится свалить вину за гибель Фив на беотийцев и фокидян, очевидно. Диодор [17, 13], не снимая вины с беотийцев, подчеркивает роль, которую сыграли македоняне в истреблении фиванцев.

Гибель Фив, одного из крупнейших городов Греции, превращение в рабов всех уцелевших жителей привели страну в состояние шока. Все, казалось, трепетало, все спешили выразить свою покорность. Однако Александр понимал, что за этой уstraшенностью и покорностью скрывается жгучая ненависть, которая в любой

момент может выплеснуться через край. Пройдет время, и даже преждевременную смерть Александра объяснят гневом Диониса, покаравшего царя за разрушение Фив — его родины [Афиней, 10, 434]. Когда Диодор говорит, что Александр «озверел душой», он выражает широко распространенное мнение современников. Для того чтобы ликвидировать такое впечатление, была сконструирована версия, делавшая главными виновниками страшного несчастья другие греческие общества, враждебные Фивам. По Греции начали циркулировать всевозможные слухи, которые должны были в благоприятном свете представить поведение самого Александра во время катастрофы. Говорили даже, что потом он часто выражал сожаление по поводу бедствий, постигших Фивы, и обращался с фиванцами милостиво [Плутарх, Алекс., 13].

Все эти запоздалые сожаления ничего не изменили в судьбе обреченного города. Более 30 тыс. захваченных в плен фиванцев были проданы в рабство. Исключение сделали только для жрецов, лиц, находившихся с македонянами в отношениях гостеприимства, для тех, кто противился антимакедонской политике фиванского правительства, а также для потомков великого греческого поэта Пиндара, которого Александр высоко ценил. Впрочем, весьма вероятно, что особое отношение к ним объясняется более прозаическими мотивами: Пиндар, сложивший энкомий в честь Александра I, считался благодетелем македонского царского дома, и это накладывало на Александра III определенные моральные обязательства [там же, 11; Арриан, 1, 9, 9—10; Элиан, 13, 7; Дион Хрис., 2, 33]. От продажи фиванцев в рабство Александр выручил 440 талантов серебра [Диодор, 17, 14, 4].

Решение вопроса о судьбе Фив Александр передал общегреческому съезду [там же, 17, 4, 1]. Само собой разумеется, тон задавали там старые враги фиванцев — фокиядяне, платейцы, феспийцы, орхоменцы; отсюда, естественно, сложилось и мнение, будто Александр предоставил определить судьбу Фив своим союзникам, непосредственно участвовавшим в военных действиях [Арриан, 1, 9, 9], а они настаивали на полном уничтожении ненавистного города. Вспоминали и традиционный союз фиванцев с персами, в том числе и тот факт, что они во время Греко-персидских войн

дали персам «землю и воду», т. е. власть [ср.: Геродот, 7, 132]. Вспоминали и то, как фиванцы во время перемирия захватили Платеи и продали в рабство жителей этого городка. Вспоминали и другие их преступления. Впоследствии все эти аргументы были усвоены промакедонской пропагандой, настойчиво уверявшей, что Фивы сами виноваты в своей гибели [ср.: Арриан, 1, 9, 6—8]. Съезд эллинов решил разместить в Кадмее воинский гарнизон, а сами Фивы скрыть до основания; он санкционировал продажу в рабство пленных фиванцев, немедленный арест всех фиванцев, запрет давать им приют, раздел их земель между победителями. Все эти решения были исполнены в точности [там же, 9, 9—10; Диодор, 17, 14, 3—4; Юстин, 11, 4, 7—8; Плутарх, Алекс., 11].

Чудовищная расправа с Фивами произвела, как говорилось выше, на остальную Грецию именно то впечатление, на которое Александр рассчитывал. Аркадяне, уже отправившие свои войска на помощь Фивам, поспешили приговорить тех, кто вносил соответствующее предложение, к смертной казни [Арриан, 1, 10, 1]. Элейцы вернули на родину изгнанников — сторонников Македонии [там же]. Этолийцы (каждое племя отдельно) отправили послов к Александру с мольбой о прощении [там же, 1, 10, 2].

В Афинах о падении Фив узнали в момент, когда там совершались очередные элевсинские Великие Мистерии (т. е. между 15 и 23 боэдромиона по афинскому календарю; иначе говоря, в сентябре—октябре). Прервав религиозную церемонию, афиняне бросились свозить свои пожитки под защиту городских стен. Город готовился к осаде; его население открыто выражало скорбь по поводу гибели Фив и сочувствие их жителям; именно Афины, вопреки решению общеэллинского съезда, предоставили убежище беженцам из Фив. Тем не менее, желая избежать вооруженного столкновения, афинское народное собрание по предложению оратора Демада отправило к Александру послов, которым было поручено поздравить его с благополучным возвращением из похода против иллирийцев и трибаллов, а также с подавлением фиванского мятежа. Александр милостиво принял афинян, однако, обратившись непосредственно к афинскому народному собранию, потребовал выдачи руководителей антима-

кедонской партии во главе с Демосфеном. В Афинах это требование вызвало новые волнения. В конце концов было принято постановление с просьбой о помиловании Демосфена и его сторонников, а также с обещанием покарать тех, кто окажется заслуживающим наказания. Александр, определенно желая во что бы то ни стало достичь соглашения, отказался от своего требования; только Харидем по его настоянию должен был уйти в изгнание. Видимо, при этом были произнесены речи о том, насколько велико в сущности почтение Александра к Афинам, и даже о том, что если с ним, Александром, что-нибудь случится, именно Афины должны взять в свои руки управление Грецией [Арриан, 1, 10, 2—6; Юстин, 11, 4, 9—12; Диодор, 17, 15; Суда, Ἀκσίπατρος; Плутарх, Алекс., 13; Демосфен, 23; Фок., 17]. Миролюбие, которое Александр обнаружил во время переговоров с Афинами, должно было еще раз показать эллинам, что он исполнен самых лучших чувств по отношению к Греции и ее народу.

Весной 334 г. во главе небольшой армии Александр переправился в Азию. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям [Плутарх, Алекс., 15], он располагал войском из 30—43 тыс. пехотинцев и 4—5 тыс. всадников [ср. также: Плутарх, О судьбе, 1, 3; Ливий, 9, 19, 5]. Согласно другому источнику [Диодор, 17, 17, 3—4], под командованием Александра состояли 30 тыс. пехотинцев, в том числе 12 тыс. македонян, 7 тыс. союзников (греков?), 5 тыс. наемников (всеми командовал Парменион), а также 5 тыс. одрисов, трибаллов и иллирийцев, 1000 стрелков из лука. Всадников, по этим же данным, у Александра было 4,5 тыс., в том числе 1,5 тыс. македонян под командованием Филоты, сына Пармениона, 1,5 тыс. фессалийцев под командованием Коллата, сына Гарпала, 600 греков под командованием Эргия, 900 фракийцев и пэонов под командованием Кассандра. Арриан [1, 11, 3] пишет, основываясь на официальных македонских материалах, что пехоты у Александра было немногим более 30 тыс., а всадников — свыше 5 тыс. Наконец, по сведениям Юстина [11, 6, 2], Александр имел 32 тыс. пехотинцев и 4,5 тыс. всадников; Фронтин [4, 2, 4] дает общую цифру — 40 тыс. человек. В битве при Гранике Александр располагал шестью «полками» пеших дру-

жизнников, а при Гавгамелах — семью. В любом случае численность армии Александра в начале военных действий не превышала 50 тыс. человек.

Каковы были цели, которые ставил перед собой Александр, можно судить по его действиям. Вероятнее всего, он следовал идеям своего отца, несомненно много раз обсуждавшимся при нем и с его участием. Официально война велась от имени Панаэллинского союза для отмщения персам за поруганные греческие святыни. Однако греческие города, входившие в состав союза, выставили ничтожно малое число воинов. Имеются и другие обстоятельства, позволяющие думать, что уже в самом начале кампании Александр имел в виду овладеть Ахеменидской державой, стать царем Азии и, возможно, именно ее превратить в центр своего государства.

Вернувшись из Греции после разгрома Фив, Александр созвал македонских военачальников и придворных («друзей»), занимавших особенно видное положение, чтобы вместе с ними обсудить планы будущей войны. На этом собрании он услышал от старых соратников отца, Антипатра и Пармениона, совет: сначала народить детей, а уж потом затевать такое дело, как поход в Азию. В речах выступавших несомненно звучала мысль о необходимости обеспечить преемственность власти в Македонии на случай гибели царя, но нетрудно было при желании расслышать и сомнение в его зрелости, предложение набраться опыта и создать более сильную армию. Александр ничего не желал слушать. Позорно было бы ему, которого вся Греция назначила полководцем, ему, в чьем распоряжении находилась непобедимая отцовская армия, справлять свадьбы и ожидать рождения детей, вместе того чтобы отправляться в поход. Александр рисовал перед своими слушателями блестящие перспективы, которые их ожидают в Азии, и в конце концов добился одобрения [Диодор, 17, 16, 1—3]. Парменион и Антипатр больше не возражали, тем более что в их руках оказались ключевые позиции в армии.

Обратила на себя внимание современников еще одна деталь. Собираясь в поход, Александр щедро раздавал дружинникам всевозможные имущества и доходы: одному — участок земли, другому — деревню, третьему — налог с общины или с гавани. Когда было

раздарено почти все царское богатство, Пердикка спросил Александра: «А себе, царь, что же ты оставляешь?». В ответ услышал только одно слово: «Надежды». «Ну, что же, — воскликнул Пердикка, — и мы, идущие с тобой в поход, будем соучастниками в этом!». С такими словами он и некоторые другие придворные отказались от царских пожалований [Плутарх, Алекс., 15; О судьбе, 2, 11]. Юстин [11, 5, 5] замечает, что все свое наследственное имущество в Македонии и Европе Александр разделил между «друзьями» и заявил, что ему достаточно Азии.

Поступок Александра должен был, разумеется, показать всем, и в первую очередь воинам, его уверенность в победе. Убежденность царя передалась солдатам; они предвкушали ожидающую их богатую добычу и за разговорами о ней как-то позабыли о трудностях и опасностях предстоящего похода [там же, 11, 5, 8—9]. Однако, хотел этого Александр или нет, его действия имели и еще один смысл. Отказываясь от принадлежавших ему в Македонии имуществ и доходов, Александр если и не отказывался вообще от Македонии, то во всяком случае делал свои связи с нею слабыми и эфемерными. Было ясно, что если он победит, то будет обладать и огромным государством, и колоссальными богатствами. В этом государстве Македонии с самого начала отводилась второстепенная роль.

В штабе Александра — ученика Аристотеля — помимо военных были крупные ученые, дипломаты, литераторы, придворные историки, чтобы запечатлеть для потомства деяния македонского царя, — Аристул, Пиррон, Анаксарх, Каллисфен. В канцелярии Александра под руководством Евмена велся дневник похода. С самого начала Александр ставил перед собой не только военные, но и исследовательские цели.

Положение македонских войск, переправленных в Малую Азию еще при жизни Филиппа II, к весне 334 г. было очень сложным. Они терпели поражение за поражением; Мемнон, командовавший греческими наемниками, находившимися на персидской службе, овладел Эфесом, Кизиком и повсеместно в Малой Азии восстановил персидское господство и олигархические режимы, на которые оно опиралось. Ситуация стала особенно трудной после того, как Аттал по приказу

Александра был убит, а Парменион отозван в Македонию для формирования армии вторжения.

Переправа через Геллеспонт потребовала значительного флота; войска, форсировавшие водную преграду, были размещены на 160 кораблях. Перед тем как отправиться в путь, Александр принес в Елэунту жертву Протесилаю — по преданию, тому участнику похода греков против Трои, который первым вступил на землю Азии. Александр собирался повторить содеянное Протесилаем и хотел заручиться поддержкой богов, чтобы его предприятие закончилось успехом [Арриан, 1, 11, 5]. Этот поступок, равно как и устройство алтарей Зевсу — покровителю высадок, Афине и Гераклу в местах, откуда отправлялись и где позже причалили греко-македонские корабли [там же, 1, 11, 7], имел не только религиозный смысл. Перед нами несомненно тщательно продуманная политическая акция, которая должна была представить македонского царя (потомка Геракла, а значит, и Зевса) прямым продолжателем деяний героев греческого эпоса. Наряду с этим в действиях Александра ощущается подражание персидскому царю Ксерксу, его поступкам накануне и во время переправы в Грецию.

В этом же духе Александр продолжал действовать и дальше. Когда флотилия отплывала из Елэунта, он вел флагманский корабль; посреди Геллеспонта принес быка в жертву Посейдону и Нереидам и совершил возлияние в море из золотой чаши [там же, 1, 12, 6]. Когда греко-македонские суда приблизились к азиатскому берегу, Александр метнул во вражескую страну, свое копьё и первым выскочил на берег [Юстин, 11, 5, 10]. Как и другие действия Александра в данный, самый первый момент начинающейся кампании, этот поступок легко можно было бы объяснить и увлечением молодости, и пылкостью, и стремлением подражать Протесилаю. Однако при всей своей кажущейся импульсивности метание копьё и прыжок на берег были несомненно политической демонстрацией. Александр хотел показать, что все, что будет захвачено в будущем на территории Азии, — это завоеванное его копьём и потому будет принадлежать лично ему, царю Александру. Тем самым четко отграничивались действия Александра в качестве главы Панэллинского союза от его же действий в качестве завоевателя и бу-

душего царя Азии. На добычу Панэллинский союз претендовать не мог — она целиком достанется македонскому владыке.

Метание копья явилось символическим актом, утверждающим новые правовые основы монархического строя. Александр основывал свои притязания на воеванную копьем землю исключительно на праве сильного. Он исходил здесь в сущности из старой циничной морали греческих авантюристов и наемников, вся жизнь которых зависела от военной удачи.

Македонский царь мог бы сказать о себе то же, что говорил древний, нам неизвестный греческий поэт — наемный солдат:

Есть у меня большое богатство — копье и меч,
И прекрасный щит, прикрытье для тела,
Им я пашу, им я жну,
Им выжимаю вкусное вино из винограда,
Им я назвал владык рабами.
Те же, кто не дерзает иметь копье и меч,
И прекрасный щит, прикрытье для тела,
Все они, к колену моему припадая,
Склоняясь ниц, меня владыкой
И великим царем провозглашают.

[Антол., Схолии, фрагм. 28]

Высадившись на берег, Александр направился к развалинам Трои [Юстин, 11, 5, 12]. Объяснений этому поступку много: и исключительная, отмеченная уже древними наблюдателями любовь к творчеству Гомера, и почитание Александром эпических героев, его легендарного предка Ахилла, и владевшее им непреодолимое стремление повидать достопамятные места, новые неведомые земли. Но поездка Александра в Трою являлась несомненно и политической демонстрацией, которая должна была лишней раз подчеркнуть историческую миссию Александра — прямого наследника и продолжателя Агамемнона и Ахилла. В Трое Александр принес жертву Афине Илионской, по преданию, покровительствовавшей грекам во время осады Трои; посвятив богам оружие, он взял вместо него другое, хранившееся, как рассказывали, со времен Троянской войны [ср.: Диодор, 17, 17, 7—18, 1]. Еще одну жертву на алтаре Зевса Александр принес Приаму, эпическому царю Трои, умоляя его не гневаться больше на его предков и сородичей, осаждав-

ших знаменитый город. Но главная церемония состоялась у могилы Ахилла, которую Александр вместе со своими ближайшими дружинниками, по обычаю, обожал, сняв с себя одежды, а потом торжественно увенчал золотым венком; передавали, что подобный венец Александр возложил и на могилу Патрокла. Традиция донесла до нас и характерное высказывание Александра об Ахилле, который был счастлив, имея при жизни верного друга, а после смерти удостоившись того, что его подвиги воспел Гомер [Арриан, 1, 11, 7—12, 1; Плутарх, Алекс., 15]. Рассказывали также [Плутарх, Алекс., 15], что Александру предложено было посмотреть лиру, якобы принадлежавшую Парису — тому самому, что похитил прекрасную Елену и из-за которого, собственно, произошла Троянская война. Александр будто бы в ответ заявил, что он ищет лиру Ахилла, с кою тот воспевал подвиги доблестных мужей.

Из Трои Александр отправился в Арисбу, где находилась вся его армия. По дороге он посетил еще один храм Афины; перед храмом в пыли лежала опрокинутая статуя Ариобарзана, персидского сатрапа Фригии. Местный жрец Аристандр истолковал этот факт как еще одно предзнаменование победы [Диодор, 17, 17, 6—7]. Традиция Диодора утверждает, что именно в этом храме Александр посвятил богам свое оружие и взял взамен то, что издревле хранилось там.

Действия Александра в Трое должны были, очевидно, побудить греческие города Малой Азии присоединиться к нему для совместной борьбы против персидского господства. Однако малоазиатские греки предпочитали выжидать. Исключение составил только г. Приап, сданный македонскому царю тамошними гражданами [Арриан, 1, 12, 7]. Про г. Лампсак рассказывали, будто его жители придерживались персидской ориентации; разгневанный Александр якобы хотел подвергнуть город страшной каре, и только Анаксимен, знаменитый оратор и писатель, сам происходивший из Лампсака, удержал его [Павсаний, 6, 18, 2—4; Вал. Макс., 7, 3, 4; Суда, Ἀναξιμένους].

Причины, обусловившие поведение малоазиатских греков в начале войны, очевидны. Это прежде всего давние экономические связи с глубинными районами Малой Азии и Персидской державы в целом. Это и

присутствие на западе Малой Азии значительной персидской армии, не уступавшей по численности армии Александра. Ко времени, когда греко-македонские войска высадились в Малой Азии, в эллинских городах на полуострове господствовали зависевшие от ахеменидского правительства олигархические режимы и тирании, пользовавшиеся поддержкой персидских гарнизонов.

Персидские войска, противостоявшие Александру, насчитывали около 60 тыс. человек [Юстин, 11, 6, 11]; они складывались из контингентов, находившихся под командованием Арсита — сатрапа приморской Фригии, Атизии — сатрапа собственно Фригии, Спифридата — сатрапа Лидии, Мифробузана — сатрапа Каппадокии, а также из отрядов греческих наемников, которыми командовал родосец Мемнон.

Последний — одна из наиболее примечательных фигур интересующей нас эпохи. Родившийся около 380 г., Мемнон ко времени своей встречи с Александром накопил большой военно-политический опыт. Он являлся правителем греческой Малой Азии, непосредственно прилегавшей к Эгейскому морю, и был кровно заинтересован в организации эффективного сопротивления Александру. Мемнон имел прочные родственные связи с сатрапами Фригии, активно участвовал в политической жизни Малой Азии. Наконец, Мемнон успешно сражался с Парменионом и Атталом, когда они по приказу Филиппа II высадились в Малой Азии.

На персидском военном совете у г. Зелеи Мемнон выступил со смелым предложением — отходить в глубь страны, разоряя и опустошая ее: Александр не сможет долго оставаться в стране, лишенной продовольствия. Однако этот план был отвергнут. Особенно возражал против него Арсит, заявивший будто бы, что не потерпит, если у его подданных сожгут хотя бы один дом. Персидские сатрапы Малой Азии не желали разорения своих владений; они, возможно, не слишком доверяли и Мемнону, полагая, что тот хочет затянуть войну из своих карьеристских соображений [Арриан, 1, 12, 8—10; Диодор, 17, 18, 2—4]. По некоторым сведениям, они рассчитывали просто убить Александра и тем прекратить войну в самом начале.

Сражение состоялось у р. Граник (соврем. Бигачай), впадающий в Пропонтиду (соврем. Мраморное море). Источники сохранили [Арриан, 1, 13—16; Дио-

дор, 17, 19—21; Плутарх, Алекс., 16] различные, во многом не согласованные между собой описания боя, однако в целом ход его более или менее ясен. Персидские войска располагались на крутом и обрывистом правом берегу реки: конница, выстроенная вдоль берега, и в некотором отдалении за нею — греческие наемники-пехотинцы. Исползуя преимущества местности, персидское командование рассчитывало не допустить переправу и заставить Александра потерять время на маневрирование. Когда Александр приблизился к реке, Парменион, как рассказывали, обратился к царю с советом воздержаться от немедленной переправы. Он предупреждал, что персы нападут на македонян, выходящих из реки, и попытка форсировать Граник закончится тяжелой неудачей, а поражение в начале войны отрицательно скажется на всей ее судьбе. Между тем, став лагерем на левом берегу Граника, македоняне вынудили бы врага отойти, так что на следующий день они переправились бы без серьезных затруднений. «Я все это понимаю, — отвечал будто бы Александр, — но мне было бы стыдно, что я без труда преодолел Геллеспонт, а этот крохотный ручеек помешает мне переправиться сейчас же, как мы есть!». В этом рассказе, восходящем к официальной македонской традиции, чувствуется стремление противопоставить старческую мудрость и предусмотрительную осторожность Пармениона юношеской решительности и безоглядной храбрости Александра, которому было в тот момент (начало июня 334 г.) всего около 22 лет. Хотя все обстоятельства как будто свидетельствовали в пользу Пармениона, права оказывается молодость, не желающая принимать в расчет даже самые «благоразумные» соображения. В результате Парменион со всем его опытом и знаниями остается посрамленным. Чувствуется здесь, однако, и другое: Парменион хочет руководить Александром; Александр, поступающий наперекор его советам, утверждает свою самостоятельность. Пока он шуткой ставит Пармениона на место; пройдет еще немного времени, и глеющий, постепенно все более разгорающийся конфликт разрешится гибелью упрямого старика и его сына Филоты.

Александр приступил к переправе. Командование левым флангом (фессалийская и союзническая кон-

лица) он поручил Пармениону, а правый фланг (македонская кавалерия) взял на себя. Бой начался с того, что Александр приказал конным разведчикам и пэонам, а также отряду пехоты переправиться на другой берег. За ними он повел под звуки труб и призывы к Аресу-Эпналию о даровании победы правый фланг. Авангардные отряды отвлекли основное внимание персов и дали возможность Александру с его всадниками переправиться на правый берег. Бой завязался с новой силой, теперь уже вокруг царя. У него сломалось копьё, и он должен был взять другое у коринфянина Демарата. В разгар боя Александр напал на Митридата, зятя Дария III, и ударом копья сбросил его на землю. В этот момент на Александра кинулся Ройсак и, ударив его кинжалом по голове, пробил шлем. Александр пронзил противнику копьём грудь, и тот свалился с коня. Сзади на Александра замахнулся кинжалом Спифридат, но жизнь царя спас Клит Черный, сын Дропида (брат царской кормилицы Ланики): точным ударом он отсек нападавшему руку вместе с кинжалом. Пока шла битва между всадниками, македонская пехота переправилась на правый берег. Персы, оттесненные от реки, постепенно прекращали сопротивление; началось массовое бегство.

Источники сообщают неправдоподобно маленькую цифру македонских потерь: 25 дружинников, павших при первой переправе, более 60 других всадников и около 30 пехотинцев. Такого рода сведения кажутся особенно невероятными, если их сопоставить с данными тех же источников о потерях персидской армии, исчисляемых десятками тысяч человек. Погибшим дружинникам Александр воздал исключительные почести: по его приказу великий греческий скульптор Лисипп изготовил их медные статуи, установленные в г. Дионе; всех своих погибших воинов Александр приказал похоронить на месте боя с оружием; родители и дети их получили освобождение от поземельных, имущественных и других налогов, а также от трудовых повинностей. Большую заботу Александр проявил и о раненых солдатах: каждого он расспросил об обстоятельствах, при которых была получена рана, каждому дал возможность похвалиться своими подвигами. Убитые в бою греческие наемники также были похоронены; пленных греков Александр отправил в цепях на ка-

торжные работы в Македонию за то, что они, как гласило обоснование приговора, вопреки общему решению всех эллинов воевали на стороне варваров против Эллады. Из взятой в сражении добычи 300 комплектов персидского вооружения Александр отослал в Афины в качестве посвящения богине Афине. Оно должно было сопровождаться надписью: «Александр, сын Филиппа, и эллины, кроме лакедемонян, — из взятого у варваров, живущих в Азии».

Ближайшим результатом битвы при Гранике было установление македонской власти во Фригии Геллеспонтской, управляемой прежде Арситом. Сатрапом этой области Александр назначил Каласа, сына Гарпала, и распорядился, чтобы население платило в македонскую царскую казну те же налоги, какие оно до этого вносило персам [Арриан, 1, 17, 1]. Иначе говоря, Александр с первых же шагов показал свое намерение сохранить прежним управление завоеванными территориями и статус их населения; никаких изменений в этой сфере от него ожидать не следовало.

От Граника Александр двинулся на Сарды — один из важнейших политических центров Малой Азии, некогда столицу Лидийского царства. По дороге его встретили Митрин, возглавлявший гарнизон, стоявший в тамошнем акрополе, и самые влиятельные граждане. Они сдали город победителю. Александр послал туда гарнизон; гражданам Сард он позволил сохранить свободу и жить по древним лидийским законам [там же, 1, 17, 3; ср.: Диодор, 17, 21, 6; Плутарх, Алекс., 17]. Как показывают дальнейшие действия Александра в Малой Азии, да и в самих Сардах, «свобода», которую он даровал, вовсе не означала освобождения от власти верховного владыки или даже податного и повинностного иммунитета. Провозглашение «свободы» было равносильно признанию полисной суверенности, ограниченной верховной властью царя, и, возможно, в данном случае — созданию демократического режима. Как бы то ни было, Александр назначил в Лидии своим сатрапом Асандра, сына Филоты; сбор налогов он поручил Никию, выделив, таким образом, налоговое ведомство и изъяв его из-под контроля сатрапа; командование гарнизоном в сардском акрополе было передано Павсанию, одному из дружинников [Арриан, 1, 17, 7]. Не забыл Александр и богов: находясь в Сардах,

он решил построить в акрополе храм и алтарь Зевса Олимпийского. Это событие легенда украсила живописными подробностями: когда Александр выбирал место для постройки, внезапно среди лета разразилась снежная буря, сухая гроза, а потом полилась с неба вода туда, где стоял дворец лидийских царей. Александр понял, что бог указывает, где должен быть построен храм, и отдал необходимые распоряжения [там же, 1, 17, 5—6].

Тем временем персидские наемники-греки, стоявшие гарнизоном в Эфесе, крупнейшем греческом порту на малоазиатском побережье Эгейского моря, узнали о результатах битвы при Гранике и, не дожидаясь победителя, бежали, захватив у эфесцев две триеры [там же, 1, 17, 9]. Явившись на четвертый день в Эфес, Александр ликвидировал там олигархический режим, служивший опорой персидского господства, и установил демократические порядки. По его приказу в город были возвращены изгнанные при персах приверженцы демократии. Как и в Сардах, в Эфесе Александр счел необходимым продемонстрировать свое благочестие, хотя и несколько иным способом: подати, которые выплачивались персидскому царю, он приказал вносить в храм Артемиды Эфесской [там же, 1, 17, 10]. Восстановление в Эфесе демократии сопровождалось антиолигархическими выступлениями народных масс; наиболее ненавистные и, очевидно, самые влиятельные олигархи — Сирфак, его сын Пелагоний и его племянники — были вытаны из храма, где искали убежища, и забиты насмерть камнями. Александр быстро прекратил беспорядки: он не желал, чтобы народное движение в Эфесе вылилось в избиение и разграбление местных богачей; вероятно, он не желал и слишком энергичной поддержки «снизу». Власть должна была устанавливаться и политический режим должен был организовываться «сверху» — по воле и решению царя [там же, 1, 17, 11—12]. Той же политики Александр придерживался и по отношению к другим греческим городам Малой Азии, добровольно признававшим его власть. Отправив в различные пункты малоазиатского побережья отряды под командованием Пармениона (в Магнесию и Трааллы) и Лисимаха, сына Агафокла (в другие эолийские и ионийские города), он всюду велел уничтожать олигархию, устанавливать демокра-

тический строй, всем пользоваться своими старыми законами. Александр устанавливал демократию не потому, что был принципиальным сторонником ее, а вследствие военно-политической необходимости, поскольку тирании и олигархические режимы придерживались персидской ориентации. Мало того, теперь Александр решил отказаться от налогов, которые эти города выплачивали персам [там же, 1, 18, 1—2]. Впрочем, как показывает надпись из Приены [Тод, II, 185], вообще от выплат в пользу македонского царя они освобождены не были. Однако речь шла уже не о податях в собственном смысле слова, а о взносах, которые эти города должны были вносить в царскую казну; употребление для обозначения платежей слова *συνταξίς*, которым назывались и взносы в союзническую казну II Афинского союза, свидетельствует, по-видимому, о том, что вне зависимости от включения греческих городов Малой Азии в Панэллинский союз они считались союзниками Александра и выплачивали в его казну не подати, а союзнические взносы. Само собой разумеется, действия Александра ничего не изменили по существу. Как бы деньги ни назывались, они все же отнимались у плательщиков и поступали в царскую казну, а союзнический статус, как показывал опыт общегреческих союзов, надежно обеспечивал верховную власть Александра над малоазиатскими греческими городами.

Не все греческие города добровольно признали власть Александра Македонского. Исклучение составил Милет, важный порт на берегу Эгейского моря, крупный экономический и культурный центр страны. По некоторым сведениям, после битвы при Гранике туда бежали остатки персидской армии во главе с Мемноном [Диодор, 17, 22, 1], который рассчитывал на персидскую ориентацию кругов, стоявших тогда в Милете у власти. Там он задержался недолго, ушел в Галикарнасс, где начал готовиться к новой встрече с неприятелем. Быстрое удаление Мемнона объясняется, по-видимому, тем, что командир милетского гарнизона Гегесистрат уже обращался к Александру с письмом, предлагая сдать город: при отсутствии поблизости организованной персидской силы он не видел возможности защищать его. Воины Гегесистрата оставили так называемый внешний город Милета, который

без труда был занят Александром. Однако приближение огромного, в 300 кораблей, персидского флота (флота киприотов и финикийян, сражавшихся на стороне персидского царя), ожидание близкой помощи побудили Гегесистрата к защите.

Персидский флот опоздал. Никанор, командовавший греческим флотом (160 кораблей), на три дня опередил персов и встал у о-ва Лада в непосредственной близости от Милета. Персы остановились у горы Микале; греческий флот и размещенный Александром на о-ве Лада гарнизон из 4 тыс. фракийцев и других наемников надежно преграждали им доступ в Милет. Персидские флотоводцы пытались спровоцировать греков на морское сражение; с такой же идеей носился и Парменион, рассчитывавший на неминуемую победу, предсказанную божественным знамением: орел сел на берегу около кормы корабля Александра. Александр отверг этот авантюристический план, заявляя, что предзнаменование истолковано неправильно. Вступать в бой с гораздо более сильным и опытным противником — значит заранее обрекать себя на неминуемое поражение. Орел, севший на берег, определенно показывает, что он, Александр, одолеет Милет с суши.

В этой ситуации милетские власти предприняли еще одну попытку договориться. К Александру явился Главкипп, представитель знатнейших горожан. От имени он заявил о желании сохранить нейтралитет (соглашались открыть свои ворота как для персов, так и для Александра) и просил прекратить осаду. Александр велел Главкиппу воротиться и предупредить милетян, что на следующий день начнется штурм города. И действительно, на другой день с утра заработали македонские осадные машины и войско Александра через проломы вошло в город. Никанор со своей стороны ввел флот в милетскую гавань. Граждане Милета сдались на милость македонского царя. Часть милетян и наемников, спасаясь от македонян, бросилась в море и попыталась было закрепиться на обрывистом островке недалеко от берега. После коротких переговоров наемники (их было там 300 человек) согласились пойти на службу к Александру. Милетян, оставшихся в живых после уличных боев, царь отпустил на свободу [об осаде Милета см.: Арриан, 1, 18, 3—19; Диодор, 47, 22, 2—5].

Судьба Милета должна была показать всему эллинскому и неэллинскому миру, что Александр не потеряет какого бы то ни было «нейтралитета», иначе говоря, попыток отказать ему в признании его верховной власти.

На следующий год Александр был избран милетским верховным магистратом — венценосцем (стефаномфором) [Силл., 272]. Конечно, такое почетное избрание во многом диктовалось стремлением горожан убогатворить грозного победителя. Однако, учитывая поведение Александра по отношению к другим греческим городам Малой Азии, есть основания думать, что и в Милете Александр выступил как глава и организатор местного демократического движения; оно стало опорой, что и было продемонстрировано предоставлением Александру высшей магистратуры.

Позже персидские флотоводцы на короткое время снова овладели Милетом, и военачальникам Александра пришлось еще раз его отвоевывать. Вскоре после взятия Милета Александр распустил свой флот. Источники [Арриан, 1, 20, 1; Диодор, 17, 22, 5] объясняют этот поступок двумя причинами: у македонского царя не было денег на его содержание; к тому же он видел, что греко-македонский флот не может одолеть персов на море и при таких обстоятельствах, разумеется, бесполезен. Видели здесь и тонкий расчет Александра: он будто бы хотел отрезать своим войнам пути на родину и заставить их побеждать, если они хотят избежать гибели. Все указанные соображения Александр, очевидно, принимал в расчет и высказывал вслух. Однако существовал, по-видимому, еще один, решающий довод: корабли нужны были в Греции и Македонии для защиты гаваней от возможных атак персов.

Другой греческий город, оказавший Александру сопротивление, — Галикарнасс на юго-западной оконечности Малой Азии, столица карийских тиранов, один из самых надежных оплотов персидского господства. Обороной Галикарнасса руководил Мемнон, которого Дарий III назначил правителем «Нижней» Азии и командующим всего персидского флота [Арриан, 1, 20, 3]. Александр имел основания рассчитывать в Карии на поддержку местных аристократических кругов, группировавшихся вокруг Ады, дочери Гекатомна, —

правительницы страны, которая в 340 г. в результате дворцового переворота лишилась власти. Правителем Карии стал тогда ее брат Пиксодар, а затем — его зять, перс Оронтобат. Ада сохранила за собой только неприступные Алинды [там же, 1, 23, 7—8]. Она сдала Александру эту местность и, желая продемонстрировать свою особенную близость к македонскому завоевателю, стала называть его сыном. Александр охотно принимал это обращение: дружественные отношения с Адой, которой он вернул Алинды и, по-видимому, тогда же обещал вернуть положение карийской правительницы, позволили ему ожидать от нее и близких к ней карийцев помощи или по крайней мере сочувственного нейтралитета во время боев за Галикарнасс [Диодор, 17, 24, 2—3].

Подойдя к городским стенам и успешно отбив вылазку неприятеля, Александр начал с того, что попытался овладеть соседним с Галикарнассом городом — Миндом, обладание которым должно было облегчить ему выполнение основной задачи. Однако ночной штурм закончился неудачей, сломить отчаянное сопротивление горожан не удалось, к тому же по морю к ним подоспела помощь из Галикарнасса — и Александр счел за лучшее отступить.

С тем большей настойчивостью македоняне занялись осадой Галикарнасса. Засыпав оборонительный ров, окружавший город, они подвели к стенам осадные башни и машины; попытка галикарнасцев ночью поджечь их закончилась неудачей. Через несколько дней два пьяных македонских воина, желая похвалиться своей храбростью, завязали, как рассказывали, стычку с галикарнасцами, к которой присоединилось много осаждавших и осажденных; македонцы отбросили галикарнасцев за ворота и сами едва не ворвались в город. Две башни и стена между ними рухнули, еще одна башня получила тяжелые повреждения. Галикарнасцы закрыли пролом наскоро построенной кирпичной стеной.

У стен города постоянно завязывались ночные бои. Попытки галикарнасцев уничтожить осадные орудия ни к чему не привели. Во время одной из вылазок отряд персидских наемников-греков под командованием афинянина Эфиальта нанес серьезный удар македонянам и принудил их к отступлению; положение

спасли ветераны, остановившие противника. Эфиальт погиб в бою, его солдаты повернули назад. Ожесточенная схватка произошла у городских ворот: галикарнасцы закрыли их слишком рано, помешали своим воинам вернуться в город, и они были перебиты. Кажалось, еще немного — и македоняне ворвутся в город, однако Александр подал сигнал отбоя. Арриан [1, 22, 7] утверждает, что царь хотел «сохранить» Галикарнас и ожидал изъявлений «дружбы» от его жителей.

Осажденным (прежде всего Мемнону и Оронтобату) стала очевидной бесперспективность дальнейшего сопротивления. Не желая сдаваться в плен, они подожгли склады оружия, постройки у городской стены и ушли: одни — на о-в Кос, другие — в крепость Саламакиду. Александр ввел ночью в город свои войска, велел убивать поджигателей, но не трогать галикарнасцев, которых застанут дома. Осаждать крепости, где укрылись Мемнон и Оронтобат с их войсками, он не стал. В результате Мемнон получил возможность избежать плена и возглавить персидскую армию, которая должна была остановить македонцев. Галикарнасский акрополь долго еще оставался в руках Оронтобата. Правительницей Карии Александр назначил Аду [там же, 1, 20—23; Диодор, 17, 23, 4—27, 6].

Весь запад Малой Азии был теперь в руках Александра. Однако битва при Гранике, осада, штурмы, необходимость содержать гарнизоны в различных пунктах уменьшили численность его армии. Рассчитывая приобрести популярность среди своих солдат, Александр отправил воинов-молодоженов на родину, чтобы они провели зиму в семейном кругу. Весной они должны были вернуться, а вместе с ними — и новые бойцы — македоняне и греки [Арриан, 1, 24, 1—2].

Не дожидаясь их и (вопреки тогдашнему обыкновению) не проводя зиму в бездействии, Александр постарался сделать все, чтобы расширить и закрепить свой успех. Пармениона с частью войск он отправил в Сарды и оттуда во Фригию, т. е. в центральные районы Малой Азии, а другую часть повел сам в Ликию и Пафлагонию, чтобы завладеть этими областями на средиземноморском побережье полуострова. Ни в Ликии, ни в Памфилии он почти не встретил сопротивления: наемные солдаты персидского царя и местные

жители сдавали ему один за другим свои города. Только мармарейцы, занимавшие крепость на неприступной скале у границ Ликии, не пожелали покориться Александру. Царь осадил их крепость и попытался взять штурмом. Мармарейцы отбили атаки македонян, тем не менее заставить Александра прекратить осаду они не могли. Им пришлось поджечь свой город и удалиться в горы [Диодор, 17, 28].

Еще одна попытка сопротивления имела место в Аспенде, на подступах к Киликии. Поначалу жители этого города добровольно признали власть Александра; их послы просили только не ставить в городе македонский гарнизон. Александр наложил на Аспенд единую временную подать в размере 50 талантов и потребовал передать ему лошадей, которых выращивали там для персидского царя [Арриан, 1, 26, 2—3]. Спустя немного времени Александр узнал, что граждане Аспенда не желают платить ему деньги и давать коней. Подойдя к городу и окружив его, он добился от Аспенда покорности, однако теперь сумма контрибуции увеличилась до 100 талантов и, кроме того, Аспенд должен был выдать в качестве заложников самых влиятельных в городе людей, платить ежегодную подать и подчиняться сатрапу, которого назначил Александр [там же, 1, 26, 5—27, 4].

Традиция и несомненно македонская пропаганда ((решающую роль здесь должно было сыграть сочинение Каллисфена) украсили известия об этом переходе Александра рассказами о чудесах и божественных знамениях, явно обнаруживавших божье благоволение к царю-полководцу. Так, передавали [Плутарх, Алекс., 17], что в Ликии около г. Ксанфа в роднике была найдена медная табличка с древними письменами, гласившими, что Персидское государство, уничтоженное эллинами, прекратит свое существование. В Фаселиде произошло примечательное событие, характеризующее отношение Александра к эллинской культуре: после очередного застолья Александр вместе с собутыльниками забросал венками статую философа Феодекта — уроженца этого города [там же].

Дорогу из Фаселиды к Перге, которая шла вдоль берега моря и была доступна только при северном ветре, Александр одолел без труда, ибо ветер дул в нужном направлении: волны как бы по божьей воле

отступили перед ним [там же, 17; Арриан, 1, 26, 2; Страбон, 14, 666—667].

Уже в древности, вскоре после смерти Александра, непочтительные греки смеялись над этими рассказами. Плутарх приводит отрывок из комедии знаменитого драматурга Менандра, где о последнем чуде говорится не только без должного пиетета, но и с явной насмешкой. Сам Плутарх еще во II в. н. э. считал необходимым заметить, что Александр в своих письмах ничего подобного не говорил, но что он построил дорогу из Фаселиды, которую называли лестницей. Весьма вероятно, что так оно и было в действительности, тем не менее рассказ о чуде не без воли и желания самого Александра получил широкое распространение и приобрел характер официальной версии. Он должен был способствовать укреплению морального духа греко-македонской армии. Впрочем, о ее моральном духе имеются и другие свидетельства: «Они [военачальники Александра. — И. Ш.] кормили воинов за счет неприятельской территории» [Диодор, 17, 27, 6]. Иначе говоря, македонская армия беспощадно грабила и разоряла все на своем пути. Конечно, иначе и быть не могло: обладая в начале войны крайне незначительными денежными средствами, Александр только таким способом мог содержать свои войска; к тому же надежда на быстрое обогащение за счет добычи была важным материальным стимулом и для его солдат, и для него самого. Уже после битвы при Гранике он отправил матери в Македонию почти все чаши, драгоценные пурпурные ткани и другие дорогие изделия, которые захватил у персов [Плутарх, Алекс., 16].

В результате своего приморского похода Александр завоевал Ликию и Памфилию, вплоть до границ Киликии; войска, отправленные им на север, заняли ряд внутренних районов Малой Азии до так называемой Великой Фригии [Диодор, 17, 27, 6—7].

Приморский поход Александра ознаменовался и еще одним событием — арестом линкестийца Александра, сына Аэропа, который, как его обвиняли, вступил в переписку с Дарием III; за убийство царя Александра ему, по слухам, было обещано Македонское царство и 1000 талантов золота. Об этом умысле Александр узнал случайно от попавшего в плен к Парме-

пиону перса Сисины, служившего связным между персами и линкестийцем [Арриан, 1, 25; Юстин, 11, 7, 1—2]. Линкестиец Александр, по-видимому, не пользовался поддержкой македонской аристократии, однако Александр не решился расправиться с ним, а предпочел возить арестованным за собой по всей Азии.

Утвердив свою власть над Аспендом, Александр вернулся в Пергу и оттуда пошел на север — через Писидию во Фригию. Кажется правдоподобным, что он желал укрепить свою власть в центральных районах Малой Азии и уже потом, оставив позади себя умиротворенный тыл, продолжить свой поход на Восток. Известно, что ему пришлось разгромить писидов [Плутарх, Алекс., 17]. Одним из центров их сопротивления был г. Термесс, расположенный на крутой обрывистой горе; по другую сторону дороги поднималась еще одна обрывистая гора. Термессцы заняли обе высоты, преградив путь армии Александра. Последний выждал, пока защитники ушли в город, оставив только стражу, и без особого труда овладел этой важной позицией [Арриан, 1, 27]. Свой лагерь он расположил непосредственно у Термесса.

Осада города предвещала Александру длительную задержку, и он решил не тратить на нее время, а подступить к другому писидскому городу — Сагалассу. Перед Сагалассом его защитники, к которым присоединились и термессцы, заняли холм, представлявший собой удобную оборонительную позицию. Александр повел свои войска на штурм твердыни. На правом фланге, где находился он сам, стояли гипасписты; в центре и до левого крыла — пешие дружинники. Рукопашную схватку с македонской пехотой, медленно поднимавшейся на высоту, писиды не выдержали. Преследуя отступающего неприятеля, Александр штурмом захватил Сагаласс. Вскоре и другие писидские города изъявили ему свою покорность [там же, 1, 27—28].

На дальнейшм пути во Фригию Александр не встретил сопротивления. Ему сдались Келоны, и Александр, нигде не задерживаясь, пришел в Гордий, где его ждал Парменион. Туда же явились и молодожены, ранее отпущенные в отпуск; туда же прибыло и подкрепление. Арриан [1, 29, 4] говорит, что это были 3 тыс. пехотинцев-македонян, 300 всадников-македонян, 200 всадников-фессалийцев и 150 элейцев. В Гор-

дии Александр предпринял действия, имевшие значение серьезных политических демонстраций. Во-первых, он принял афинское посольство, которое просило его отпустить на свободу афинян, служивших в персидской армии и взятых в плен при Гранике. Александр отказался это сделать: с ним наверняка приключится беда, если греки, служащие персам, перестанут его бояться; пусть афиняне явятся к нему после окончательной победы [там же, 1, 29, 5—6; ср.: Руф, 3, 1, 9]. Смысл произошедшего был очевиден: Александр желал, чтобы греки-наемники не заблуждались относительно их будущего. С другой стороны, ответ Александра не отнимал у афинян надежды на освобождение сограждан. Александр не желал углублять свой конфликт с афинянами, относившимися к нему резко отрицательно. Во-вторых, Александр посетил дворец Гордия и его сына Мидаса — древних фригийских царей. Там (по другой версии, в храме местного верховного бога) находилась знаменитая колесница, перевязанная узлом из лыка дикой вишни; существовало предание, что тот, кто его развяжет, овладеет Азией. Не исключено, что первоначальное пророчество, восходившее к древнему обряду воцарения фригийских правителей, обещало развязавшему узел власть над Фригией, и лишь позже оно было переосмыслено. Как бы то ни было, Александр не сумел справиться с этой задачей; по одной версии (Каллисфена), он выхватил меч и разрубил узел, а по другой (Аристобула) — вынул из дышла загвоздку, на которой держался узел, и снял ярмо. Энергичными действиями Александр подтвердил в глазах окружающих свое право на господство в Азии и укрепил их уверенность в благополучном исходе похода [Арриан, 2, 3, 6—8; Плутарх, Алекс., 18; Юстин, 11, 7, 3—16; Руф, 3, 1, 14—18].

Неудача персов в битве при Гранике и дальнейшие победы Александра в Малой Азии показали, насколько реально угроза Ахеменидской державе, которую создало македонское вторжение.

Теперь Мемнон решил перенести войну в Грецию и заставить Александра вернуться на родину, бороться там за господство над эллинским миром и, возможно, даже за само существование Македонского царства. По Греции разнесся слух, будто Мемнон собирается захватить Евбею, откуда, разумеется, нетрудно было

переправиться и на Балканский полуостров; ходили также другие слухи: будто Мемнон собирается двинуться прямо в Македонию. Все сторонники персов надеялись на близкий переворот и крушение власти Александра. Подкуп со стороны Мемнона, по-видимому, сыграл свою роль, однако едва ли можно сомневаться в том, что почва для нового подъема антимакедонского движения была хорошо подготовлена и без персидских денег [Диодор, 17, 29, 3—4]. Можно было ожидать, что, высадившись в Европе, Мемнон найдет союзников. Не случайно Спарта и Афины пытались завязать контакты с персами и отправили к ним своих послов [ср.: Арриан, 2, 6]. Первые действия Мемнона были в целом успешны. Без особого труда, с помощью «предателей» (т. е. сторонников персидской власти), он овладел Хиосом; еще некоторое время спустя его войска заняли ряд городов на о-ве Лесбос: Анфиссу, Мефимну, Пирру и Эрес. Самый крупный город на Лесбосе, Митилена, отказался признать власть персов, и Мемнон его блокировал. Однако в разгар осады Мемнон внезапно умер, доканчивать операцию пришлось уже Автофрадату и Фарнабазу, сыну Артабаза, которому, умирая, Мемнон поручил командование. После длительных переговоров с персами Митилена сдалась; в городе был размещен персидский гарнизон. Персы вернули изгнанных ранее противников демократического режима и одного из них, Диогена, сделали тираном. Вскоре после этого Фарнабаз заставил перейти на сторону персов Тенедос — крупный греческий город на побережье Малой Азии, введя в его гавань свои корабли [Арриан, 2, 1, 1—2; Диодор, 17, 29].

Неожиданная кончина Мемнона снова поставила перед Дарием III вопрос о дальнейших планах ведения войны и о том, кто будет командующим. Собственно, следуя предположениям Мемнона, он имел в виду перенести войну целиком в Европу. Однако, как ни расценивать результаты кампании Мемнона и Фарнабаза, последние все же действовали у берегов Малой Азии; балканские греки явно не собирались подниматься против Александра до появления на Балканском полуострове персидских солдат; заставить самого Александра повернуть назад так и не удалось.

При обсуждении этой проблемы на совете у Дария III произошла безобразная сцена. Некоторые при-

дворные побуждали царя, чтобы он сам взял на себя командование; афинянин Харидем, изгнанный в свое время из Афин по требованию македонян, а раньше служивший Филиппу II, предложил, чтобы царь нанял новых греческих наемников, а во главе всей армии поставил бы опытного военачальника. Кого Харидем имел в виду, догадаться было нетрудно. Персы решительно воспротивились, заявляя, будто Харидем собирается предать персов македонянам. Возникла перебранка, начался взаимный обмен ругательствами и оскорблениями, и Дарий III, не помня себя от гнева, отправил Харидема на казнь.

Однако другого полководца у него не было. Дарий сам взял на себя командование войсками и стал собирать новую армию, чтобы встретить Александра на подступах к Сирии [Диодор, 17, 30; Руф, 3, 2, 10—19].

Боевые операции Мемнона внушали Александру озабоченность. Она, правда, несколько уменьшилась после смерти этого выдающегося полководца. И все же Александр не считал опасность настолько серьезной, чтобы отказаться от похода на Восток. В Греции, в бассейне Эгейского моря, он оказался бы втянут в кровопролитную, длительную, безысходную кампанию, в результате которой мог в лучшем случае отстоять свое положение македонского царя и гегемона Панэллинского союза. Разгромить Дария, овладеть Ахеменидской державой можно было только одним способом: продолжая наступление в глубь Персидского государства. Такая победа успокоит и волнующуюся Грецию. Войну в Эгееде Александр поручил Амфотеру, назначенному командовать флотом, воссоздаваемым у Геллеспонта (по требованию царя туда должны были прислать корабли все его греческие союзники), и Гегелоху, которому были даны сухопутные войска, с задачей отвоевать у персов Хиос, Лесбос и Кос, где им также удалось разместить свой гарнизон [Руф, 3, 1, 19—20]. Сам Александр двинулся в Анкиру (соврем. Анкара), а оттуда — в Пафлагонию и далее в Каппадокию [Арриан, 2, 4, 1—2; Руф, 3, 1, 22—24; Плутарх, Алекс., 18].

На своем пути Александр не встретил сопротивления и без особого труда подошел к Киликийским Воротам. Эти Ворота — горный проход в глубинные районы страны — охраняла сильная стража. Александр

оставил тяжеловооруженные войска под командованием Пармениона в «лагере Кира» (пункте, где когда-то останавливался персидский царевич Кир), а сам с легковооруженными солдатами пошел навстречу опасности. Услышав о приближении греко-македонских войск, стражники бежали [Арриан, 2, 4, 3—4]. Минув со всеми возможными предосторожностями узкий обрывистый проход, над которым нависла гора, Александр удивился своему везению: его солдат легко можно было засыпать сверху камнями, если бы противник не покинул столь выгодную позицию [Руф, 3, 4, 11—13].

Правитель Киликии Аршам решил применить против Александра, с большим, правда, опозданием, тактику, которую в свое время настойчиво рекомендовал Мемнон, — тактику выжженной земли. Но такие действия уже не могли серьезно обеспокоить македонян [там же, 3, 4, 3]. К тому же они делали местное население естественным союзником Александра. Пройдя через Киликийские Ворота, последний узнал, что Аршам то ли собирается разграбить и сжечь Тарс — крупнейший город и порт Киликии, то ли уже приступил к осуществлению этого замысла. Не теряя времени, Александр спачала послал в Тарс Пармениона, а затем и сам помчался туда во главе своих легковооруженных воинов и приостановил разрушение. Аршам покинул Киликию и бежал к Дарию III [Арриан, 2, 4, 5—6; Руф, 3, 4, 14—15].

В Тарсе Александр серьезно простудился: усталый, покрытый пылью и грязью, он выкупался в холодных водах р. Книд. Опасались за его жизнь и за судьбу похода; врача Филиппа, который лечил Александра, Парменион обвинил в предательстве: дескать, тот подкуплен персами и замыслил отравить царя. Александр не поверил навету. В присутствии Филиппа он прочел письмо и передал его врачу; пока Филипп читал, Александр пил приготовленное им лекарство. Питье и уход Филиппа подействовали: царь очень быстро поправился и снова мог приступить к делам [Арриан, 2, 4, 7—11; Руф, 3, 5—6; Плутарх, Алекс., 19; Диодор, 17, 31, 5—6].

ОТ ИССА ДО ГАВГАМЕЛ

С занятием Киликии закончился первый этап похода Александра на Восток — завоевание Малой Азии. Греко-македонские войска стояли у порога Сирии, готовясь продолжить свой путь в глубь Ахеменидской державы. После новых мобилизаций и вербовки наемных солдат Александр располагал, по-видимому, приблизительно 40 тыс. пехотинцев и 5—7 тыс. всадников.

Командование персидской армией после гибели Мемнона и казни Харидема Дарий III решил взять на себя. Она формировалась в Вавилоне и, по некоторым данным [Диодор, 17, 31, 2; Юстин, 11, 9, 1], насчитывала более 400 тыс. пехотинцев, не менее «десяти мириад» (т. е. 100 тыс.) всадников. Согласно Плутарху [Алекс., 18], Дарий имел 600 тыс. солдат. Такую же цифру указывает и Арриан [2, 8, 8]; однако в его сообщении, вводимом словом «говорят», уже ощущается определенный элемент сомнения. Во всех названных цифрах чувствуется явное преувеличение. Свидетельства, которыми воспользовались Диодор и Плутарх, стремятся противопоставлением огромного персидского полчища ничтожной горсточке греков и македонян внушить аудитории восхищение и решимость Александра, и его победой над вдесятеро сильнейшим противником. Еще один источник [Руф, 3, 2, 4—9], отрицательно относящийся к Александру, указывает численность отдельных подразделений в армии Дария; в итоге получается, что последний располагал 210 тыс. пехотинцев и 51 200 всадников. По всей видимости, эти цифры более близки к реальной действительности, хотя и они преувеличены. Фактом остается лишь то, что персидские войска, собранные в Вавилоне и двинувшиеся под командованием Дария в Киликию, в несколько раз превосходили армию Александра.

Александр, едва выздоровевший после тяжелой болезни, не стал дожидаться персов в Киликии. Отпра-

вив Пармениона занять один из проходов, ведущих из Киликии в Сирию, он сам с основными силами выступил в Анхиал, а оттуда — в Солах. Утвердив где силой, а где переговорами свою власть над окрестными киликийскими племенами, Александр устроил в Солах праздничное жертвоприношение Асклепию с торжественным шествием и учредил в его честь гимнастические и мусические (музыкально-поэтические) игры. Там Александр получил радостное известие: его военачальники Птоломей и Асандр разгромили Оронтобата, оборонявшего галикарнасский акрополь, заняли его и ряд городов (Минд, Кавн, Феру, Каллиполис), а также о-ва Кос и Тропий. В результате на какое-то время значительно уменьшилась угроза македонской власти в Эгеиде, которая в любой момент могла превратиться в грозную опасность, тем более что в Греции уже распространялись слухи, будто армия Александра окружена персами, лишена самого необходимого и вот-вот будет уничтожена [Эсхин, 2, 164].

Значительный интерес представляют мероприятия Александра в Солах. Он застал здесь у власти сторонников персидского господства. За эту свою ориентацию город был наказан контрибуцией (200 талантов серебра). Александр поставил у власти в Солах демократическое правительство, несомненно дружественное македонянским завоевателям.

Из Сол Александр прибыл в Магарс, где принес жертвы Афине Магарсийской (местному божеству, отождествленному греками с Афиной), а оттуда — в Малл, и там совершил жертвоприношение Амфилоху. В Малле Александр узнал, что войска Дария и сам персидский царь находятся в Сирии, примерно в двух днях пути от Ассирийских Ворот [Арриан, 2, 5—6; Руф, 3, 7, 2—6].

Информация о действиях сторон накануне битвы при Иссе, имеющаяся в нашем распоряжении, содержит противоречивые сведения. Согласно Арриану [2, 6, 1—2], Александр еще в Малле созвал дружинников на совещание, чтобы решить, ожидать ли Дария в горах или двигаться ему навстречу. Дружинники советовали немедленно идти на сближение с неприятелем. На следующий день Александр прошел через Ассирийские Ворота и остановился лагерем возле г. Мириандра. По сведениям Руфа [3, 7, 5—10], Александр

встретился в Кастабале с Парменионом, а оттуда пошел к Исса. Там состоялся совет, на котором Парменион высказался за то, чтобы сражаться в горах, где Дарий не сможет воспользоваться своим численным превосходством. Александр принял совет Пармениона. Вторая версия в общем не соответствует дальнейшему ходу событий. Александр не последовал совету Пармениона, даже если предположить, что такой совет был ему дан. Сам Руф [3, 8, 13] пишет о движении Александра к Ассирийским Воротам, что несомненно противоречит его словам о якобы принятом по совету Пармениона решении сражаться у Исса. Руф, очевидно, воспользовался враждебными Александру источниками, выдвигавшими на передний план Пармениона. Вопрос, какую роль играл Парменион в армии Александра, был в древности объектом острой полемики.

Со своей стороны персидский царь не оставил планов закончить войну физическим устранением Александра. На этот раз в качестве орудия убийства попытались использовать перса Сисену, уже давно жившего при македонском дворе и считавшегося царским «другом». Внезапно Сисена получил письмо от Набарзана, одного из военачальников Дария III, с предложением сделать «нечто, достойное его благородства и нравственных принципов». Намек был достаточно ясен. Сисена, вовсе не имевший, как утверждает наш источник [там же, 3, 7, 11—15], намерения последовать этому указанию, собирался передать письмо Александру, но не мог найти удобного момента. Между тем оно, прежде чем попасть к адресату, побывало в руках даря, и тот приказал отдать его Сисене только для того, чтобы испытать верность перса. Поведение Сисены показалось Александру подозрительным; через некоторое время он был убит критянами, вероятно, по царскому приказу.

Войска Дария располагались в Сирии недалеко от Ассирийских Ворот. Они занимали выгодную позицию на большой равнине, где персидское командование могло ввести в бой все свои контингенты. Находящийся при персидском дворе македонский беглец Аминта, сын Антиоха, убеждал оставаться на этой местности, тем более что по всем признакам Александр не замедлит сам явиться на поле битвы [Арриан, 2,

6, 3 и 6]. Такие же советы Дарий слышал и от командиров своих греческих наемников [Руф, 3, 8, 1—2]. Однако под влиянием персидских придворных, не очень склонных доверять грекам и македонцу в войне против их соотечественников, Дарий вступил через Аманские Ворота в Киликию и внезапно оказался в тылу у Александра, сам, правда, того не подозревая. Персы исходили, по-видимому, из посылки, будто македонский царь не желает покинуть Киликию. Там Дарий захватил Исс, а в нем — македонян, оставленных на излечение. Пленным персидский царь приказал отрубить руки и прижечь раны; после этого он велел провести калек по своему лагерю, надеясь, что их рассказы напугают противника [там же, 3, 8, 15; см. также: Арриан, 2, 7, 1 — у него пленные были изувечены и убиты].

Услышав, что войска Дария подошли к р. Пинар (по одной идентификации — соврем. Деличай, по другой — Пайячай), Александр сначала не поверил этому и отправил нескольких своих дружинников на корабле разведать, не идут ли персы. Сведения подтвердились.

Войска противника были расположены следующим образом. На правом фланге персов, занимавшем северный берег р. Пинар, находились всадники, 20 тыс. пращников и лучников под командованием Набарзана, а также 30 тыс. наемников-греков во главе с Фимодом. На левом фланге под водительством фессалийца Аристомеда — еще 20 тыс. пехотинцев-персов. В центре стоял сам Дарий с 3 тыс. всадников и 40 тыс. пехотинцев. Александр на южном берегу Пинара в середине поставил фалангу, правый фланг поручил Никанору, сыну Пармениона, а левый — Пармениону и Кратеру.

Войска начали сближаться; персидская конница бросилась на левый фланг македонян. Правый фланг последних во главе с Александром устремился к реке и, переправившись через нее, напал на левый фланг персов. В центре македонская фаланга натолкнулась при переправе на сопротивление греческих наемников, служивших в персидской армии. На левом фланге конница Пармениона подверглась атаке персидских всадников, тоже переправившихся через Пинар. В ходе битвы левый фланг персидской армии был разгромлен, и правофланговая конница македонян развернулась против наемников, которые оказались в кольце греко-македонских войск. Началась резня. Александр пы-

Битва при Иссе. Копия картина Филоксена Эретрийского. Мозаика па Помпей. Неаполь, Национальный музей.

тался пробиться к Дарию III. Вокруг него битва была особенно ожесточенной. Многие приближенные персидского царя погибли, коней, которыми была запряжена его колесница, израненных и исколотых копьями, невозможно было удержать на месте, и Дарий с большим трудом пересел на другую колесницу. Сам Александр получил рану в бедро.

Персы не выдержали напора. Дарий III потерял всякую возможность управлять своей огромной армией.

Воспользовавшись тем, что в рядах сражавшихся образовался проход, он устремился в бегство: сначала на колеснице, а потом, когда начались пересеченная местность и бездорожье, бросил ее и ускакал в ночь. Персидские воины — те, кто не попал в плен, — разбежались, только наемники отступили в относительно порядке [Арриан, 2, 10—11; Руф, 3, 9—11; Полибий, 12, 17—22; Диодор, 17, 33—34; Страбон, 14, 676; Плутарх, Алекс., 20; Юстин, 11, 9, 9]. Битва при Иссе произошла

12 ноября 333 г. (в месяце апелле по македонскому календарю, в мэмактерии — по афинскому).

Вернувшись на поле сражения после неудачной попытки захватить Дария III, Александр застал своих солдат грабящими персидский лагерь и насилующими женщин [Диодор, 17, 35; Руф, 3, 11, 20—21]. Рассказывали [Плутарх, Алекс., 22], будто надругательство над женщинами, как и вообще преступления такого рода, вызывали у Александра отвращение; он якобы велел прогнать некоего тарентинца Феодора, желавшего продать двух красивых мальчиков, и даже приказал Пармениону казнить македонцев Дамона и Тимофея за насилия над женами наемников. Однако Александр ничего существенного не сделал, чтобы остановить бесчинства, но сам в них участия не принимал, к удивлению и восторгу современников и потомков [ср.: Диодор, 17, 38, 4—8].

Общая стоимость золота, серебра, драгоценных одежд, которыми завладели македоняне в битве при Иссе, оценивалась современниками в 3 тыс. талантов. Но это была далеко не вся добыча. Значительную часть вещей, взятых с собой в поход, Дарий III захвачены Парменионом; по подсчетам современников — 2600 талантов в звонкой монете и 500 фунтов (т. е. 163.5 кг) серебряных изделий [Арриан, 2, 11, 10; Руф, 3, 13].

Здесь уместно, по-видимому, заметить, что, отправляя обильные дары своей матери Олимпиаде, Александр постоянно обнаруживал щедрость и к соратникам — качество, которое должно было снискать ему любовь приближенных и солдат. Про него рассказывали [Плутарх, Алекс., 39], что, увидев однажды, как какой-то македонец, изнемогая от тяжести, тащил царское золото, он велел ему отнести это золото в свой шатер и взять себе. Александр не терпел, когда кто-либо отказывался от царских милостей, несомненно потому, что видел в таком поступке проявление личной независимости [ср.: Плутарх, Апофг. царей и имп., 181e]. Он желал, чтобы у него постоянно просили денег или других подачек. На этой почве произошел любопытный эпизод, рассказанный Плутархом в биографии Александра [там же]. Некому Серапиону, одному из своих партнеров по игре в мяч, Александр ничего

не давал, потому что тот ничего не просил. Однажды во время игры Серапион не подал мяча царю. Александр удивился и задал вопрос: «А мне ты не дашь?». «А ты не просишь», — последовал мгновенный ответ. Александр рассмеялся и щедро одарил Серапиона. Другой раз, рассердившись на Протея, постоянного участника царских пиров, Александр дал ему в знак примирения по его просьбе 5 талантов серебра. Когда Перилл, один из царских «друзей», попросил у Александра приданое для своих дочерей, Александр велел ему взять 50 талантов. Пораженный такой огромной суммой, Перилл заметил, что и 10 талантов довольно. «Тебе довольно взять, — отвечал Александр, — но мне не довольно дать». Еще один эпизод: Александр приказал своему управителю выдать придворному философу Анаксарху столько, сколько тот пожелает. Управитель в ужасе донес, что Анаксарх требует 100 талантов. «Он хорошо поступает, — сказал на это Александр, — ведь он знает, что у него есть друг, могущий и желающий подарить такую сумму» [там же, 179—180а]. Рассказывали также [Плутарх, Апофт. Фок., 18; Элиан, 1, 25; Сенека, О благод., 2, 16], что афинскому политическому деятелю Фокиону Александр дал 100 талантов серебра, а позже предложил во владение один из четырех городов — Киос, Елею, Миласу, Гергиты, (иначе — Патары) [ср.: Элиан, 11, 9; Плутарх, Апофт. Фок., 188с]. Фокион отказался от этих даров, и раздраженный Александр написал ему, что не считает своими друзьями тех, кто ничего у него не просит. Тогда Фокион попросил отпустить на свободу нескольких известных греков. Настойчивые советы матери умерить свою щедрость Александр пропускал мимо ушей.

Воины Александра оставили для него роскошно убранный шатер персидского царя. Войдя в него, Александр снял доспехи и отправился мыться, сказав: «Пойдем, смоем пот сражения в бане Дария!». «Нет, — возразил один из дружинников, — в бане Александра: ведь имущество побежденных должно и называться именем победителя!». Когда Александр увидел высокожженные золотые кувшины, флаконы, ванны, высокий шатер с великолепными ложами, столами и посудой, потрясенный, он сказал, обращаясь к дружинникам: «Вот это и есть, как кажется, быть царем» [Плутарх, Алекс., 20].

Свой поход Александр начинал, располагая крайне ограниченными денежными средствами; теперь он превратился в обладателя огромного состояния, который может позволить себе жить истинно по-царски, не так, как живут где-то в македонском захолустье, не считая каждый обол. Его пиры становились все дороже и дороже, пока, наконец, их стоимость не достигла 100 миан, т. е. 10 тыс. драхм ежедневно [там же, 23; Афиней, 4, 146с]. О пиршествах Александра вообще ходили всевозможные легенды. Говорили, что за его столом собирались до 6 тыс. военачальников, которые восседали на серебряных креслах и возлежали на серебряных ложах облаченные в пурпурные одежды [Афиней, 1, 17]. Однако, произнося вышеприведенные слова, Александр, вероятно, имел в виду не только неслыханную роскошь. Может быть, именно после битвы при Иссе в его сознании зародилась мысль о том, что подлинный царь — это не македонский предводитель ополченцев и дружинников, каким его привычно воспринимали и македоняне, и греки, а властелин огромного мира, высоко вознесшийся над толпами подданных, простирающихся во прахе перед его троном.

Омывшись в бане, Александр уже садился за пиршественный стол, когда ему сказали, что среди пленных находятся мать Дария III Сисигамбис, его жена Статира, малолетний сын Ох и две взрослые дочери, оплакивающие гибель персидского царя. Желая их успокоить, Александр послал к ним Леоннату сказать, что Дарий жив и что они не должны бояться его, Александра, который воюет с Дарием лишь за власть. Александр обещал предоставить им все, что они пожелают, как это было в царствование их сына, мужа и отца. На следующее утро вместе с Гефестионом Александр отправился лично навестить семейство Дария. Не обошлось, как обычно, без недоразумения: Сисигамбис приняла за македонского царя более представительного и пышно одетого Гефестиона и пала перед ним. Поняв по поведению окружающих свою ошибку, она в страхе простерлась перед Александром, и тот поднял ее с земли, промолвив: «Не тревожься, мать, ведь он тоже Александр!». По приказанию победителя пленным были возвращены их имущество и прислуга (по некоторым рассказам, Александр даже

увеличил штат прислужниц при матери и жене Дария); Александр взял на себя замужество дочерей и воспитание сына побежденного [Арриан, 2, 12, 3—8; Плутарх, Алекс., 21; Диодор, 17, 37, 3—38, 3; Руф, 3, 11, 24—12, 26; Юстин 11, 9, 12—16; Вал. Макс, 4, 7, 2]. Статира умерла через несколько месяцев во время родов, а Сисигамбис и ее внуки постоянно находились при дворе Александра, пользовались неизменным благоволением царя, а с 331 г. жили в Сузах. Дочери и сын Дария получали по указанию Александра греческое воспитание.

Возникает естественный вопрос: чем объяснить такое, совершенно необычное, по понятиям эпохи, поведение Александра? Все ожидали, что он сделает Статиру своей наложницей, а престарелая царица и ее внуки станут рабами при царском дворе.

В древности были распространены слухи о холодно-равнодушном отношении Александра к женщинам, и он, по-видимому, культивировал и оберегал эту свою репутацию. Про него рассказывали (правда, рассказ исходит от враждебно настроенных кругов [Афиней, 10, 435а]), будто еще при жизни отца обеспокоенные родители подарили ему фессалийскую гетеру Калликсену, но вступил он в связь с ней очень неохотно и только по настоянию матери. Другая гетера, Панкаста [Плиний, ЕИ, 35, 86; Элиан, 12, 34], находилась в окружении царя и, вероятно, была его наложницей в 336—334 гг., однако сколько-нибудь заметной роли в жизни Александра не играла. Существует предание, будто последний велел знаменитому художнику Апеллесу нарисовать ее портрет; Апеллес влюбился в свою модель, и тогда Александр подарил Панкасту живописцу. Воздержавшись от близости с попавшими в его руки женой и дочерьми Дария III, Александр наглядно продемонстрировал свое целомудрие и милосердие — качества, высоко ценившиеся в идеальном воине.

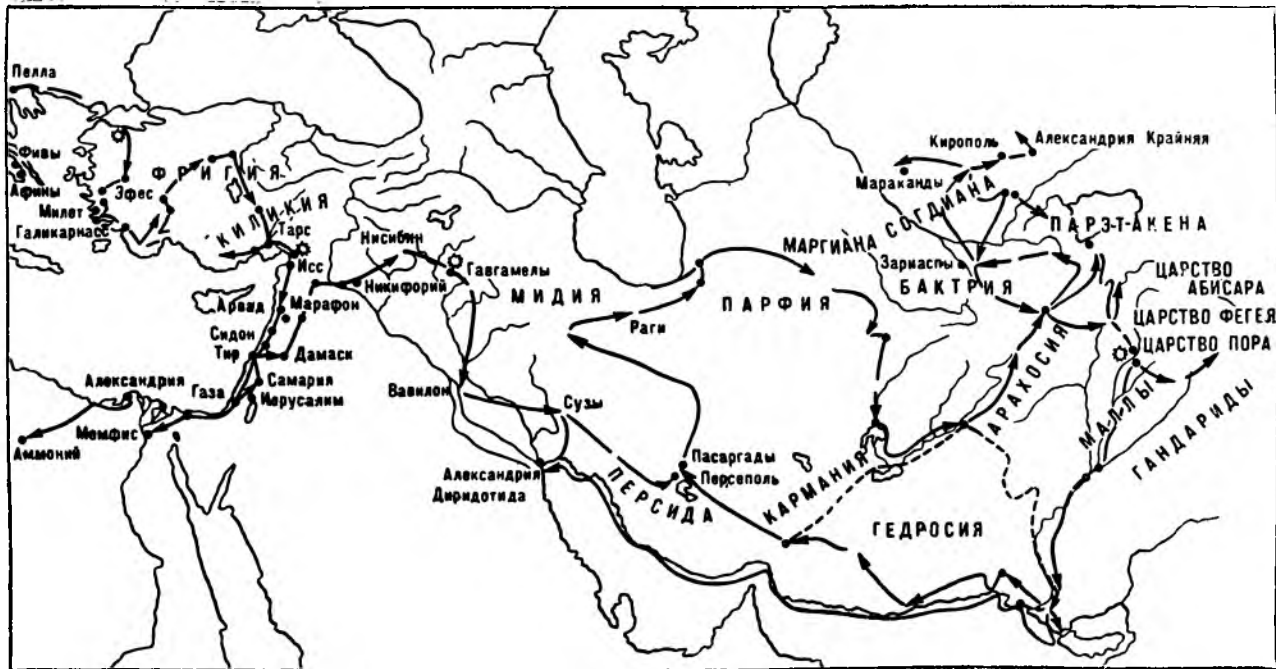
Однако были у Александра и иные, политические мотивы, заставившие его отнестись к семейству Дария и к прибывшимся к этой семье аристократам с повышенным вниманием. Можно было допустить, что он желает использовать их как заложников, и сам Дарий, судя по некоторым признакам, именно так и думал. Между тем все дальнейшее поведение Александра свидетельствует о другом. Судьбой плененной семьи пер-

сидского царя и знатных персиянон Александр уже после битвы при Иссе хотел показать, что в создаваемом им царстве и при его дворе найдется достаточно почетное место для любого иранца, в том числе и для выходцев из царствующего дома, и даже для самого Дария, если он пожелает покориться Александру.

Битва при Иссе сделала Александра хозяином всего Переднеазиатского Средиземноморья. Меняя лошадей на своем пути, бросая все лишнее, Дарий III поспешно скрылся за Евфратом. По дороге к нему присоединилось 4 тыс. беглецов, спасшихся из-под Иссы, — греков-наемников и персов. С ними он прибыл в Вавилон и приступил к формированию новой армии [Арриан, 2, 13, 1; Руф, 4, 1, 1—3; ср.: Диодор, 17, 39, 1]. Другая группа наемников-греков (около 8 тыс. человек), предводимая Аминтой, сыном Антиоха, бежала в г. Триполис (Финикия), а оттуда морем на Кипр и далее в Египет. В Египте Аминта погиб в стычке с местными жителями [Арриан, 2, 13, 2—3; Руф, 4, 1, 27—33].

Вместо того чтобы преследовать Дария, Александр решил отрезать персов от берегов Средиземного моря и от каких-либо контактов с врагами Александра в греческом мире, закрепив свою власть на вновь завоеванной территории и приступить к ее планомерному освоению. Наместником — сатрапом Келесирии — он назначил, по одним сведениям, восходящим к официальным источникам, Менона, сына Кердимма [Арриан, 2, 13, 7], а по другим, враждебным Александру, — Пармениона [Руф, 4, 1, 4]. Информация Арриана, по-видимому, более достоверна: у Руфа снова ощущается настойчивое желание выдвинуть на передний план Пармениона. Новому сатрапу пришлось усмирять волнения в Сирии, но спокойствие было установлено легко и быстро [там же, 4, 1, 5].

Сам Александр направился в Финикийское Приморье. Эта область играла в экономической, политической и культурной жизни Средиземноморья важную роль. Властитель, установивший свое господство в Финикии, получал контроль практически над всей ближневосточной торговлей: обладание финикийским флотом превращало его в хозяина восточной части Средиземноморья. В середине IV в. в Финикии намечается тенденция к сближению с эллинским миром,

Полеты Александра Македонского.

широко распространяются антиперсидские настроения, происходят восстания, подавленные персами с большим трудом и чудовищной жестокостью. Таким образом, Александр мог рассчитывать на мирное завоевание финикийских городов и на поддержку их правительств.

Вступление Александра в Финикию ознаменовалось сдачей г. Арвада, находившегося на прибрежном островке и владевшего частью приморской полосы на побережье [Арриан, 2, 13, 7; Руф, 4, 1, 6]. Оттуда он двинулся в Марафон и там встретился с послами Дария, доставившими ему письмо персидского царя.

Тексты писем Дария и Александра, которые приводятся в источниках, лишь в общих чертах, вероятно, соответствуют содержанию подлинников. Они, однако, дают нам возможность представить себе и предложения Дария, и реакцию на них Александра. Обстоятельства, вынудившие персидского царя обратиться к победителю, очевидны: беспокойство о матери, жене, детях, опасения за судьбу своего царства и собственную Дарий просил Александра вернуть его семью за выкуп и предлагал заключить союз; судя по некоторым указаниям, он настаивал, чтобы Александр возвратился на родину, очистив территорию Ахеменидского царства. По другим сведениям, Дарий предложил Александру часть Малой Азии до р. Галис [ср.: Арриан, 2, 14, 1—3; Руф, 4, 1, 7—9; Диодор, 17, 3, 1; Юстин, 11, 12, 1]. Такого рода предложения победленного не могли не показаться Александру, уже видевшему себя царем Ахеменидской державы, оскорбительными и, конечно, совершенно неприемлемыми. Не исключено, что, ставя на обсуждение своих «друзей» вопрос об этом обращении, Александр постарался усилить впечатление; Диодор [17, 39, 2] утверждает, будто он представил не подлинный текст письма, а сфабрикованную им самим фальсификацию. Как бы то ни было, Александр ответил на письмо Дария категорическим отказом. Последнему предлагалось признать верховную власть Александра, явиться к его двору и занять свое место среди приближенных нового владыки; на этих условиях ему будет возвращена семья и вообще он получит все, что пожелает [Арриан, 2, 14, 4—9; Руф, 4, 1, 10—14]. Такая перспектива не устраивала Дария, еще не исчерпавшего всех возможностей бороться, и переговоры зашли в тупик.

Выступив из Марафона, Александр без труда овладел Библом [Арриан, 2, 15, 6; Руф, 4, 1, 15]. Другой важный город Южной Финикии — Сидон, где уже давно были сильны антиперсидские настроения, также раскрыл свои ворота перед Александром [Арриан, 2, 15, 6]. Царь Стратон, ставленник ахеменидской администрации, был низложен и царем поставлен Абдалоном, дальний родственник местной царской династии, до того не интересовавшийся политикой. Занятый своими повседневными делами, он даже «не слышал звона оружия, который сотрясал всю Азию» [Руф, 4, 1, 16—26]. Не избалованный милостями судьбы человек, внезапно ставший царем, не имевший ни связей в местных аристократических кругах, ни опыта государственной деятельности, оказался наиболее приемлемым в качестве декоративной фигуры и для македонской администрации, и для промакедонски настроенной местной знати. От него можно было не ждать неожиданностей.

В Сидоне Александр устроил весьма важную политическую демонстрацию — охоту на льва. Какое значение придавалось этому в сущности мелкому эпизоду, свидетельствует тот факт, что скульптурное изображение охоты было послано в Дельфы [ср.: Плутарх, Алекс., 40]; она же была показана и на саркофаге Александра. Учитывая, что царь, поражающий копьём льва, изображен на одной из угаритских царских печатей, а также что ассирийские цари устраивали охоту на львов, носившую ритуальный характер, можно думать, что охота, организованная Александром, тоже являлась ритуальной (восходила к древнейшему комплексу испытаний физической мощи царя) и должна была подтвердить в глазах местного населения его положение верховного владыки.

Покорение Финикии шло без серьезных затруднений, однако внезапно для Александра он столкнулся с сопротивлением Тира [Арриан, 2, 15, 6—24, 6; Руф, 4, 2—4; Диодор, 17, 40, 2—46, 6; Плутарх, Алекс., 24—25; Юстин, 11, 10, 10—14; Полиен, 4, 3, 3—4]. Выслав Александру необходимые дары и продовольствие, тиряне отказались допустить его в островной район города для принесения жертвы богу Мелькарту (по греческим представлениям, это был Геракл, считавшийся одним из предков Александра). В ответ на

свое требование он услышал, что в материковой части города, так называемом Старом Тире, есть более древний храм Мелькарта-Геракла и македонский царь может совершить свою жертву там. К этому, по-видимому, было добавлено, что в островной Тир ни персы, ни македоняне допущены не будут.

Отказ привел Александра в неистовство. Поступок тирян означал, что они желают сохранить нейтралитет и, пользуясь удобным случаем, обеспечить себе политическую самостоятельность. Такой нейтралитет, конечно, был выгоден Дарию, однако главное заключалось в том, что Тир отказывался признать верховную власть македонского завоевателя. Не желая тратить время на длительную и трудную осаду неприступного города, Александр предпринял было еще одну попытку решить дело миром. Тиряне убили его послов, а их тела бросили в море, лишив, таким образом, погребения (для древности — неслыханное кощунство). Александр решил брать город штурмом.

Принимая решение защищаться, тирское правительство рассчитывало на островное положение города, делавшее его неприступным для сухопутных войск, на господство на море тирского флота и на отсутствие флота у Александра, на мощь оборонительных сооружений Тира, наконец, на поддержку своей североафриканской колонии — Карфагена. Ежегодно из Карфагена в Тир приезжали священные послы для принесения жертвы в местном храме Мелькарта. Такие послы находились в Тире и тогда; они уверяли власти, что Карфаген окажет Тиру возможную помощь.

В Тире началась интенсивная подготовка к обороне; в многочисленных мастерских ремесленники изготавливали оружие, в особенности приспособления для разрушения осадных механизмов (гарпагоны) и крючья, которыми, выбрасывая их из метательных орудий, захватывали корабли (вороны). В свою очередь Александр приказал строить мол, чтобы соединить островной Тир с сушей. Камень брали из развалин разрушенного Александром материкового города, лес для строительства плотов, настила и башен подвозили с Ливанских гор.

Пролив, отделявший островной Тир от материка, в самом глубоком месте имел глубину около 3 оргий, т. е. немногим более 5.5 м. Ширина пролива состав-

ляла 4 стадии, т. е. несколько менее 800 м. Он, однако, был очень илист и вязок; это свойство дна позволяло македонянам легко вбивать колья и закреплять камни, образовывавшие насыпь; поверх камней они укладывали деревянный настил. В самом начале стройки Александр рассказал воинам о своем вещем сне: будто бы Геракл сам ввел его в осажденный город. Поощряемые Александром, активно участвовавшим в работах, солдаты упорно трудились, хотя пока и без видимого результата.

По мере сил тиряне пытались мешать осаждавшим. Подплывая на небольших лодках, они осыпали насмешками солдат, таскавших землю, камни, деревья, но македонцы не обращали на это внимания. Когда мол уже поднялся над водой, тиряне стали нападать на работающих, засыпали их копьями, обстреливали из катапульта, луков и пращей. На молу постоянно происходили стычки между осаждавшими и осажденными. Армия Александра стала нести серьезные потери; темпы строительства замедлились.

Между тем возникли новые трудности. Воины Александра, заготавливавшие лес, подверглись нападению арабских племен, живших в горах на южной оконечности Ливана. Около 30 македонцев были убиты, несколько попали в плен. Опасность казалась настолько грозной, что Александр, поручив осадные работы Пердикке и Кратеру, сам повел карательную экспедицию в глубь Ливанских гор и Антиливана. В этой операции, сопровождая Александра, участвовал его воспитатель Лисимах. Усталый и изнемогший, он отстал от македонского отряда, но Александр не покинул своего старого учителя. Они шли рядом, постоянно подвергаясь угрозе неприятельского нападения; вечером, когда устраивались на ночлег, Александр рискнул жизнью, чтобы добыть огонь из вражеского костра. Ночь они провели в безопасности, отогнав перепуганного неприятеля, и вскоре присоединились к своим.

Такой поступок, соответствовавший репутации «хорошего и прекрасного» воина, юного героя, способного и на самопожертвование ради близких, и на безоглядно смелый подвиг, не мог не вызвать у греко-македонских солдат восторга и новых симпатий к царю. Александр это хорошо понимал и в аналогич-

ных случаях никогда не колебался. Кроме того, Александр ведь был еще очень молод, поэтому подобные приключения сами по себе доставляли ему огромное удовольствие.

Возвратившись с победой под стены Тира, Александр нашел воздвигавшуюся насыпь до основания разрушенной. Пердикка и Кратер оказались не в состоянии предотвратить убийственного удара, нанесенного тирянами. Вот как это случилось.

Еще до своей ливанской экспедиции Александр велел принять необходимые меры для того, чтобы защитить работавших на стройке. Мол со всех сторон был окружен щитами и плотами, предохранявшими македонских солдат от обстрела с тирских кораблей; на конце мола построили две башни, откуда македоняне могли вести обстрел из метательных орудий. Тогда тиряне снарядили большой корабль, предназначенный обычно для перевозки лошадей, загрузили его всевозможными горючими веществами и факелами, а борты обмазали смолой и серой. Подогнав корабль к македонским башням, они подожгли его; люди, находившиеся на судне, спаслись, доплыв к буксирам и кораблям охранения. Пожар быстро охватил башни и мол; кроме того, тиряне начали посылать горящие стрелы. Причаливая к молу в различных пунктах, они поджигали его и стоявшие на нем орудия, выдергивали кольца и скрепы. Огонь, распространившийся по всему сооружению, мешал македонянам сопротивляться; многие из тех, кто был в этот момент в башнях, бросались в море, а оттуда их вылавливали на свои корабли финикияне. Поднялся сильный ветер, море начало волноваться. Мощными ударами волн мол был прорван, его фундамент размывает, и внезапно все сооружение рухнуло.

Александр приказал строить новый мол, шире прежнего и направленный не боком к подветренной стороне, а прямо навстречу ветру. Тиряне активно мешали работам, которые в результате продвигались слишком медленно и не давали требуемого эффекта. Было ясно, что без собственного флота овладеть Тиром невозможно. Александру нужны были корабли, и он отправился за ними в соседний Сидон.

Обстоятельства складывались для Александра благоприятно. Блестящая победа при Иссе и в особен-

ности бескровное подчинение таких крупнейших городов средиземноморского побережья Передней Азии, как Арвад, Библ, Сидон, заставили финикийян, находившихся под персидским командованием в Эгейде, изменить свое поведение. Герострат, царь Арвада, и Энил, царь Библа, направились к Александру; к ним присоединилась и сидонская флотилия. В результате в распоряжении Александра оказалось около 80 финикийских кораблей. Расчеты тирского правительства на помощь из Карфагена не оправдались. Под предлогом войны, которую Карфаген как раз в этот момент вел в Сицилии, он отказался прислать свои войска для обороны метрополии. Единственное, что тиряне смогли, — эвакуировать в Карфаген некоторое количество женщин и детей. Впрочем, Александр все равно объявил Карфагену войну, хотя и отложил ее до завершения восточного похода.

Кроме того, Александр получил 12 триер с о-ва Родос, 10 — из Сол и Ликии и даже одну пентеконтеру из Македонии. Наконец, в Сидон к Александру явились перепуганные кипрские цари — финикийяне и греки, опасавшиеся мести за свое сотрудничество с персами. Чтобы выслужиться перед новым властителем, они доставили ему 120 судов. Всего, таким образом, Александр располагал теперь 223 кораблями. Получил он и новых солдат: в Сидон из Пелопоннеса прибыл Клеандр, сын Полемократа, и привел с собой 4 тыс. наемников-греков.

Обладание флотом позволило Александру резко изменить ход осады. Он попытался было вызвать тирян на бой, но они уклонились от сражения и заперли кораблями входы в свои порты. Подведя суда к городским укреплениям, Александр стал обстреливать стены из метательных орудий и разбивать их таранами. Финикийяне спешно заделывали проломы; за линией оборонительных сооружений они начали постройку еще одной стены. Дождавшись удобного времени, Александр приказал своему флоту глубокой ночью окружить город. Суда связывали по два так, чтобы их носы были соединены, а кормы разведены на максимально возможное расстояние; на палубах и бревнах, привязанных к бортам, устраивали деревянные настилы, где размещали воинов и осадные орудия. Буря помешала действиям македонян и прибила корабли

к материку; многие из них получили сильные повреждения. Тем не менее осада Тира продолжалась; греко-македонские метательные орудия обстреливали осажденных, тараны били по стенам, стрелки из лука охотились за защитниками города, появившимися на укреплениях. В городе царило возбуждение, однако тиряне не допускали даже мысли о сдаче.

В разгар боев по городу разнесся слух, будто какому-то тирянину во сне привиделось, что бог Решеф, которого греки отождествляли с Аполлоном, собирается покинуть Тир. Перепуганные горожане решили приковать статую бога золотыми цепями к алтарю (по одной версии, к алтарю Геракла-Мелькарта, по другой — к его собственному). Рассказывали даже, будто они привязали статую веревками и сделали надпись: «Александров приспешник». В Тире начались также разговоры о том, чтобы, по старинному финикийскому обычаю, принести человеческую жертву, мальчика из знатной семьи, и тем предотвратить беду. Однако тирский совет отказался; обычные жертвы были сочтены недостаточными для спасения города.

Главное внимание тиряне уделяли земным средствам защиты. Пользуясь воронами и железными лапами с крюками, они наносили повреждения кораблям, убивали, ранили или захватывали солдат. Со стен на македонян обрушивались тучи раскаленного песка и кипящие нечистоты. Серьезным препятствием для действий македонян была каменная насыпь на морском дне у берега острова. Александр велел расчистить дно, однако тиряне обрезали веревки, которыми были привязаны корабельные якоря, и дезорганизовывали работу. Только после того, как македоняне стали закреплять якоря на цепях, можно было продолжать разборку насыпи.

Большое впечатление на осаждавших произвело явление у мола морского чудовища (по-видимому, кита) как раз в тот момент, когда Александр снова повел свой флот к стенам города. И македоняне, и тиряне истолковали это событие как благоприятное для себя предсказание; тиряне даже устроили по данному случаю священную трапезу. Желая деблокировать островной город, они вывели свои корабли из северной гавани. У выходов из нее стояла кипрская флотилия, тогда как остальной (финикийский) флот Александра

находился вместе с ним у Египетской гавани. Согласно версии Руфа, события разыгрались следующим образом. У материкового берега оставалось около 30 кораблей, и с ними тиряне завязали сражение. На шум приплыли остальные корабли, которыми командовал Александр, и заставили тирян вернуться в свою гавань. Александр попытался и сам туда прорваться, но безуспешно. По Арриану, тиряне напали на кипрские корабли, когда на них не было моряков. Во время сражения Александр, оставив финикийские суда блокировать южную гавань, с несколькими кораблями примчался на помощь и оттеснил тирян. Македоняне, разрушив часть городской стены, попытались прорваться в город, но были отброшены. Из этих не вполне согласующихся между собой сообщений ясно только, что тиряне пытались нанести удар по морским силам Александра, были отброшены на исходные позиции, однако и сам царь не сумел развить свой успех и пробиться в город.

Через несколько дней начался новый штурм. Стена Тира рухнула под ударами тарана, воины Александра захватили башни и через пролом ворвались в город. Сам Александр сражался на осадной башне, почти вплотную примыкавшей к городской стене; многих защитников города он заколол копьем, многих зарубил мечом и, рискуя жизнью, первым вскочил на стену. Македонский флот вошел в гавань. Начался ожесточенный уличный бой. Александр велел убивать всех, кроме укрывшихся в храмах; но защитники города и не искали там спасения. Только силой, только беспощадными расправами Александр смог подавить их сопротивление.

Разъяренный победитель приказал казнить на островном Тире 6 тыс. его попавших в плен защитников; 2 тыс. человек на материковом берегу были распяты на крестах; 30 тыс. человек, захваченных в храмах или иным образом попавших в плен, Александр продал в рабство (по Диодору, в плен были взяты 13 тыс. человек). Лишь 15 тыс. тирян сумели спастись сидоняне, вошедшие в город вместе с войсками Александра: они уводили тирян на свои корабли и тайком переправляли в Сидон. Среди захваченных в храме Мелькарта-Геракла находились тирский царь Аземильк, знатнейшие тиряне и карфагенские сакральные

послы. Их победитель помиловал, сохранил им жизнь и, по-видимому, свободу. Сам город не был уничтожен. Александр заселил его окрестными финикийцами, и вскоре Тир снова стал одним из крупнейших торговых центров в Восточном Средиземноморье. Овладев Тиром, Александр принес жертву Гераклу-Мелькарту, устроил в его честь процессию и учредил гимнастические состязания и бег с факелами. Произошло это событие в июле—августе 332 г. (в месяце лоосе по македонскому календарю, т. е. в гекатомбеоне — по афинскому).

Медленные действия Александра в Финикии и затяжные бои под стенами Тира дали персидскому командованию время, необходимое для того, чтобы попытаться еще раз изменить ход войны. Персы предприняли наступление в Малой Азии через Лидию к морскому побережью, рассчитывая отрезать Александра от Греции и создать угрозу Македонии. Активизировал свои действия и персидский флот в Эгейском море. Объектом его атак стали Геллеспонт и Милет; с последнего персидский флотоводец Фарнабаз взымал значительную денежную контрибуцию. Персы снова овладели о-вами Хиос, Андрос и Сифн. Зашевелилась Спарта. На Крите велись упорные бои между спартанцами и македонянами. Однако это наступление закончилось неудачей. В трех сражениях на суше Антигон, командовавший на западе Малой Азии македонскими войсками, разбил и рассеял персов; персидский флот, посланный к Геллеспонту (им командовал Аристомен), был уничтожен. Военные действия сосредоточились на Крите и некоторых других островах Эгейского моря [Руф, 4, 1, 34—40]. Попытка либо заставить Александра срочно возвратиться в Европу, либо отрезать его от Греции и Македонии провалилась. Переход финикийских городов под власть Александра и падение Тира изъяли финикийский флот из-под контроля персов, отрезали тех персов, которые еще оставались в Эгееде, от Персии и сделали их действия бесперспективными и попросту невозможными.

Впрочем, Дарий III не очень надеялся на успех. Пока шла осада Тира, в лагерь Александра еще раз прибыли его послы с новыми условиями мира. Согласно рассказу Арриана [2, 25, 1—3; ср. также: Плутарх, Апофт. царей и имп., 180b], Дарий предложил Александру в качестве выкупа за мать, жену и детей

мириад (10 тыс.) талантов серебра; кроме этого, Дарий заявил о своей готовности отдать Александру всю страну от Евфрата до Эллинского (т. е. Эгейского) моря, иначе говоря, всю Малую Азию, Сирию, Финикию, Палестину и Египет, а также одну из своих дочерей в жены. По другим данным [Руф, 4, 5, 1—2], Дарий предложил Александру территорию между Гелеспонтом и р. Галис. По-видимому, сам Руф или его источник привели сведения, относящиеся к первому посольству Дария.

Получив такие предложения, Александр объявил о них на собрании дружинников. Во время обсуждения столкнулись две точки зрения. Выразителем одной из них являлся Парменион, заявивший, как передавали, что если бы он был Александром, то на этих условиях с радостью прекратил бы войну и не подвергал себя дальнейшим опасностям. Александр отвечал, что если бы он был Парменионом, то так бы и поступил, но раз он — Александр, то ответит Дарию иначе.

В ходе обсуждения выявилось, таким образом, несогласие между Александром и Парменионом по кардинальнейшему вопросу — о целях войны. Был ли Парменион в этот момент одинок или за ним стояла какая-то группировка македонской знати, в любом случае его высказывания выявляли стремление по крайней мере отдельных представителей аристократии, окружавшей молодого царя, к миру. Объясняется данная позиция, по-видимому, боязнью чрезмерного усиления царя, опасением потерять в разраставшемся государстве свое господствующее положение и нежеланием рисковать уже достигнутым.

В ответном послании Дарию III Александр уведомлял, что не нуждается ни в его деньгах, ни в том, чтобы получить от него вместо всей страны ее часть: и деньги, и страна целиком принадлежат ему, Александру. Если он пожелает жениться на дочери Дария, то сделает это и без согласия последнего. Александр приказывает Дарию явиться к нему, если тот желает, чтобы он отнесся к нему благожелательно. В том тексте писем, который приводит Руф [4, 5, 1—8], не сообщающий, кстати сказать, о совещании дружинников, Дарий увещевает Александра не обольщаться выпавшей на его долю удачей, потому что завистливые боги могут все переменить, и говорит о трудностях,

которые представит для Александра продолжение войны; Александр в свою очередь сообщает о своей решимости захватить Персеполь и овладеть всей державой Ахеменидов. Изложение, сохранившееся у Арриана и восходящее к официальной македонской версии, представляется более достоверным: оно конкретнее и лишено назидательно-риторической окраски, характерной для другого источника.

Исчерпав все возможности добиться мира и сохранить путем переговоров хотя бы часть своих владений, Дарий начал подготовку к новому туру войны.

Летняя кампания 332 г. принесла Александру значительные военно-политические успехи. Ему удалось впервые более чем за трехтысячелетнюю историю Тира сломить сопротивление этого города и взять его штурмом. После напряженной кровопролитной борьбы Александр установил свое господство на море. Ему подчинился Родос, флот Александра овладел почти всеми островами Архипелага, в том числе Тенедосом и Хиосом; снова в руки македонян попал Милет [Руф, 4, 5, 9—22; Арриан, 3, 2, 3—7].

Захват и разрушение Тира заставили население Палестины признать власть Александра [Арриан, 2, 25, 4]. Некоторые подробности по этому поводу сообщает Иосиф Флавий [Древн., 11, 313—347]. Еще во время осады Тира Александр обратился к иудейскому первосвященнику Йадде с требованием прислать военную помощь, доставить для продажи солдатам продовольствие и другие товары и отдавать ему те «дары», которые прежде выплачивались персидскому царю [там же, 11, 327]. По-видимому, такие же обращения получили от Александра и другие палестинские политические конгломераты. Весьма вероятно, что именно в ответ на подобное требование самаритянский правитель Санбаллат уже в первые недели осады Тира явился к Александру, привел 8 тыс. воинов и признал его владыкой вместо Дария III [там же, 11, 321—324]. Однако иудейское правительство еще не было уверено в благоприятном для Александра исходе осады и тем более всей войны, поэтому первосвященник Йадда ответил отказом: в свое время персидскому царю были даны клятвы не поднимать против него оружия, и эти клятвы не будут нарушены, пока Дарий жив [там же,

11, 318]. Реакция Александра, как о ней повествует Иосиф Флавий [там же, 11, 319], дает основания полагать, что ответы такого рода он получил не только от иудеев: македонский царь угрожал, одолев Тир, двинуться против иудейского первосвященника и на его примере научить всех. по отношению к кому они должны соблюдать свои клятвы.

Значительно большие опасения, чем поведение иудейских первосвященников, у Александра вызвала позиция Газы, которая преграждала Александру путь в Египет. Правитель Газы Батис набрал наемников-арабов (набатеев), сосредоточил в городе большие запасы продовольствия и приготовился к длительной осаде. Впрочем, набатеев и сами были заинтересованы в судьбе Газы, где кончался торговый путь из Набатеев через Негев к Средиземному морю.

Подойдя к городу, Александр приказал возвести осадный вал. И когда он поднялся на должную высоту, начали свою работу осадные машины. Во время одной из стычек Александр был ранен из катапульты в плечо. После двухмесячной осады, расшатав стены и сделав подкопы, македоняне сумели разрушить часть оборонительных сооружений. Александр повел своих воинов на приступ и после ожесточенных уличных боев овладел городом. Жители сражались до последнего человека; мужчины были перебиты, женщин и детей Александр продал в рабство, Батиса предал мучительной казни. В городе Александр поселил окрестных жителей и превратил его в свою крепость [Арриан, 2, 25, 4—27; Руф, 4, 6, 7—31; Плутарх, Алекс., 25; Фрагм. греч. ист., II, 142, № 5; Дионисий, О соч. слов, 18].

Иосиф Флавий [Древн., 11, 325—339], кратко упомянув об осаде и взятии Газы, сообщает об экспедиции, которую Александр, по его словам, предпринял в Иерусалим. Его рассказ, восходящий к иудейской жреческой традиции, содержит сказочные подробности. Навстречу Александру выходят жрецы в священных одеждах; на голове у первосвященника, возглавлявшего процессию, надетая высокая остроконечная жреческая шапка с золотой табличкой, на которой написано божье имя. Подойдя к первосвященнику, Александр преклоняет перед ним колени, воздавая почать богу. Недоумевающему Пармениону он объясняет, что именно этот бог,

привидевшийся ему во сне, ведет его против персов и дарует победу.

Войдя в Иерусалим, Александр приносит жертву богу. Познакомившись с книгой Даниила, он узнает себя в том греке, коему предсказано разрушить Персидское царство. По просьбе первосвященника Александр разрешает иудеям пользоваться «отеческими законами» и на седьмой (субботний) год, когда иудеи оставляли, по обычаю, землю под парами, не платить налоги. Многие иудеи по предложению Александра вступили в греко-македонское войско.

В том виде, как об этом событии повествует Иосиф Флавий, оно не могло произойти. Александра трудно представить коленопреклоненным перед иудейским первосвященником или объясняющим грекам либо македонянам, что победу ему дарует именно иудейский бог. Невероятна и ссылка на библейскую книгу Даниила, созданную между 167 и 163 гг., т. е. более чем на полтора столетия позже интересующих нас событий. Тем не менее, отправляясь в Египет, Александр был заинтересован в том, чтобы иметь в своем тылу умиротворенную страну; он должен был, следовательно, обеспечить свой контроль также и над иудеями. Не исключено, что встреча Александра и первосвященника Йадды действительно состоялась, причем Александр сохранил политическое устройство Иудеи и дал ей налоговые иммунитеты, учитывая местные обычаи. Возможно, что какие-то иудеи участвовали в дальнейших походах Александра.

На своем дальнейшем пути в Египет, да и в самом Египте, давно уже враждебном персидской власти, Александр не встретил сопротивления. Когда он появился в долине Нила, египтяне встретили его ликованием, как освободителя от ненавистного гнета [Диодор, 17, 49, 2; Руф, 4, 7, 1].

Мотивы, заставившие Александра двинуться в Египет, сводились, вероятно, к весьма элементарному политическому расчету: он мог опасаться возникновения там на развалинах ахеменидского господства местной царской династии, которая превратилась бы в противоборствующую силу. Египет являлся для Греции важной хлебной житницей. Без захвата этой страны завоевание Ахеменидской державы не могло бы считаться завершенным.

Отправившись из покоренной Газы, Александр па седьмой день прибыл в Пелусий [Арриан, 3, 1, 1; иначе: Руф, 4, 7, 2]. Там он застал свой флот, уже приплывший из Финикии. Отправив корабли по Нилу к Мемфису, Александр пересек Аравийскую пустыню и явился в Гелиополь, а оттуда — в Мемфис. В древней столице Египта он был коронован в качестве египетского царя [Пс.-Каллисфен, 1, 34, 2], получив стандартные титулы фараонов, и устроил гимнастические и мусические игры. В них приняли участие самые знаменитые артисты, съехавшиеся со всей Греции. Из Мемфиса Александр отплыл на север страны.

В низовьях Нила Александр основал город (по Руфу и Диодору, после поездки к оракулу Аммона; мы следуем изложению Арриана), существующий и в настоящее время и играющий важнейшую роль в экономической и политической жизни Египта, — Александрию. Новый город должен был принять его греко-македонских ветеранов и других переселенцев из Греции; таким образом, делался важный шаг на пути осуществления колонизационной программы, выдвинутой греческой публицистикой IV в. Александрия должна была стать оплотом македонского господства в Египте, проводником греко-македонского влияния на коренное население страны, сосредоточить в своих руках египетскую торговлю в Средиземноморье. Формально Александрия в Египет, по-видимому, не входила, именуясь «Александрией при Египте», а не «в Египте». После смерти Александра Птолемей I сделал Александрию своей столицей, и она оставалась политико-административным центром Египта до завоевания страны арабами, создавшими новую столицу — Каир. Уже при первых Птолемах Александрия стала играть ведущую роль в духовной жизни всего греческого мира.

Александр сам занимался планировкой города [Арриан, 3, 1, 5]. Античная традиция изображает дело так, будто он на местности размечал, где вести стену, строить здания и устраивать агору, посыпая землю мукой, и что прорицатели увидели в этом добрый знак, говорящий о грядущем богатстве города [Арриан, 3, 2, 1—2]. По другому рассказу [Плутарх, Алекс., 26], во сне к Александру явился почтенный старец (Гомер) и побудил его основать город около о-ва Фарос. Когда намечали план города, мела под рукой не оказалось,

и на черную землю высыпали муку. Внезапно налетело великое множество птиц, которые склевали всю муку. Этот случай был истолкован как предзнаменование того, что новый город прокормит много разного народа. Руф [4, 8, 6] приводит легенду, будто Александр, следуя македонскому обычаю, обозначил ячменем стены будущего города; птицы склевали ячмень, но прорицатели истолковали, что это к добру. Вероятно, Руф наиболее точно показывает реальные истоки преданий о благих знамениях, сопровождавших основание города.

Пребывание в Египте сыграло исключительную роль в духовном развитии Александра. Переломным моментом в его жизни явилась экспедиция к оазису Сива, расположенному в глубине пустыни западнее Нила, где находился оракул верховного египетского бога Аммона, которого греки отождествляли с Зевсом.

В повествовании Арриана [3, 3, 2] и Руфа [4, 7, 8] настойчиво звучит мысль о том, что Александр еще до поездки к оракулу Аммона то ли считал Аммона-Зевса своим отцом, то ли хотел внушить другим такую мысль; с этим связывается его поход в оазис Сива. Само по себе указанное допущение не невероятно: титулатура Александра в качестве египетского фараона содержала наряду с прочим и наименование его сыном Аммона-Ра. Но если это так, то для провозглашения Александра сыном бога и получения признания его божественной сущности не нужно было отправляться в оазис Сива. Вероятно, в окружении царя в связи с его новыми титулами велись разговоры о нем как о сыне Аммона, однако этому титулу не придавалось серьезного значения. Египетская титулатура фараона воспринималась лишь как неизбежная формальность.

Первоначальный замысел Александра состоял, как кажется, в том, чтобы получить у оракула, чтимого также и в эллинском мире, предсказания на будущее. Благоприятное пророчество Аммона-Зевса, обретенное в оазисе Сива, могло послужить впечатляющей демонстрацией в его пользу. Имело для него значение и то обстоятельство, что, согласно греческим преданиям, этот храм посещали Геракл и Персей — оба мифических предка Александра [Арриан, 3, 3, 1; Страбон, 17, 814, со ссылкой на Каллисфена].

Поход через пустыню был, очевидно, долгим и трудным; идти приходилось по песчаному бездорожью,

с трудом ориентируясь, теряя направление. Традиция разукрасила рассказы об этом эпизоде фантастическими подробностями, которые должны были свидетельствовать о благосклонном вмешательстве божества, указавшего правильный путь: о двух говорящих змеях, ведших якобы царя по верной дороге; о воронах, летевших перед страдом и показывавших дорогу [Арриан, 3 3, 5—6; Плутарх, Алекс., 27]. Достоверно, по-видимому, то, что во время перехода войны Александра были спасены проливным дождем от изнурительной жажды, что змеи ползали и вороны летали и что карканье последних справа от дороги проводники расценили как благоприятное предзнаменование [Диодор, 17, 49, 5—6; ср.: Руф, 4, 7, 14—15].

Арриан [3, 4, 5], говоря о пребывании Александра в храме, ограничивается неопределенными высказываниями: царь спросил оракула и, услышав то, что, по его словам, было ему по душе, вернулся в Египет. Диодор [17, 51] пишет, что, когда Александра ввели в храм и он увидел бога, самый старый из пророков подошел к нему и сказал: «Привет, сыне! И это же приветствие прими от бога». «Принимаю, отче, — отвечал Александр, — и позже буду называться твоим, но если ты дашь мне власть над всею землею». Жрец-пророк вошел в святое святых и затем, пока совершались ритуальные церемонии, сказал Александру, что бог даст ему то, что он просит. «Напоследок, — сказал еще Александр, — о боже, открой мне то, что я стремлюсь узнать: всех ли я уже уничтожил убийц моего отца, или же кто-нибудь скрылся?». «Не кощунствуй, — вскричал пророк, — нет такого человека, кто бы мог злоумыслить на породившего тебя, но всех убийц Филиппа постигло наказание. А доказательством рождения от бога будет грандиозный успех в деяниях; ведь и прежде ты не терпел поражений, а после этого ты вообще будешь непобедим» [ср. также: Юстин, 11, 11, 2—13]. Такой же рассказ, но, естественно, с неблагоприятными для Александра комментариями, включил в свое сочинение Руф [4, 7, 25—32] и со ссылкой на «большинство» сохранил Плутарх [Алекс., 27]. Однако он сообщает своему читателю и другое предание: будто вместо ψ παῖδῶν — «сынок» жрец, не вполне хорошо говоривший по-гречески, сказал ψ παῖδός — «сыне Зевса» и будто Александр обрадо-

вался этой ошибке, и с того времени пошла молва, что бог признал его сыном Зевса. Каллисфен [см.: Страбон, 17, 814] рассказывает так: жрец допустил в храм Александра и его ближайших спутников; все, кроме него, внимали оракулу вне святого святых, и только он был там внутри. Пророк сказал Александру, что он — сын Зевса.

Традиция Диодора—Руфа и «большинства» авторов, сочинениями которых пользовался Плутарх, очевидно, с наибольшей точностью соответствует реальной действительности. Если жрец-пророк в оазисе Сива обратился к Александру как к сыну Аммона и расценивал как кощунство всякий намек на то, что отцом Александра был Филипп, то это было целиком в русле египетских представлений.

В том, что египетские жрецы от имени самого Аммона да еще в почитаемом греками храме приветствовали его как бога и сына бога, Александр увидел чрезвычайно благоприятные для себя политические возможности. Возникла ситуация, когда он мог претендовать на абсолютную власть над всем (в том числе и над греческим) миром, когда всякое сопротивление ему становилось греховным делом. Впрочем, Александр должен был по крайней мере на первых порах соблюдать осторожность. Конечно, греческая мифология знала сыновей Зевса, рожденных смертными женщинами; к их числу принадлежал, например, Геракл — легендарный предок Александра. Знали греки и героизацию, обожествление выдающихся людей при жизни и после смерти [ср.: Плутарх, О судьбе, 2, 5]. Сам Филипп II на том свадебном празднестве, где он был убит, приказал к 12 статуям богов присоединить и свою, желая приучить подданных к мысли о божественности их владыки. Учитель Александра, Аристотель, в своей «Политике» [3, 8, 1; 1284a] говорил, намекая на Александра, что «единственный» муж, выдающийся «добродетелью» и политической мощью (или же небольшая группа людей, наделенных этими свойствами), был бы как бог среди людей. И тем не менее греческое общество, да и македонское тоже с большим сомнением отнеслось к мысли, будто в лице Александра миру явился не заурядный завоеватель, а бог — сын Зевса. Правда, по рассказу Каллисфена [Страбон, 17, 814], явившиеся тогда же к Александру

в Мемфис милетские послы принесли весть о чудесном пророчестве, данном оракулом Аполлона в Бранхидах, разграбленным во время Греко-персидских войн, что Александр — сын Зевса, о будущей победе при Гавгамелах, о предстоящей гибели Дария III и об ожидавшемся антимакедонском выступлении лакедемонян. Он же свистательствует, будто «благородное происхождение» Александра (от Зевса) подтвердили Эритрейская Афинаида и Эритрейская Сивилла. Когда Александр обещал Эфесу возместить все прошлые и будущие расходы на храм Артемиды, лишь бы была воздвигнута надпись от его имени, эфесяне отказали ему: не подобает богу совершать посвящения богам [там же, 14, 641]. Однако имели место и другие факты.

Понадобилось почти 10 лет, чтобы греческие полисы признали, притом только после того как Александр окончательно утвердил свою власть, его божественность, да и то спартанец Дамид заявил: «Предоставим Александру, если ему этого хочется, называться богом» [Плутарх, Апофт. лак., 219]. И греки, и македоняне, окружавшие царя, должны были с особым неудовольствием воспринимать его обожествление еще и потому, что это существенно меняло характер их взаимоотношений с царем: из сотоварищей последнего, по идее равного им, они становились даже не подданными, а какими-то жалкими креатурами, которые могут только смиренно возносить мольбы к подножию божьего престола. В обожествлении Александра они не могли не увидеть решающий шаг на пути его превращения в такого неограниченного деспота, какого ни Македония, ни Греция еще не видывали. С этого момента, по всей видимости, в окружении Александра появляются и набирают силу оппозиционные элементы, с которыми ни расправами, ни милостями царь совладать не мог. Центром, притягивавшим недовольных, был, судя по всему, Парменион.

Парменион, сын Филоты, человек старомакедонского закала, являлся одним из ближайших соратников и крупнейших полководцев Филиппа II [ср.: Плутарх, Апофт. Фил., 2; 28]. Он занимал первое место в окружении Александра [ср.: Полибий, 8, 12, 7; Руф, 7, 2, 33], постоянно находился на самых ответственных постах, но не потому, что Александр этого хотел,

а потому, что не мог от него избавиться. Сын Пармениона, Филота, считавшийся другом Александра, возглавлял македонскую конницу, другой сын, Никанор, — гипаспистов; его брат Асандр был командиром легкой кавалерии, а позже стал сатрапом Сард. Александр, отвергая разумные на первый взгляд предложения Пармениона, явно стремился вырваться из этих цепких объятий. Подспудная взаимная неприязнь привела в конце концов, когда царь почувствовал себя достаточно сильным, к уничтожению Пармениона и Филоты. Убивая их, Александр знал, что делал: он устранял реальную или потенциальную верхушку оппозиции.

Однако до гибели Пармениона было далеко. По сведениям, восходящим к Птолемию и Аристубулу, еще в Египте Александр получал доносы о заговоре, который составил против него Филота, но не придавал им серьезного значения или, возможно, не считал себя достаточно сильным, чтобы обрушиться на Пармениона и его семью [ср.: Арриан. 3, 26, 1]. Однако во время судебной расправы над Филотой Александр припомнил, как тот, поздравив его с принятием в сонм богов, написал, что жалеет тех, кому придется жить под властью сверхчеловека [Руф, 6, 9, 18]. Под пыткой Филота рассказал тогда, что и Гегелох возмущался обожествлением Александра [там же, 6, 11, 22—30]. Видя вокруг себя скептические, насмешливые, недовольные лица, царь решил, что его греко-македонских приближенных и греческих союзников на Балканах нужно исподволь приучать к мысли о его, Александра, божественной природе.

Среди греков и македонян все более настойчиво стали циркулировать слухи, будто Александр родился от змея, в облике которого к Олимпиаде являлся сам владыка богов; этим объясняли и охлаждение Филиппа к Олимпиаде [Юстин, 11, 11, 2—13; Плутарх, Алекс., 2]. Олимпиада, как утверждалось, перед тем, как Александру уйти в поход, только ему одному поведала тайну его рождения [Плутарх, Алекс., 3]. Сам Александр время от времени тоже делал соответствующие намеки. Так, обращаясь к афинянам [там же, 28], он заявил, что сам не отдал бы им Самос, но Афины, дескать, получили остров «от того, кто назывался тогда моим господином и отцом». В письме к Олимпиаде он

однажды вставил такую адресную формулу: «Царь Александр, сын Зевса-Аммона, Олимпиаде, матери, шлет привет» [Геллий, 13, 4, 2]. Однако и сам Александр, и его ближайшее окружение пока считали необходимым иногда демонстрировать, что они не принимают всю эту историю всерьез. Олимпиаде традиция [Плутарх, Алекс., 3; Геллий, 13, 1, 2] приписывает пожелание, чтобы Александр перестал клеветать на нее Гере, жене Зевса, и навлекать гнев богини. Однажды, когда всех напугал сильный удар грома, философ Анаксарх, находившийся в свите Александра, спросил его: «Ты не делаешь ничего такого, сын Зевса?». «Я не хочу, — засмеялся Александр, — устрашать друзей...». В другой раз, раненный стрелой, он воскликнул: «Это, друзья, течет кровь, а не влага, струящаяся у блаженных богов» [ср.: Плутарх, Алекс., 28; Апофт. царей и им., 180е; Афиней, 6, 250—251а].

Вернувшись из оазиса Сива в долину Нила, Александр снова занялся в Мемфисе жертвоприношениями Зевсу, устройством парадных шествий и состязаний [Арриан, 3, 5, 2], а также приемом многочисленных посольств со всех концов Греции [там же, 3, 5, 1]. Очень соблазнила его мысль двинуться на юг, своими глазами увидеть в Фивах дворцы фараонов и проникнуть в Эфиопию. Однако война заставила Александра вернуться из Египта в Палестину и оттуда снова пойти на север [Руф, 4, 8, 3—4].

Прежде чем отправиться в поход, Александру следовало организовать управление в своем новом владении. По свидетельству Руфа [4, 8, 4—5], руководя Египтом он поручил родосцу Эскилу и македонянину Певкесту, охрану шлюзов на Ниле — Полемону, управление африканскими территориями, прилегающими к Египту, — Аполлонию, финансовое ведомство — Клеомену. По данным Арриана [3, 5, 2—7], несомненно более надежным, дело обстояло иначе. Контроль над номами (исторически сложившимися областями Египта) сохранялся за номархами. Во главе Египта Александр поставил двух номархов-египтян — Долоаспа и Петисия; по всей видимости, при этом было учтено традиционное разделение страны на Верхний и Нижний Египет. После того как Петисий отказался от власти, контроль над страной перешел к Долоаспу. Наместником Ливии Александр сделал

Аполлония, сына Харина; Аравип (область между Нилом и Красным морем) — навкратийца Клемена. Последнему номархи должны были вносить подати, так что фактически он оказался во главе финансового ведомства (уроженец Египта, что очень существенно). В ключевых пунктах страны Александр разместил свои гарнизоны. Общее командование греко-македонскими войсками в Египте он возложил на Певкеста, сына Макартата, и Балакра, сына Аминты; флот поручил Полемону, сыну Ферамена; наконец, отряды наемников подчинил этолийцу Ликиду, но при нем назначил писца Евгноста, сына Ксенофанта, из дружинников, а наблюдателями за ними, сверх того, — Эсила и халкидянина Ефиппа.

В Египте, как и в других захваченных странах, Александр стремится привлечь на свою сторону местную аристократию; в качестве фараона он сохраняет за египтянами управление отдельными областями и, отправляясь в поход, своими наместниками назначает также египтян. Однако, оставив командование греко-македонскими войсками и управление пограничными областями и финансами в руках греков и македонян, Александр поставил египтян под жесткий контроль; разделив власть между многочисленными наместниками, командующими, начальниками гарнизонов, он, как казалось, и с этой стороны гарантировал себя от попыток свергнуть в Египте его власть.

Вернувшись в Финикию, Александр прежде всего должен был направить свои войска на подавление антимакедонских выступлений, центром которых стала община самаритян, которые сожгли живьем Андромаха, македонского наместника Сирии [Руф, 1, 8, 9; ср. также: Синкелл, Хроногр., 216; Евсевий, Хрон., 2, 118—119]. Когда Александр появился в Переднеазиатском Средиземноморье, самаритяне, по-видимому, выдали ему инициаторов бунта, и царь предал последних казни [ср.: Руф, 4, 8, 10—11]. В свою очередь Александр выдал местных «тиранов», а также мефимнейцев Аристоника и Хрисолая, вероятно, действовавших заодно с последними, «демократам»; «тираны» были брошены со стены и погибли [Руф, 4, 8, 11].

С названными событиями прямо связаны археологические материалы, открытые летом 1962 г. в одной из пещер в районе Вади-Далие, в 14 км севернее

Иерихона и в 12 км западнее р. Иордан: это около 300 человеческих скелетов, керамика IV в., куски одежды, ювелирные изделия, буллы с оттисками печатей, монеты и самаритянские деловые документы на папирусах, датируемые 375—335 гг. Скелеты и документы, вероятно, принадлежат самаритянским аристократам, бежавшим в пещеры Вади-Далие от Александра; там их застигли македонские солдаты, и они либо были перебиты, либо умерли от голода.

Подавив восстание, Александр получил возможность осуществить и другую часть своей политической программы: он сам или от его имени Пердикка основал на севере Заиорданья ряд городов: Дион, Герасу и др. Население этих городов составили ветераны Александра; несомненно, много имелось и колонистов, привлеченных из Македонии и Греции. Один из городов был назван Пеллой, как и древняя македонская столица. По мысли основателя и колонистов, на этом месте должна была возникнуть новая Македония.

Создавая свои города именно здесь, на краю пустыни, Александр хотел, как и в низовьях Нила, заселить еще необжитые районы, не вступая в конфликт с местным населением. Находясь на границе, они могли сыграть свою роль в обороне Северной Палестины от кочевников. Вдоль восточного берега Иордана шел путь в Южную Аравию; можно было надеяться, что новые города смогут занять видное место в исключительно прибыльной торговле со «Страной ароматов».

Еще один вопрос волновал Александра по возвращении из Египта в Финикию — политическая стабильность в Греции, где Афины продолжали оставаться скрытым, а Спарта — явным врагом. На Крите и в Пелопоннесе спартанцы и их союзники воевали с приверженцами Александра. И все же последний ограничился тем, что отправил на помощь своим сторонникам флот под командованием Амфотера, поручив ему также очистить море от пиратов [Арриан, 3, 6, 3; Руф, 4, 8, 15].

В Тире Александр устроил жертвоприношение Гераклу, гимнастические и муспческие состязания [Арриан, 3, 6, 1]. Своим великолепием это празднество запомнилось надолго. По рассказу Плутарха [Алекс., 29], во время торжества исполнялись дифирамбы и трагедии; в роли хорегов (устроителей зрелищ)

выступали кипрские цари, греки по происхождению, стремившиеся перещеголять друг друга щедростью; в спектаклях участвовали крупнейшие артисты, в том числе Афинодор и Фессал. По греческому обычаю, артисты соревновались между собой, и Александр принимал в этом живейшее участие, хотя и не показывал вида. Победа была присуждена Афинодору, и только тогда Александр позволил себе заметить, что предпочел бы видеть победителем Фессала. Впрочем, и к Афинодору он относится достаточно благосклонно: когда афиняне оштрафовали Афинодора за неявку на Дионисии, Александр послал ему необходимые деньги. Здесь, конечно, ощущается щелчок, данный Афинам, но Александр вообще желал слыть покровителем искусств и обнаруживать по отношению к актерам щедрость. Однажды Ликон из Скарфеи вставил в комедию отсебятину — стих с просьбой выдать ему 10 талантов. Александр засмеялся и приказал дать. . .

По-видимому, во времени второго пребывания Александра в Переднеазиатском Средиземноморье (331 г.) относится его фактический брак с Барсиной, дочерью Артабаза. Инициатором этого брака был Парменион, в руки которого Барсина попала после битвы при Иссе [ср.: Плутарх, Алекс., 24; Евмен, 1]. Вероятно, он рассчитывал с ее помощью упрочить свое положение при особе царя. Родившаяся около 360 г. Барсина была примерно на четыре года старше Александра, во времени их знакомства дважды побывала замужем и имела четырех детей. В 327 г., уже в Бактрии, она родила Александру сына, названного Гераклом [Диодор, 20, 20, 2; несколько иначе: Юстин, 15, 2, 3]. После брака Александра с Роксаной Барсина поселилась вместе с Гераклом в Пергаме. Там в 309 г. они были убиты по приказу Полиперхонта [Трог, Прол., 15; иначе: Павсаний, 9, 7, 2; Юстин, 15, 2, 3 — убийцей был Кассандр].

Тем временем Дарий III собирал в Вавилонии новую армию. Точных сведений о ее численности у нас нет; греко-македонская традиция, по-видимому, резко ее преувеличивает. Так, Арриан [3, 8, 6] утверждает, ссылаясь на слухи, что Дарий имел 1 млн (100 мириад) пехотинцев, 40 тыс. всадников, 200 колесниц с серпами и косами, 15 слонов; по Диодору [17, 53, 5]: 800 тыс. пехотинцев и не менее 200 тыс. всадни-

ков. Однако в том, что армия Дария была (по масштабам эпохи) очень большой (Руф, 4, 9, 3 — в 1.5 раза больше, чем в битве при Иссе), сомневаться не приходится. С этим войском Дарий отправился на север, откуда открывался доступ в долину Тигра и Евфрата, и остановился в конце концов на ровной местности восточнее Тигра, у д. Гавгамелы, возле р. Бумода, примерно в 600 стадиях (около 120 км) от г. Арбелы (соврем. Телль-Гомел, примерно в 35 км северо-восточнее Мосула). Все неровности на местности по его приказу были засыпаны песком или скрыты; подступы к персидским позициям Дарий велел разорить, рассчитывая заставить своего противника отступить [Арриан, 3, 8, 7; Руф, 4, 9, 7—10].

Александр в начале кампании предполагал, по информации Арриана [3, 12, 5], 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. всадников. Выступив из Финикии и не встретив на своем пути сопротивления, он прибыл к Фапсаку на правом берегу Евфрата. Там уже строились мосты, но на левом берегу реки появилось персидское охранение под командованием Мазея. Опасаясь, что мосты будут разрушены, македоняне остановили работы. Услышав о приближении Александра, Мазей бежал, и только тогда работы могли быть закончены. Переправившись на левый берег, Александр узнал от пленных, что Дарий со своей армией находится у Тигра. Бросившись к Тигру и никого там не найдя, он с трудом переправился на его восточный берег и после короткого отдыха (в этот день — 20 сентября 331 г. — произошло лунное затмение, которое Александр воспринял как благоприятное предзнаменование) двинулся вверх по реке. На четвертый день разведчики донесли, что на равнине показались вражеские всадники числом около тысячи. Александр во главе царской илы дружинников и отряда пэонов помчался им навстречу, но персы ускакали [Арриан, 3, 7, 1—8; Руф, 4, 9, 11—10, 11; Диодор, 17, 55].

Оказавшись в непосредственной близости от неприятеля, Александр решил еще раз дать отдых своим солдатам; в спешно сооруженном лагере они провели четыре дня. По-видимому, во время этого отдыха произошел эпизод, произведший сильное впечатление на Александра и его солдат. Обозная прислуга, разделившись на две партии, затеяла шуточное сражение; одни

выступали в роли «армии Александра», другие — «армии Дария». Узнав о происходящем, Александр велел сразиться предводителям обеих партий. В жестокой схватке победил «Александр», и обрадованный таким исходом царь дал ему 12 деревень и право носить персидскую одежду [Плутарх, Алекс., 31]. Наконец, оставив в лагере обоз и всех тех, кто не мог сражаться, Александр глубокой ночью двинулся на сближение с неприятелем. Дарий, узнав об этом, приказал построить персидские войска в боевом порядке. Подойдя к ним на расстояние 30 стадий (около 6 км), Александр после небольшого совещания со своими высшими командирами отправился по совету Пармениона на рекогносцировку. Солдатам он велел отдыхать.

Есть сведения, что Парменион уговаривал Александра напасть на врага ночью, рассчитывая, что внезапный удар приведет персидское войско в смятение. «Я не краду побед, — отвечал Александр, — мне подобает воевать честно, без хитростей и уловок». Эта звонкая фраза была, конечно, рассчитана на широкую аудиторию. Однако отказ от ночного боя имел, вероятно, более глубокие причины: момент внезапности все равно был упущен, а в ночном бою Александр мог потерять управление своими войсками.

Как бы то ни было, закончив приготовления, Александр удалился в свой шатер. Можно верить источникам, говорящим о серьезном беспокойстве, которое он испытывал: в предстоящем бою решался вопрос о власти над Ближним Востоком и, более того, о его жизни. В конце концов, однако, Александр заснул так крепко, что на следующее утро дружинники с большим трудом могли его разбудить. Рассказывали, будто Парменион пришел к нему в шатер с упреками то ли в утрате бодрости, то ли в чрезмерной самоуверенности (Александр спит, словно победа уже одержана). Александр отвечал, что теперь, когда Дарий согласился принять бой, опасаться нечего.

Перед сражением произошел еще один характерный эпизод. Александру доложили, будто в солдатских палатках ведутся нежелательные разговоры, воины говорят, что добычу они оставят себе и ничего не отдадут в царскую казну. «Вы сообщаете хорошие вести, — сказал Александр, — я слышу разговоры мужей, приготовившихся победить, а не бежать» [Плутарх,

Апофт. царей п имп., 180с]. Александр знал побудительные мотивы своих солдат и не возражал против их желания захватить побольше и даже все.

Дарий опасался ночного нападения, и персидские войска всю ночь простояли в боевом порядке. Основной ударной силой на его левом фланге были бактрийские всадники, а также собственно персидские всадники и пехотинцы, построенные вперемежку. Перед фронтом левого фланга Дарий расположил скифских всадников, 1000 всадников-бактрийцев и 100 боевых колесниц с косами. На правом фланге находились арамеи из Келесирии и Месопотамии, мидяне, албаны, парфяне, саки и подразделения, сформированные из других народностей Восточного Ирана. Перед фронтом Дарий поставил армянскую и каппадокийскую конницу, а также 50 боевых колесниц. В центре боевых порядков разместились сам царь со своими сородичами, персы-мелоформы (царские телохранители), индийцы, карийцы-переселенцы. В тылах центра были вавилоняне, жители Приморья и др. Около царя находились слоны, примерно 50 боевых колесниц и наемники-греки.

Армия Александра была построена утром, после ночного отдыха. На правом фланге стояли всадники-дружинники, которыми командовал Филота, сын Пармениона. В центре построения Александр поместил фалангу пехотинцев; в непосредственной близости от всадников находились гипасписты под командованием Никанора, сына Пармениона. Левый фланг возглавлял Парменион; здесь были расположены пехотные части, союзная и фессалийская конница. В следующем ряду находились войска второго эшелона, которые должны были отразить удар с тыла. Перед фронтом наряду с легковооруженными солдатами стояла наемная конница. Справа и слева для отражения фланговых ударов Александр уступами разместил легковооруженную пехоту и конницу. Сам македонский царь выбрал себе место на правом фланге.

Сражение началось с того, что Александр повел свой правый фланг вправо; персы двинули против него свой левый фланг. После ряда маневров завязался ожесточенный кавалерийский бой, однако нарушить строй македонян персам не удалось. Македоняне выдержали натиск персидских всадников и смелыми контр-

атаками внесли расстройство в их ряды. Дарий ввел в действие колесницы, но они не принесли македонянам серьезного вреда. Пехотинцы расступились перед колесницами, а легковооруженные солдаты засыпали их дротиками, стаскивали колесничих, убивали лошадей. Наконец, в бой вступила персидская пехота. В этот момент Александр приказал конному отряду Ареты ударить по персидским всадникам, пытавшимся на правом фланге зайти в македонский тыл. Во время боя в передней линии боевых порядков персов образовался просвет; Александр ввел туда свои войска и бросился на Дария. Персы не выдержали натиска македонских всадников и пехотинцев; Дарий, а за ним и его воины обратились в бегство.

Бой, однако, еще продолжался на левом фланге македонян, где были прорваны их боевые порядки. Персы пробились к обозам. Только вмешательство отрядов второго эшелона помогло на короткое время выправить положение, но персидские всадники правого фланга зашли в тыл левому флангу македонян, и командовавший там Парменион обратился к Александру с просьбой о помощи. Александр ударил по персидской коннице. Македоняне ценой больших усилий и жертв и здесь одолели персов [иначе и крайне неправдоподобно: Полнен, 4, 3, 6].

Битва при Гавгамелах произошла 1 октября 331 г. (в месяце дие по македонскому календарю или в пнинепсионе — по афинскому) [Арриан, 3, 9—15; Руф, 4, 12—16; Диодор, 17, 56—60; Плутарх, Алекс., 31—33; Юстин, 11, 13, 1—14, 5].

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПОХОДА

В сражении при Гавгамелах, как и в битве при Иссе, Дарий III проявил поразительную слабость духа: он обратился в бегство, когда возникла угроза его безопасности, в то время как можно было еще эффективно сопротивляться и при некоторых усилиях даже изменить ход событий в свою пользу. Бросив армию, Дарий бежал в Мидию. Его сопровождали бактрийские всадники и царские родственники; по дороге к нему присоединился отряд греческих наемников [Арриан, 3, 16, 1—2; Диодор, 17, 64, 1]. Направление, избранное Дарием, показало, что он фактически отказывается защищать такие важнейшие экономические и политические центры, как Вавилон, Сузы, Персеполь, да и не было у него для этого сил и средств. Правда, Дарий собирался провести мобилизацию новых войск, оборонять восточные области своего государства, повернуть ход событий в свою пользу. Он говорил, что война еще не кончена, что Александр еще может испытать сокрушительное поражение. Однако из всех этих проектов ничего не вышло.

После Гавгамел на Ближнем Востоке остался один владыка и повелитель — Александр, и когда он был провозглашен (по-видимому, на сходке воинов) царем Азии [Плутарх, Алекс., 34], это являлось лишь констатацией свершившегося факта.

В Греции в 331 г. была предпринята еще одна попытка отстоять в борьбе против македонян свою свободу. Обстоятельства казались тем более благоприятными, что Антипатр должен был усмирять волнения во Фракии. Возглавил греков спартанский царь Агис III. Однако Антипатр сумел овладеть положением и во Фракии, и в Элладе; спартанские войска были разбиты при Мегалополе, сам Агис погиб в бою [Диодор, 17, 62—63; 17, 73, 5—6; Руф, 6, 1; Юстин, 12, 1,

4—11]. На действия Александра в Азии события в Греции никакого влияния не оказали.

Сразу же после битвы при Гавгамелах Александр занял г. Арбелы, находившийся недалеко от места, где происходило сражение. Он рассчитывал захватить там Дария, но опоздал. Пришлось ограничиться деньгами и другой добычей: 3 тыс. талантов серебра (по некоторым данным — 4 тыс.) и всяким иным добром. Однако Арбелы не могли быть удобным местом для отдыха греко-македонской армии: разложение трупов, валявшихся неубранными в окрестностях города, могло вызвать (или даже уже вызвало) эпидемию. Александр поспешил уйти и, отправив в Сузы одного из своих приближенных, Филоксена, чтобы установить там македонскую власть [Арриан, 3, 16, 6], двинулся в Вавилон [там же, 3, 15, 5; 16, 3; Диодор, 17, 64, 3; Руф, 5, 1, 10—11].

Вавилон и местные персидские власти не оказали Александру сопротивления. Персидский наместник Мазей, после битвы при Гавгамелах бежавший в Вавилон, вышел навстречу победителю вместе со взрослыми сыновьями и объявил, что сдается сам и сдает город [Руф, 5, 17—18]. Комендант местной крепости и хранитель царской казны Багофан устлал улицы цветами и венками, поставил серебряные алтари и приказал совершать на них воскурения. Толпы горожан ожидали Александра на городских стенах, встречали его у ворот. Вступление греко-македонских войск в Вавилон превратилось в триумфальное шествие [там же, 5, 1, 19—23]. Вавилоняне радушно приняли Александра и его солдат [Диодор, 17, 64, 4]. Им было важно заручиться благосклонностью нового владыки, которая только и могла защитить их от грабежа и обеспечить городу и в будущем положение крупнейшего экономического центра тогдашнего мира.

Слух о Вавилоне доходил до греков и прежде. Еще в VI в. там бывали греческие воины-наемники, приносившие на родину рассказы о далеком городе, полном всяких чудес, куда отовсюду стекается великое множество людей и товаров, где на улицах и рынках звучит разноязычная речь. В V в. Вавилон посетил Геродот; он оставил в своей книге яркое описание этого города и его обитателей. Но то, что Александр и его солдаты увидели, превосходило всякое воображение.

Громадные стены высотой в 50 локтей (более 22 м), толщиной в 32 фута (около 9.5 м) и окружностью в 365 стадий (более 70 км); ворота, покрытые изразцами и украшенные изображениями драконов, львов и быков; великолепные дворцы и храмы невиданной архитектуры; дома с выходящими на улицы глухими стенами; широкие проезды и узкие проулки; сады и огороды; нарядные набережные Евфрата и каменный мост, соединяющий правобережную часть города с левобережной; бассейны для сбора воды во время паводка; крепость, поднимающаяся на 80 футов (более 23 м) над городом; знаменитые висячие сады; всевозможная роскошь; все виды наслаждений (попойки, легкодоступные женщины, непрерывный праздник) — таким запомнили Вавилон воины Александра [Руф, 5, 1, 24—38].

В Вавилоне, где резиденцией царя стал укрепленный дворцовый комплекс возле главных ворот («врата Иштар») и улицы процессий, Александр провел 34 дня. Он использовал это время, чтобы заручиться поддержкой местного населения, и в особенности жрецов. Желая продемонстрировать свое преклонение перед вавилонскими богами, показать, насколько благоприятно его политика отличается от политики персидских царей, он принес (несомненно, в своем новом качестве вавилонского царя) жертвы Мардуку, местному верховному богу (источник называет его Белом [ср.: Арриан, 3, 16, 5]), и приказал восстановить храмы, которые раньше были разрушены повелением персидского царя Ксеркса [там же 3, 16, 4]. Еще при жизни Александра началась и после его смерти продолжалась расчистка развалин Эсагилы — храма Мардука, откуда персы вывезли статую бога.

Не забыл Александр и своих воинов: каждому всаднику-македонянину он приказал выдать 6 мин серебра, пехотинцам-македонянам — по 2 мины, всадникам-союзникам — по 5 мин, а наемникам — жалованье за два месяца [Диодор, 17, 64, 6].

Александр не хотел слишком долго задерживаться в Вавилоне. Утвердить свою власть над всей Ахеменидской державой и закончить войну он мог только в Персеполе. Однако, прежде, чем покинуть город, Александр должен был сделать административные распоряжения, Мазей не ошибся в своих предположе-

пиях: Александр назначил его сатрапом Вавилонии [Арриан, 3, 16, 4; Руф, 5, 1, 44]. Багофан получил назначение в царскую свиту [Руф, 5, 1, 44]. Должность сатрапа даже еще незавоеванной Армении Александр предоставил Мифрену — персидскому военачальнику, который в свое время сдал ему Сарды [Арриан, 3, 16, 5; Руф, 5, 1, 44]. Командование войсками, оставшимися в Вавилонии, он передал Аполлодору из Амфиноля, сбор податей — Асклепидору, сыну Филона, а управление гарнизоном — Агафону из Пидны [Арриан, 3, 16, 4; ср.: Руф, 5, 1, 43; Диодор, 17, 64, 5].

Назначениями Мазея, Мифрена и Багофана при всей их декоративности и кажущейся маловажности Александр хотел еще раз показать персидским аристократам, что все, что у них было при Ахеменидах, им даст новый их властелин — деньги, посты, а с течением времени, конечно, и участие в управлении огромным государством.

На пути в Сузы — административный центр Ахеменидской державы — Александра встретили сын тамошнего сатрапа и гонец от Филоксена с известием о сдаче города [Арриан, 3, 16, 6]; у р. Хоасп его ожидал и сам сатрап Абулит с дарами, среди которых были 12 индийских слонов [Руф, 5, 2, 9—10]. В Сузах Александр овладел сокровищами Ахеменидов; наряду с другими богатствами здесь было захвачено 50 тыс. талантов (1310 т) серебра в слитках [Арриан, 3, 16, 7; Руф, 5, 2, 11; Диодор, 17, 66, 1—2 — 40 тыс. талантов золота и серебра в слитках и 9 тыс. талантов чеканной монеты; Плутарх, Алекс., 36 — 40 тыс. талантов]. Среди добычи было много ценностей, которые Ксеркс во время Греко-персидских войн увез из Греции, в том числе и медные статуи тиранубийц Гармония и Аристогитона. Они были возвращены в Афины [Арриан, 3, 16, 7—8].

Должность сатрапа Суз и прилегающих к Сузам территорий Александр сохранил за Абулитом. Однако и здесь командование войсками, расквартированными в сатрапии, он поручил своему человеку — Архелаю, комендантом крепости назначил Ксенофила, а управителем царской казны — Каликрата [ср.: Руф, 5, 2, 16].

В Сузах произошел любопытный эпизод, хорошо запомнившийся воинам и вошедший потом в некоторые

сочинения об Александре [ср., напр.: Руф, 5, 2, 13—15; Диодор, 17, 66, 3—7]. Александр воссел на трон персидских царей, слишком для него высокий, и не мог дотянуться ни до земли, ни до скамеечки для ног. Кто-то из рабов подставил Александру стол. Видя происходящее, евнух, бывший ранее в услужении у Дария III, громко заплакал. Его спросили, какая беда с ним приключилась. Евнух отвечал, что не может глядеть без слез на поругание стола, за которым Дарий вкушал пищу. Александр устыдился, усмотрел в своем поступке оскорбление богам-гостеприимцам и приказал унести стол, но в этот момент вмешался Филота. Убирать стол не нужно, сказал он, наоборот, все случившееся — доброе предзнаменование: пиршественный стол неприятеля Александр теперь попирает ногами. Александр послушался Филоту и велел использовать и в дальнейшем этот стол в качестве подставки для ног при царском троне.

Данный мелкий эпизод был весьма многозначителен. Садясь на трон персидских царей, Александр представлял себя преемником Ахеменидов; стол Дария под его ногами символизировал глубочайшее унижение врага. Но самое интересное здесь — позиция Филоты. Стремился ли он сделать Александра смешным, показать его грекам в облике варвара, теряющего от опьянения победой умеренность и чувство собственного достоинства? Желал ли он приобрести благоволение Александра, уверить его в своей преданности? Вероятнее всего, и то и другое...

В Сузах Александр задержался очень недолго: его манил Персеполис. Однако добраться туда было не просто. Выйдя из Суз и форсировав р. Паситигр, Александр вступил в страну, которую населяли уксии — потомки древних эламитов. Равнинные уксии подчинялись персидской власти; теперь они без сопротивления признали и господство Александра. Горные уксии были фактически независимы и за проход через горные перевалы, ведущие к Персеполю, взымали с персидских царей обусловленную плату. Такую же плату они вознамерились получить и с Александра. Удовлетворив требование уксиев, Александр тем самым признал бы их независимость; на это он пойти не мог [Арриан, 3, 17, 1]. Другие источники [Диодор, 17, 67, 3; Руф, 5, 3, 4] объясняют сопротивление уксиев тем,

что Мадет — наместник страны, женатый на племяннице Дария III, решил защищать от неприятеля подступы к Персеполю. Верны, очевидно, обе версии, взаимно дополняющие одна другую.

Александр велел уксиям идти к проходам, обладая которыми они преграждали доступ в Персиду, обещая, что там он им заплатит. У проходов стоял и Мадет. Темной глухой ночью Александр выступил против неприятеля, взяв с собой отряд царских телохранителей, гиаспистов и около 8 тыс. других солдат. На рассвете он внезапно напал на деревни уксиев; многие из них, захваченные врасплох, были убиты, кое-кому удалось бежать в горы. Одновременно Александр отправил другой отряд под командованием Кратера занять высоты, господствовавшие над проходами. Когда Александр появился у проходов и с высот повел своих солдат на врага, уксии бежали. Позже по ходатайству Сисигамбис Александр разрешил им жить на этой территории, поставляя в царское хозяйство ежегодно 100 лошадей, 500 вьючных животных (верблюдов и ослов) и 30 тыс. овец [Арриан, 3, 17, 2—6; ср. также: Диодор, 17, 67, 4—5; иначе и, по-видимому, менее вероятно: Руф, 5, 3, 4—11]. Очевидно, Сисигамбис выпросила у Александра пощаду и для Мадета [Руф, 5, 3, 13—15].

Подойдя к Персидским Воротам (ущелье, через которое шла дорога в Персеполь), Александр обнаружил новую преграду на своем пути: проход оказался занят персидским сатрапом Ариобарзаном, перегордившим его стеной. У Ариобарзана было около 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. всадников [Арриан, 3, 12, 8; по: Руф, 5, 3, 17; Диодор, 17, 68, 1 — у Ариобарзана было 25 тыс. пехотинцев и 300 всадников]. Источники не дают сведений о том, какими силами располагал в тот момент Александр. Учитывая, с одной стороны, его потери и численность гарнизонов, оставленных в Вавилоне и Сузах, а с другой — состав полученных им в конце 331 г. подкреплений, можно считать более или менее правдоподобным, что в его действующей армии было примерно 40—45 тыс. человек.

Поведя своих солдат на штурм стены, Александр оказался в тупике. Занимая неприступные скалы по обе стороны дороги, воины Ариобарзана поражали противника огромными валунами, камнями из пращей,

стрелами и дротиками, оставаясь практически недосыгаемыми для македонян. Александр велел отступить на 30 стадий (около 6 км) [см.: Арриан, 3, 18, 3; Руф, 5, 3, 17—23; Диодор, 17, 68, 2—4]. Если бы Ариобарзан окружил греко-македонскую армию, воспользовавшись благоприятной ситуацией, Александра и его солдат ждала бы неминуемая гибель. Македонский царь принял энергичные меры. Узнав, что существует дорога, очень трудная и почти неприступная, но позволяющая обойти стену, построенную Ариобарзаном, он оставил часть своей армии в лагере под командованием Кратера и Мелеагра, а сам пошел в обход; еще один отряд отправил строить мост через р. Аракс (не путать с р. Аракс в Закавказье), преграждающую путь к Персеполю. Появление греко-македонских войск в тылу было для Ариобарзана полной неожиданностью; его воины, стоявшие в тыловом охранении, либо погибли, еще не осознав, что произошло, либо разбежались. Тем временем Кратер начал штурм стены с фронта. Оказавшись в кольце, персы попытались было бежать, но не сумели; те, кто не погиб, были перебиты македонянами. Эту расправу Александр возложил на оставленный на месте боя отряд под командованием Птолемея, сына Лага [Арриан, 3, 17, 4—9; Диодор, 17, 68, 4—7; Руф, 5, 4].

Персеполь («город персов»; в эламских документах — Банрша, по-персидски, вероятно, Парса), богатый и многолюдный город, расположенный в глубине собственно Персии, занимал в Ахеменидской державе особое место. Очевидно, он был столицей собственно Персии [ср.: Диодор, 17, 70, 1; Руф, 5, 6, 1], ее династическим и ритуальным центром. В самом городе и недалеко от него находились гробницы персидских царей. На террасе, построенной по приказу Дария I около 518 г., возвышались их дворцы. Огромные многоколонные здания, роскошное декоративное убранство, барельефы, подчеркивающие величие и могущество персидских царей, с их сценами дворцовой жизни, с бесконечными вереницами воинов, придворных, данников, рабов — все это должно было произвести сильное впечатление на греков и македонян, привыкших к суровой простоте своих храмов и жилищ.

На пути в столицу Ахеменидов Александра встретил посланец ее градоправителя Тиридата. Он пре-

дупредил, что к Персеполю движутся войска, которые должны сохранить город для Дария; если Александр их опсередит, город будет сдан ему без боя [Диодор, 17, 69; по: Руф, 5, 5, 2 — Тиридат, хранитель царской казны, предупреждал о намерении горожан ее разграбить]. Такое усердие благоприятно отразилось на судьбе Тиридата, но на участь города не повлияло.

Переправившись через Аракс, Александр увидел перед собой толпу греков, переселенных прежними царями в глубь Персидской державы. Они все были искалечены персами: у кого были отрублены ноги, у кого — руки, у кого — уши и нос. Александр предложил им вернуться на родину, но калеки попросили помочь им обосноваться всем вместе на постоянное жительство и обзавестись хозяйством. Александр приказал выдать им по 3 тыс. драхм, по 5 мужских и 5 женских одежд, по 2 упряжки волов, по 50 овец и 50 медимнов (2626.5 л) пшеницы; кроме того, Александр освободил их от податей [Диодор, 17, 69, 3—9; Руф, 5, 5, 5—24; Юстин, 11, 14, 11—12]. Этот эпизод вызвал гнев и ожесточение против персов. Однако судьба Персеполя была решена гораздо раньше — в тот момент, когда Панэллинский союз решил совершить поход на Восток, чтобы отомстить персам за поруганные и сожженные греческие святыни. Вполне логично, что Александр объявил Персеполь самым враждебным из всех городов Азии и отдал его на разграбление своим солдатам [Диодор, 17, 70, 1; Руф, 5, 6, 1].

«Самым богатым был этот город, — свидетельствует историк, — из всех, существующих под солнцем, и частные дома были с давних времен переполнены богатствами. Македоняне врывались, убивая всех мужчин и растаскивая имущества, которых было очень много, в особенности же полно утвари и всяких украшений. Много тогда было унесено серебра, не меньше и золота разграблено; множество роскошных одежд, разукрашенных морским пурпуром или золотыми узорами, стали наградой победителям. Громадный, по всему миру прославленный дворец был отдан на глумление и полное разрушение. Однако македоняне, проведя весь день в грабежах, не могли удовлетворить ненасытную жажду богатства. Настолько огромной была жадность во время этих их грабежей, что они и между

собой дрались, и многих погубило обилие присвоенной добычи; некоторые, разрубив мечами самые драгоценные из найденных вещей, уносили свою долю, а иные, поддавшись злобе, руки отрубали у тех, кто хватался за спорные вещи. Женщин в их украшениях уводили силой, превращая полонянок в рабынь. Вот так Персеполи, насколько он превосходил другие города благополучием, настолько превзошел других несчастьями» [Диодор, 17, 70, 2—6]. Многие персы, не желая попасть в руки грабителей и убийц, бросались со стен, поджигали дома и кидались в огонь [Руф, 5, 6, 2—8].

Добыча, которую сам Александр захватил в сокровищнице персидских царей, превосходила всякое воображение. По оценке источника, использованного Диодором [17, 71, 1—2], общая сумма денег, в том числе золота, в пересчете на серебряный эквивалент, составила 120 тыс. талантов. Руф [5, 6, 9—10] добавляет, что в Пасаргадах Александр взял еще 6 тыс. талантов. Плутарх [Алекс., 27] указывает меньшую цифру: такую, как в Сузах, т. е. 40 тыс. талантов, не считая всевозможной утвари.

О том, как вел себя Александр во время этой вакханалии грабежей, насилий и убийств, мы почти ничего не знаем. Плутарх [там же] рассказывает, что, врываясь во дворец, толпа опрокинула статую Ксеркса. Александр, увидев ее на земле, остановился и произнес: «Что же нам, бросить тебя лежащим за твой поход на Элладу или за твою доблесть и душевное благородство поднять?». Долго простоял Александр над поверженной статуей некогда великого царя, а потом молча ушел. О чем он думал? О превратности и эфемерности власти и счастья? Может быть. Но если такие мысли и посещали Александра, то очень ненадолго. Он весь был полон ощущением триумфа. Под золотой дворцовой кровлей Александр сел на трон персидских царей, и коринфянин Демарат, разрыдавшись по-старчески, сказал: «Какой большой радости лишились те из эллинов, кто умер прежде, чем увидел Александра воссевшим на трон Дария!» [ср.: Плутарх, Алекс., 37; О судьбе, 7, 1]. Так думали, чувствовали многие, и среди них сам Александр.

Четыре месяца он провел в Персеполе. Пирьы смеялись пирами, попойки шли за попойками. В конце мая 330 г. во время одного из застолий афинская ге-

тера Таис, любовница Птолея, начала говорить о том, что самым прекрасным из деяний Александра будет сожжение царского дворца; пусть все пирующие во главе с ним отправятся туда и женские руки в один миг уничтожат то, что составляло гордость и славу персов. Разгоряченные вином, победой, женщинами молодые люди повскакивали с мест; кто-то закричал, что сам поведет всех отомстить за греческие святыни, и велел зажигать факелы; кто-то говорил, что свершить такое деяние подобает только самому Александру. Парменион попытался было урезонить царя: нехорошо уничтожать свое имущество, к тому же и азиаты, если он сожжет дворец, будут относиться к нему не как к человеку, твердо решившему установить свою власть, а как к победоносному авантюристу, не желающему закрепить плоды своих побед. Александр отмахнулся: он хочет наказать персов за то, что они, вторгшись в Грецию, разрушили Афины и сожгли храмы; персы, говорил он, должны понести кару и за другие злодеяния, которые совершили по отношению к эллинам. Веселой толпой, распевая вакхические песни под звуки флейт и свирелей, пирующие двинулись к дворцу. Первым метнул огонь сам Александр, следом за ним бросила факел Таис. Македонские воины, думая, что здание загорелось случайно, прибежали тушить пожар, но, увидев царя, кидающего в огонь все новые и новые факелы, сами стали делать то же. Обрадованные македоняне наивно полагали, что гибель дворца персидских царей знаменует собой конец войны и открывает перспективу скорого возвращения на родину [Диодор, 17, 72; Руф, 5, 7, 1—7; Арриан, 3, 8, 11—12; Плутарх, Алекс., 38; ср. также: Афиней, 13, 576d—e]. Говорили, что позже Александр раскаялся в содеянном, однако если раскаяние и имело место, то оно наступило слишком поздно. Во время раскопок в Персеполе было обнаружено, что весь пол главного дворцового зала покрыт слоем золы и древесного угля толщиной примерно 30—40 см; следы пламени были найдены и на колоннах.

Вопрос, что заставило Александра предать огню дворец персидских царей, уже в древности вызывал споры [ср.: Плутарх, Алекс., 38]. Одни видели в его поступке сознательный акт, демонстрировавший, что задача, которую эллины ставили перед собой, выпол-

нена. К их числу относится Арриан, умалчивающий о пиршествах Александра и о роли, которую сыграла Таис. Впрочем, и Арриан [3, 18, 12] замечает, что считает этот поступок Александра безрассудным и что никакого наказания древним персам здесь не было. Следует, однако, принять во внимание, что источники Арриана (прежде всего сочинения Каллисфена и Птолемея), а за ними и сам он умалчивают о фактах, компрометирующих Александра, в частности о разграблении Персеполя. Другие авторы видят в поджоге дворца следствие пьяных оргий, деяние, совершенное под влиянием распутной бабы горьким пьяницей, не ведающим, что творит.

Думается, что обе точки зрения, казалось бы спорящие между собой, отражают различные стороны одного и того же вопроса. Если учесть официальные цели восточного похода Александра, станет ясно, что уничтожение царского дворца в Персеполе в отместку за пожар на афинском Акрополе должно было явиться демонстрацией конечного торжества эллинов над извечными врагами — персами. Царь мог колебаться, ему могла претить роль варвара-разрушителя, слишком плохо согласующаяся с обликом «хорошего и прекрасного» эллинского аристократа, но слова Таис и энтузиазм его пьяных сотрапезников побудили Александра, также далеко не трезвого и потерявшего контроль над собой, сделать то, что он и сам желал и, несмотря на возражения Пармениона, в глубине души давно решил.

Однако и в Персеполе Александр не изменил своей линии на сближение с персидской аристократией. Сатрапом Персиды он назначил перса Фрасорта, сына Реомитры [Арриан, 3, 18, 14]. Тиридату также нашлось место в царской свите.

Между тем Дарий III находился в мидийской столице Экбатанах (соврем. Хамадан). Традиция, восходящая к официальной македонской версии [там же, 3, 19, 1], приписывает ему желание отсидеться там и дожидаться, не устроит ли кто-нибудь из приближенных Александра заговор против него. Вероятно, слухи о брожении среди македонских аристократов и греков, находившихся при дворе, доходили до Дария и внушали ему некоторую надежду. Если бы Александр направился на север, то Дарий ушел бы в Парфию и

Гирканию (вплоть до Бактрии), разоряя страны и делая дальнейшее продвижение греко-македонских войск невозможным. Другая традиция [Руф, 5, 8, 2], отражающая слухи, циркулировавшие среди греко-македонских воинов, считает, что Дарий готовился к новой битве с Александром.

Александр не стал больше задерживаться в Персеполе. Теперь ему нужен был Дарий — живой или (еще лучше) мертвый. Пока он был жив, положение Александра не могло быть прочным. Если бы Дарий сам и не стал эффективно бороться за восстановление государства Ахеменидов, то он все же превратился бы в знамя сопротивления царю-македонянину.

Александр направился в Экбатаны. Проходя через страну парэтаков, он разгромил их и поставил сатрапом также перса — Оксатра, сына Абулита, сатрапа Суз. По дороге Александру сообщили, что к Дарию будто бы явилось подкрепление. Александр ускорил движение и на 12-й день после выхода из Персеполя вступил в Мидию. Там выяснилось, что Дарий собирается бежать. Македонский царь приказал идти еще быстрее. Когда он находился в трех днях пути от Экбатан, к нему прибыл Бистан, сын Артаксеркса III Оха, и сообщил, что Дарий уже пять дней как бежал [Арриан, 3, 19, 2—5]. В Экбатаны Александр вошел, не встретив сопротивления. Сатрапом Мидии он назначил перса Оксодата, незадолго перед тем посаженного Дарием в тюрьму [там же, 3, 20, 3].

Здесь, в Экбатанах, Александр совершил акт большого политического значения: отправил на родину фессалийских всадников и прочих союзников-греков, полностью выплатив условленное жалование и добавив сверх этого для раздачи воинам 2 тыс. талантов. Этим своим поступком Александр подчеркнул, что война, которую он вел в качестве стратега-автократора Панэллинского союза, окончена и теперь все дальнейшие походы и завоевания он будет предпринимать уже только как царь Македонии, царь Азии. Было объявлено, что греки, желающие и дальше участвовать в его предприятиях, могут частным образом пойти к нему в наемники; таких набралось довольно много [там же, 3, 19, 5].

Судя по некоторым признакам, Александр рассчитывал сделать Экбатаны одним из важнейших полити-

ческих центров своего государства. Он велел Пармениону перевезти туда всю добычу, захваченную в Персеполе, и поместить ее на акрополе; охранять казну поручил Гарпалу [там же, 3, 19, 8].

В Экбатанах Александр наблюдал нечто невиданное — горящий нефтяной фонтан, бивший из естественной скважины. Его в особенности поразила способность нефти загораться от лучей света, как бы само собой. Желая показать Александру это чудесное свойство, персы с наступлением сумерек обрызгали нефтью какой-то проулок и направили на нее свет от факелов; через мгновение весь проулок был уже охвачен пламенем. Вскоре нефть подверглась еще одному испытанию. Александр находился в бане, когда некий афинянин Афинофан, один из его слуг, предложил смазать нефтью мальчика-раба Стефана. Если нефть загорится, то он, Афинофан, поверит в ее чудесную непреодолимую силу. Стефан мгновенно загорелся; пламя удалось потушить с большим трудом, и мальчик после этой «милрой шутки» долго и тяжело болел [Плутарх, Алекс., 35]. Почему Александр решился на такое дело? Из юношеского легкомыслия? Из любознательности? Конечно, этот эпизод, хорошо запомнившийся окружающим, лишней раз свидетельствует о большом и постоянном интересе, который Александр проявлял ко всяким загадкам природы. Но разве он не мог предположить, что подобный эксперимент в высшей степени опасен для того, кто ему подвергается? Не логично ли допустить, что ему, царю Азии, богу и сыну бога, стало в общем безразлично человеческое страдание, лишь бы были удовлетворены его любопытство и страсть к острым ощущениям?

Однако основная задача, ради которой Александр совершил свой переход в Мидию, не была решена. Дарий бежал, и Александр устремился за ним. На 11-й день очень трудного перехода македонские войска прибыли в г. Раги (недалеко от соврем. Тегерана), находившийся на расстоянии одного дня пути от Каспийских Ворот. Но Дарий был уже за Воротами.

Положение Дария с каждым днем становилось все более безнадежным: воины и свита разбегались, многие сдавались Александру. Наконец, Набарзан, тысячник персидских всадников, Бесс, сатрап Бактрии и Согдианы, и Барсаент, сатрап Арахосии и Дрангианы,

арестовали Дария. Власть перешла в руки Бесса, которого поддержала бактрийская конница. Наемники-греки, не желавшие участвовать в перевороте, покинули персидский лагерь. Традиция приписывает заговорщикам намерение выдать Дария Александру либо, если бы последний отказался от преследования, собрать в Бактрии и Арахосии, т. е. на восточных окраинах Персидской державы, новые войска и попытаться отвоевать утраченное царство для себя. То, как разворачивались события дальше, заставляет усомниться в достоверности этого свидетельства. В действительности Бесс ни разу не попытался передать Дария в руки Александра. Более правдоподобно другое: он предполагал сопротивляться на востоке Ирана, а затем, накопив достаточно сил и средств, снова двинуться на запад.

Обо всем, что происходило у персов, Александр узнавал в пути. Сначала к нему прибыли Багистап и Антибел, сын Мазея, рассказавшие об аресте Дария. Через два дня почти непрерывной погони македоняне подошли к лагерю персов, но никого там не обнаружили; еще через ночь они оказались в селении, где накануне останавливались те, кто вез Дария. Велев Никанору, командиру гипаспистов, и Атталу, начальнику отряда агриан, преследовать Бесса по дороге, которую тот избрал, сам Александр посадил на коней 500 пехотинцев и помчался в обход. Пройдя за ночь около 400 стадий (примерно 74 км), к утру он увидел персов. Последние почти не сопротивлялись: большинство разбежались, лишь некоторые вступили в бой, но, когда несколько человек из них были убиты, остальные также предпочли спастись бегством. Едва появились македоняне, Сатибарзан и Барсаент нанесли Дарию множество ран и бросили его умирать на дороге, сами же ускакали вместе с 600 всадниками.

Александр успел застать Дария живым; тело погибшего он приказал затем отправить в Персеполь и похоронить в гробнице персидских царей [Арриан, 3, 20—22; Диодор, 17, 73, 2—3; Руф, 5, 8—13]. Дарий III погиб в конце июня или в июле 330 г. (в месяце лоосе по македонскому календарю, т. е. в гекатомбеоне — по афинскому). Ему было около 50 лет.

Желали они этого или нет, но Сатибарзан и Барсаент оказали Александру огромную услугу. Дарий III был устранен, и вина за его трагическую кончину

падала не на Александра, а на заговорщиков-персов. Александр мог выступить в роли не только законного (по праву сильного) преемника Ахеменидов, но и (как, должно быть, улыбались его «друзья»!) мстителя за Дария. Он сокрушался над его трупом. В окружении Александра сформировалась легенда, которую, однако, не осмелились повторить Арриан и его источники, будто Дарий перед смертью благодарил Александра за доброту к матери, жене и детям и протягивал ему руку, и передавал ему власть, и просил отомстить убийцам, и Александр обещал [ср.: Плутарх, Алекс., 43; Диодор, 17, 73, 4; Юстин, 11, 15]. Вся эта сцена слишком по-риторски патетична и, главное, слишком для Александра выгодна, чтобы можно было поверить рассказам о ней, вышедшим из македонской среды. Однако трогательная повесть о трагической смерти Дария от руки подлых заговорщиков и о рыцарственном благородстве как самого Дария, так и в первую очередь Александра несомненно сослужила последнему хорошую службу.

ПОХОД В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ИНДИЮ

Те несколько месяцев, которые прошли от битвы при Гавгамелах осенью 331 г. до гибели Дария III летом 330 г., были, наверное, самой лучшей порой в короткой жизни Александра. Он уничтожил могущественнейшее царство, покорило великое множество народов, отомстил за то, что претерпела Эллада во время Греко-персидских войн! В нескольких сражениях Александр со своей небольшой армией разгромил численно во много раз превосходящего противника и штурмом овладел неприступной крепостью, которую до него никто захватить не мог. И ему было всего 26 лет, и Азия лежала у его ног, и Греция была приведена к покорности, и вся жизнь была впереди.

После смерти Дария III Александру нужно было укрепить свою власть на востоке Ирана. Следуя уже ранее выработанной линии поведения, он назначил сатрапом Парфии и Гиркании парфянина Амминаспа, одного из тех, кто сдал ему без боя Египет, однако контролировать деятельность нового сатрапа, т. е. реально управлять обеими провинциями, поставил своего дружинника Тлеполема, сына Титофана [Арриан, 3, 22, 1]. Из Парфии Александр двинулся в Гирканию, к южным берегам Каспийского моря, чтобы захватить наемников-греков, ранее служивших Дарию, а теперь бежавших в страну тапуров (у южного побережья Каспийского моря, несколько западнее Гиркании). Пройдя через лесистые горы, отделяющие Гирканию от южных областей Ирана, он занял г. Задракарту.

Уже в пути к Александру явилась группа знатнейших персидских аристократов, в том числе тысячник Набарзан и бывший сатрап Парфии и Гиркании Фратаферн. В Задракарте Александр принял изъявления покорности от одного из ближайших придворных Да-

рия, Артабаза, прехавшего вместе с сыновьями, а также от сатрапа Тапурии Автофрадата. Последний получил то, чего добивался: ему было сохранено его положение сатрапа. Несколько позже Автофрадату поручили и управление страной мардов на берегу Каспийского моря, завоеванной и опустошенной Александром [Арриан, 3, 24, 1—3; Диодор, 17, 76, 3, 5; ср. также: Руф, 6, 4, 24—5; 6, 5, 11—21]. Артабазу же царь дал почетное положение в своей свите, так как он был, по выражению нашего источника, «среди первых из персов» и сохранял верность Дария.

В Задракарте к Александру прибыли и послы от греков — наемников Дария. Царь принял их сурово и заявил, что никакого соглашения с ними заключать не намерен: они совершили тягчайшее преступление, сражаясь против эллинов вопреки постановлению Панэллинского союза, и поэтому пусть или явятся к нему и сдадутся, или спасаются, как могут. Послы ответили согласием сдаться за себя и за тех, кто их послал [Арриан, 3, 23, 8—9]. Позже тех из наемников, которые поступили на персидскую службу до создания Коринфского союза, Александр отпустил на родину; остальным он велел наняться на службу к нему и командиром над ними поставил Андроника [там же, 3, 24, 5; Диодор, 17, 76, 2; ср.: Руф, 6, 5, 6—10 — у последнего эти события излагаются иначе]. Это, казалось бы, неожиданное решение было тем не менее последовательным и логичным: Александр действовал теперь в своем новом качестве — царя Азии, ценящего людей, сохранявших верность его предшественнику, и вознаграждающего за нее; как гегемон Панэллинского союза он, конечно, имел право амнистировать нарушителей общегреческих постановлений.

Из Задракарты Александр повел свои войска в Арию. В г. Сусия, на границе Парфии и Арии, состоялась его встреча с сатрапом Арии Сатибарзаном. Как и в предыдущих случаях, Александр сохранил за ним его положение, однако послал в Арию и своего человека — дружинника Анакспиа — с поручением устроить там в поселениях сторожевые посты, так как якобы опасался, чтобы его солдаты, проходя через страну, не учинили каких-нибудь насилий. В действительности же он, конечно, хотел обезопасить себя от враждебных выступлений [Арриан, 3, 25, 1—2]. Как

показали дальнейшие события, у Александра имелись серьезные основания для беспокойства. Дело было в том, что в Бактрии, куда вместе со своими соучастниками бежал Бесс, возник новый очаг сопротивления македонским захватчикам. Бесс — сатрап Бактрии и Согдианы — принадлежал к царскому роду. Он участвовал в битве при Гавгамелах [там же, 3, 8, 3; Руф, 4, 6, 2], где руководил отрядом бактрийских и массагетских всадников и, вероятно, командовал левым флангом персов. Вернувшись в свою сатрапию, Бесс организовал и возглавил всенародное антимакедонское движение [ср.: Диодор, 17, 64, 1—2]. Обращаясь к населению подвластных ему провинций, он призывал к созданию и защите независимого государства («автономии»). Однако цели его не ограничивались организацией самостоятельной Бактрии; приняв царский титул (Бесс именовал себя, как и Александр, царем Азии) и традиционное для Ахеменидов тронное имя Артаксеркс, Бесс продемонстрировал свое намерение восстановить государство Ахеменидов [ср.: Арриан, 3, 25, 3; Руф, 6, 6, 13]. В созданную им коалицию восточных сатрапий, враждебных Александру, помимо Бактрии и Согдианы входили также Ария и Дрангиана, которой управлял Барсаент, один из убийц Дария III.

Когда Александр пошел со своими войсками в Бактрию, он неожиданно получил известие о том, что сатрап Арии Сатибарзан взбунтовался, приказал убить Анаксиппа и оставленных с ним македонских солдат, собрал в Артакоане — главном городе провинции — множество ариев, вооружил их и теперь идет в Бактрию на соединение с Бессом. Решительно изменив направление своего движения, Александр с частью своих войск вторгся в Арию и, пройдя за два дня около 600 стадий (примерно 110 км), подошел к Артакоане. Сатибарзан не принял боя, его войны разбежались. Казнями, разорением поселков, порабощением населения Александр восстановил, казалось, спокойствие в провинции. Должность сатрапа получил новый человек — некий перс по имени Аршак [Арриан, 3, 25, 5—7; ср.: Диодор, 17, 78; Руф, 6, 6, 20—34]. Затем Александр вторгся в Дрангиану. Барсаент попытался было укрыться за Индом, но местные жители выдали его Александру. За участие в убийстве Дария III Барсаент был казнен [Арриан, 3, 25, 8; ср.: Руф, 6, 6, 36].

Сатрапом Дрангианы, Гедросии и Арахосии Александр назначил Мевона. Однако стоило ему покинуть Арпию, как там возобновились волнения. В сатрапию вернулся Сатибарзан с 2 тыс. всадников, полученных от Бесса. На сей раз Александр решил продолжать свое движение против основного противника — Бесса, а на подавление мятежа направил перса Артабаза и двух своих дружинников: Эригия и Карана. Одновременно он предписал Фратаферну, сатрапу Парфии, ударить по Сатибарзану с запада. В ожесточенном сражении Эригий и Сатибарзан были убиты; арии обратились в бегство. По версии Руфа, Эригий остался жив и доставил Александру голову Сатибарзана [Арриан, 3, 28, 2—3; Диодор, 17, 81, 3; 83, 4—6; Руф, 7, 4, 33—40].

Тем временем Александр подошел к Паропамису (соврем. Гиндукуш) — горному хребту на востоке Ирана, который греки приняли за Кавказ. Места эти были суровы и неприступны: высокие горы, глубокий снег в ущельях и на дорогах, безлюдье, редкие хижины местных жителей, едва различимые в снегу. Александр шел рядом со своими солдатами; он поднимал тех, кто валился в изнеможении на снег, помогал тем, кому трудно было идти. Сам Александр, казалось, не знал усталости. Преодолев естественную преграду, македонский царь очутился в Бактрии. Бесс в свою очередь переправился через р. Окс (соврем. Амударья) и ушел в Согдиану, в г. Навтаку. Его бактрийские всадники разошлись по домам [Арриан, 3, 28, 8—10; Руф, 7, 4, 1—22]. У подножия Паропамиса Александр основал еще один город, поселив в нем 7 тыс. ветеранов, а также солдат, ставших непригодными к несению военной службы [Руф, 7, 3, 23].

Осенью 330 г. Александр впервые столкнулся с заговором приближенных, намеревавшихся физически его уничтожить и посадить на царский трон более приемлемого для них властителя. Причин для недовольства было много, и прежде всего это сам факт продолжения войны. Цели, которые теперь Александр ставил перед собой, были чужды и непонятны его армии. В самом деле, из-за чего было еще воевать? Мсть за поруганные греческие святыни свершилась. Добычи уже было награблено столько, что ее размеры превышали всякое воображение. Конечно, львиная доля доставалась

самому царю и его приближенным. В Сузах Александр подарил Пармениону дворец, принадлежавший раньше Багою — знатнейшему и богатейшему персидскому вельможе; только одних одежд в этом дворце нашли на 1000 талантов [Плутарх, Алекс., 39]. Образ жизни сподвижников Александра, утопавших в роскоши и наслаждениях, казался греку, привыкшему к скромности и умеренности, отвратительным. Из уст в уста передавали рассказы о том, что теосец Гагнон подбивает сапоги серебряными гвоздями, что Леоннату специальными караванами привозят за тридевять земель, из Египта, песок для гимнасия, что Филота пользуется охотничьими сетями размером в 100 стадий (примерно 18,5 км), что все «они» умащаются в банях не оливковым маслом, а драгоценной миррой, что у «них» полно массажистов и постельничих [там же, 40]. Вообще по греческому миру ходили на этот счет всевозможные слухи и легенды [Афиней, 12, 538—540а]. Призывы Александра быть сдержанными в наслаждениях, заниматься военными упражнениями и делами доблести пропадали втуне, тем более что он и сам был известен своею неумеренной страстью к пиршествам [Руф, 7, 2, 1]. «Друзья» Александра жаждали покоя, наслаждения роскошью и довольством, которые они для себя завоевали [Плутарх, Алекс., 41]. Однако и рядовые солдаты греко-македонской армии получили в виде жалованья, всевозможных раздач и, главное, награбили столько, что им вполне хватило бы для более чем безбедной жизни в Македонии или Греции. Перспектива обосноваться в новом городе, который Александр создаст где-нибудь на краю света, в окружении варваров далеко не всех устраивала. Греки и македоняне желали провести остаток своих дней в родном селении, пользуясь уважением, право на которое им давало богатство, и иногда в час дружеского застолья пускались в воспоминания о подвигах, совершенных в далеких странах. Когда во время стоянки в Гекатомпиле (Парфия) среди солдат разнесся слух, будто Александр решил возвратиться на родину, в лагере началась радостная суматоха, воины готовились к отъезду, паковали вещи, и их едва удалось успокоить [Руф, 7, 2, 15—4, 1; Плутарх, Алекс., 47].

Другая причина заключалась в постепенном отделении Александра от македонян. Приход персов —

вчерашних врагов — в царскую свиту и на высокие посты был явлением непонятым и неприятным для рядовых солдат и более чем нежелательным для македонской аристократии и греческих приближенных Александра. Они понимали, что теряют свое исключительное положение, перестают быть замкнутой правящей элитой и оттесняются на задний план. Дело шло к созданию персидско-греко-македонской аристократии, но греки и македоняне вовсе не желали принимать в свою среду чужаков, а тем более персов, делиться с ними почетными должностями, доходами и добычей. К этому присоединялось нарочитое усвоение Александром всего персидского. В его поведении все отчетливее становилось желание в полной мере вкусить от роскоши и власти его предшественников — Ахеменидов. Однако значительно более существенными были политические соображения.

Превращаясь в царя Азии, Александр понимал, что, опираясь только на своих македонских дружинников, только на греко-македонскую армию, он не сможет сохранить это свое положение. Ему нужна была поддержка населения Ближнего Востока, но в особенности, конечно, поддержка персидской аристократии, сохранявшей, несмотря на военное поражение Дария III, прочные позиции в общественно-политической жизни Передней Азии и, разумеется, Ирана [ср.: Плутарх, О судьбе, 1, 8]. Идя по такому пути, Александр выбрал для себя единственно возможную линию поведения: он желал предстать перед своими новыми персидскими подданными и приближенными как законный преемник Ахеменидов, получивший власть чуть ли не из рук Дария. Не случайно Александр выступал в роли мстителя за Дария, награждал людей, сохранявших верность последнему ахеменидскому царю, преследовал и казнил его убийц. Судя по отношению к Александру позднейшей иранской традиции, он, однако, не преуспел в достижении этой цели.

Естественно, что Александр должен был явиться миру в привычном для персов облике. Он принял персидскую одежду [Диодор, 17, 77, 5; Плутарх, Алекс., 45; Руф, 6, 6, 4] и потребовал от своих приближенных последовать его примеру [Руф, 6, 6, 7]. Подобно персидским царям, Александр завел себе громадный гарем; более 300 наложниц, когда он отходил ко сну,

приходили к нему, и он выбирал ту, которая удостоится взойти на царское ложе [Диодор, 17, 77, 6—7; Руф, 6, 6, 8]. Постепенно при дворе Александра умеренные и демократичные греко-македонские обычаи сменялись торжественным и пышным персидским церемониалом [ср.: Полиен, 4, 3, 24]. Персы, являясь к царю, обычно склонялись перед ним, целовали в знак почтения кончики своих пальцев, prostигались ниц. Александр стал добиваться, чтобы эти церемонии, унижительные с точки зрения свободных греков, не считавших себя чьими-либо подданными, или македонян, как и прежде, видевших в царе только первого среди равных, совершали также и его греко-македонские «друзья». Теперь царь принимал в громадном роскошном шатре, восседая на стоявшем посредине золотом троне; шатер был окружен тремя подразделениями стражников, греко-македонскими и персидскими. Уходили в прошлое времена, когда какой-нибудь Филота, Клит или Каллисфен мог запросто явиться в палатку Александра и провести время за дружеской беседой; «друзья» Александра должны были испрашивать аудиенцию и участвовать в царском приеме, превращавшемся в пышное и унижительное для них зрелище [ср.: Руф, 6, 6, 3]. Впрочем, Александр не ограничивался попытками заставить греков и македонян усвоить персидские обычаи. Он стремился также внедрить в персидскую среду греко-македонские обычаи [Плутарх, Алекс., 47]. Отобрав 30 тыс. мальчиков, он велел учить их греческой грамоте и македонским военным приемам. Греческое воспитание получали по его приказу и дети Дария III.

По существу политика Александра вела к постепенной ликвидации межэтнических перегородок, к слиянию всего населения Ближнего Востока (а в перспективе — всего Восточного Средиземноморья) в некое культурно-языковое единство. Сам Александр, по-видимому, с течением времени все более сознательно стремился к достижению этой цели, поскольку только таким способом мог превратить все многочисленные племена и народности в единую массу царских подданных. Однако политика Александра была плохо рассчитана. Конкретная повседневная реальность виделась греко-македонскому окружению царя однозначно: он превращается в перса и заставляет становиться персамц, вар-

варами греков и македонян; превращается в восточного деспота и хочет сделать свободных греков и македонян своими рабами. Уже в древней историографии [Плутарх, Фок., 17] отмечалась мелкая, но очень показательная деталь: в адресные формулы своих писем Александр перестал вопреки греческому обыкновению вводить благопожелание адресату. Эта грубость, конечно, задевала тех, кто получал такие послания. Исключение Александр делал только для двух человек: Антипатра, которого боялся, и афинского политического деятеля Фокиона, которого высоко ценил и старался привлечь на свою сторону. Возмущение вызывало и обожествление Александра, также создавшее глубокую пропасть между ним и его греко-македонским окружением.

Как бы то ни было, в армии Александра появились недовольные. Руф так изображает сложившееся положение: «Этой роскоши и нравам, испорченным чужеземным влиянием, старые воины Филиппа, люди, не сведущие в наслаждениях, были открыто враждебны, и во всем лагере одно у всех было настроение и один разговор, что, мол, с победой потеряно больше, чем захвачено на войне. Теперь они в гораздо большей степени сами побеждены и усвоили гнусные чужеземные привычки. С какими же глазами они вернутся домой как бы в одеждах пленников? Они уже стыдятся самих себя, а царь, более похожий на побежденных, чем на победителей, из македонского главнокомандующего превратился в сатрапа Дария. Он знал, что и первых из друзей, и войско тяжело оскорбил, и пытался вернуть их расположение щедрыми дарами. Но, я думаю, свободным отвратительна плата за рабство» [6, 6, 9—11]. В этом отрывке отчетливо ощущаются элементы литературщины, вообще свойственной Руфу, и враждебное отношение к Александру. Более того, в сочинении, написанном вскоре после гибели Калигулы, когда на короткое время приутих террор императорской власти против римской аристократии, фраза о свободных людях, гнушающихся продавать свою свободу, выражает личные чувства автора, пережившего произвол и насилие полубезумного императора. Однако рассказ Руфа отражает и объективную реальность: недовольство аристократов, ворчание солдат и командиров. Даже среди ближайших друзей Александра да-

деко не все следовали его примеру. Так, если Гефестион одобрял царя и, как и он, изменил образ жизни, то Кратер, заявивший примерно с середины 330 г. место, ранее принадлежавшее Пармениону, подчеркнуто сохранял верность «отеческим» обычаям. Кратер, видимо, вообще не желал бездумно следовать за Александром, хотя и считал своим долгом поддерживать носителя власти; вот почему последний говаривал, что Гефестион — друг Александра, а Кратер — друг царя [Плутарх, Алекс., 47].

Само собой разумеется, среди македонской аристократии были не только недовольные: многие приближенные царя из верхнемакедонской знати в целом его поддерживали, тогда как выходцы из Нижней Македонии были настроены враждебно. В этом сказалось, очевидно, стремление верхнемакедонцев, занимавших при дворе второстепенные позиции, воспользоваться моментом и оттеснить нижнемакедонскую знать, издавна окружавшую Аргеадов. Александр, власть которого нижнемакедонская верхушка пыталась ограничить, естественно, видел в ее врагах своих ближайших союзников.

Александр в общем был хорошо осведомлен о настроениях своих солдат и командного состава, и это внушало ему глубокую тревогу. Он не постеснялся даже подвергнуть перлюстрации письма своих «друзей», чтобы выведать их образ мыслей [Поллен, 4, 3, 19]. И все же известие о заговоре на его жизнь Александр воспринял как гром среди ясного неба.

Заговор обнаружился вследствие чрезмерной болтливости одного из участников, некоего Димна, открывшего тайну его существования своему возлюбленному, Никомаху. Желая покрасоваться перед Никомахом, Димн поведал ему, что через три дня Александр будет убит и в этом замысле принимает участие он сам вместе со смелыми и знатными мужами. Угрозами и уговорами Димн добился от перепуганного Никомаха обещания молчать и присоединиться к заговору. Однако сразу же после встречи с Димном Никомах отправился к своему брату Кебалину и все ему рассказал. Братья условились, что Никомах останется в палатке, дабы заговорщики не заподозрили недоброго. Кебалин, встав у царского шатра, куда не имел доступа, ожидал кого-нибудь, кто бы провел его к царю. Ждал он долго,

пока не увидел Филоту, задержавшегося у Александра. Кебалин рассказал ему обо всем и попросил немедленно доложить царю. Филота снова пошел к Александру, но в беседе с ним не упомянул о заговоре. Вечером Кебалин, встретив Филоту у входа в царский шатер, спросил, исполнил ли тот его просьбу. Филота отговорился тем, что у Александра не было времени для беседы с ним. На следующий день все повторилось.

Поведение Филоты в конце концов стало внушать Кебалину подозрения, и он отправился к Метрону, ведавшему арсеналом. Укрыв Кебалина у себя, Метрон немедленно доложил Александру, находившемуся в этот момент в бане, обо всем, что узнал. Александр тотчас же послал своих телохранителей схватить Димна, а сам пошел в арсенал, чтобы лично допросить Кебалина. Получив сведения, которыми тот располагал, Александр спросил еще, сколько дней прошло с тех пор, как Никомах рассказал о заговоре; узнав, что идет уже третий день, он заподозрил недоброе и приказал арестовать самого Кебалина. Последний, естественно, стал уверять, что, узнав о готовящемся злодействе, сразу же поспешил к Филоте. Услышав имя Филоты, Александр насторожился. Много раз повторял он одни и те же вопросы: обращался ли Кебалин к Филоте, требовал ли, чтобы Филота пошел к нему, — и постоянно получал утвердительные ответы. Наконец, воздев руки к небесам, Александр стал жаловаться на неблагодарность его некогда самого близкого друга. Тем временем Димн (Плутарх и Диодор [[17, 79, 1] называют его Лимном) покончил с собой [по: Плутарх, Алекс., 49 — убит пришедшими его арестовать]. Стоя над умирающим, Александр, как говорили, спросил: «Что дурного я замыслил против тебя, Димн, что тебе Филота показался более достойным править Македонией, чем я?». Ответа на свой вопрос он не получил...

В тот момент, когда Александр услышал имя Филоты, судьба последнего и его отца Пармениона была решена. Все дальнейшее разбирательство было сосредоточено вокруг Филоты. В общем такой поворот событий был вполне закономерен. Александр видел в Парменионе предводителя и самого влиятельного из тех аристократов, которые стремились не допустить абсолютизации царской власти. Почувствовав себя после

битвы при Гавгамелах достаточно сильным, Александр начинает, соблюдая, разумеется, внешний пиетет, постепенно оттеснять его на второстепенные позиции. После выступления македонской армии из Экбатан особенно знаменательным было назначение Кратера командующим основной частью армии, двигавшейся походным порядком [Арриан, 3, 21, 2], т. е. назначение его на пост, который раньше всегда занимал Парменион. Сам Парменион выполнял уже второстепенные функции: в момент, когда обнаружился заговор, мы видим его находящимся в Мидии, вдали от действующей армии.

Поведение Филоты, сына Пармениона, также внушало Александру озабоченность и недовольство. Через любовницу Филоты, некую Антигону из Пидны, до Александра доходили слухи о разговорах, которые он ведет: дескать, все победы одержаны Парменионом и Филотой; Александр, этот мальчишка, только благодаря им получил царскую власть [Плутарх, Алекс., 48]. «Что был бы тот Филипп, если бы не Парменион? — спрашивал Филота. — И что — этот Александр, если бы не Филота? Где были бы Аммон, где змея, если бы мы не захотели?» [Плутарх, О судьбе, 2, 7].

Известен разговор Филоты с Каллисфеном. «Кого больше всего почитают в Афинах?», — спросил Филота. «Гармония и Аристокитона, — отвечал Каллисфен, — потому что они убили одного из двух тиранов и уничтожили тиранию». «А может ли, — продолжал Филота, — убийца тирана спастись в каком-нибудь греческом городе?». «В других, может быть, и нет, но у афинян он сможет укрыться, — сказал Каллисфен, — ведь они за детей Геракла воевали даже против Еврисфея, бывшего тогда тираном Эллады» [Арриан, 4, 10, 3—4]. Разговор этот едва ли вымышлен. Учитывая глубокое недовольство того и другого политикой Александра, легко представить их говорящими обиняком о желательности устранения Александра. Афины, где свято почиталась память тираноубийц, были врагом Александра, так что Каллисфен мог указать на Афины как на естественное убежище предполагаемого убийцы македонского царя. Нежелание Филоты донести о заговоре свидетельствовало, что он рассчитывал в любом случае использовать в своих интересах ситуацию, которая могла сложиться после гибели Александра.

Сразу же после смерти Димна Александр вызвал к себе Филоту и предложил ему опровергнуть обвинение. Филота попытался все обратить в шутку: Кебалин передал ему слова развратника Никомаха, но он не поверил столь ничтожному свидетелю и подумал, что над ним станут смеяться, если он будет рассказывать о ссорах между влюбленным и распутником. Александр сделал вид, что принимает объяснение, однако сразу же после его ухода созвал «друзей»; Филота приглашен не был. Допросив Никомаха, на обсуждение поставили дело Филоты. Основным обвинителем выступал Кратер, стремившийся в своих карьеристских целях уничтожить и Пармениона, положение которого он только что занял, и его сына. Говорил Кратер, разумеется, то, что желал услышать Александр. Участники совещания пришли к выводу, что Филота был либо организатором, либо участником заговора (в противном случае он донес бы царю обо всем, что ему стало известно), и решили назначить следствие. Обо всем, что говорилось на совете, Александр велел молчать. На следующий день объявили поход; Филота, как будто ничего не произошло, был приглашен на царский пир, и Александр там дружески с ним беседовал. Тем временем все выходы из лагеря и дороги заняли солдаты. Глубокой ночью в царский шатер явились «друзья» Александра — Гефестион, Кратер, Кэн (зять Филоты), Эригий (дело происходило до подавления ариев и его гибели), а также Пердикка и Леоннат, принадлежавшие к отряду телохранителей. Для ареста своего «друга» Александр послал отряд в 300 человек под командованием Атария, сына Дейномена, отличившегося в свое время при взятии Галикарнасса, а позже получившего должность хилиарха. Филоту вяли в постели и закованного, с закрытой головой отвели в шатер Александра.

На следующее утро Александр велел созвать всех своих воинов с оружием: он решил в соответствии с македонским обычаем представить дело Филоты на рассмотрение войска. Здесь Александр прямо обвинил Пармениона и Филоту в организации заговора. С обвинениями выступили также Аминта и Кэн. Наконец, возможность говорить получил и сам Филота. Однако, прежде чем он начал свою речь, разыгралась характерная сцена. «Македоняне, — сказал Александр, — бу-

дут тебя судить. Я спрашиваю тебя, будешь ли ты среди них говорить на отеческом языке?». Филота отвечал: «Кроме македонян здесь много других, которые, я полагаю, легче поймут то, что я скажу, если я буду говорить на том же языке, на каком говорил и ты, не по какой-либо другой причине, думаю, но чтобы твою речь поняло большинство». «Видите, — воскликнул Александр, — до какой степени Филота питает отвращение даже к языку отечества? Ведь он один брезгует его изучать. Но пусть говорит, что хочет, а вы помните, что он так же пренебрег нашими обычаями, как и языком». Этот диалог был для Александра очень важен, ведь его самого обвиняли в забвении македонских обычаев. Теперь ловким демагогическим приемом он обрушил это же самое обвинение на того, кого считал одним из руководителей старомакедонской оппозиции. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что сам Александр только что говорил не по-македонски, а по-гречески.

Оправдаться Филоте не удалось, хотя ни Никомах, ни Кебалин в числе заговорщиков его не назвали. Он не мог удовлетворительно объяснить свое молчание. Возбужденные солдаты требовали казни Филоты. Ночью по настоянию Гефестиона, Кратера и Кэна Филоту подвергли пытке. Во время чудовищного по своей жестокости допроса Филота рассказал, будто уже в Египте, когда было объявлено о божественности Александра, Парменион и Гегелох (погибший в сражении при Гавгамелах) договорились убить Александра, но только после того, как будет уничтожен Дарий III; потом Филоту заставили признать свое участие в заговоре. В настоящее время трудно судить, насколько показания Филоты, вырванные у него под пыткой, соответствовали действительности. Плутарх называет обвинения, возводившиеся на Филоту, «мириадами клевет». Фактом, однако, было то, что Филота не донес о готовившемся покушении, и это делало его поведение подозрительным, давало Александру желанную возможность обвинить и погубить как самого Филоту, так и его отца Пармениона.

Александр лично присутствовал при истязании. Лежа за занавеской, он слушал показания Филоты, перемежавшиеся отчаянными воплями и униженными мольбами о пощаде, обращенными к Гефестиону. Гово-

рили, что Александр даже воскликнул: «Таким-то малодушным будучи, Филота, и трусом, ты посягаешь на подобные дела?!». Физических мук царственному палачу было, наверное, недостаточно, он желал наслаждаться еще и нравственным унижением своего врага.

На следующий день на сходке воинов, куда принесли и Филоту (сам он уже не мог ходить), были оглашены его показания. После этого на суд армии был представлен Деметрий, также обвиненный в соучастии. Деметрий упорно отрицал все обвинения и требовал для себя пытки. Измученный Филота, опасаясь, что палачи снова примутся за свою работу, дабы вырвать у него сведения об участии Деметрия в заговоре, стал звать к себе некоего Калис, стоявшего неподалеку. Перепуганный Калис отказался, и тогда все услышали, как Филота проговорил: «Неужели ты допустишь, чтобы Деметрий лгал, а меня бы снова пытали». Эта сцена привлекла общее внимание. Калис побледнел, голос его пресекся. Раньше никто не называл его имени, и стоявшие вокруг македоняне подумали было, что Филота хочет оклеветать невинного, однако не выдержавший напряжения Калис внезапно сообразил: и он, и Деметрий замыслили убийство Александра.

Солдатская сходка приговорила обвиняемых к смертной казни; по македонскому обычаю, всех их, включая, разумеется, и Филоту, воины пбили камнями и забросали дротиками. Вслед за ними казнили и линкестийца Александра, уже третий год находившегося в заключении. Аминта, сын Андромена, поддерживавший дружеские отношения с Филотой и поэтому также вовлеченный в процесс о заговоре на жизнь Александра, был оправдан и освобожден из-под стражи.

Организовать расправу над Парменионом Александр поручил Полидаманту, одному из самых близких друзей престарелого военачальника. В сопровождении двух арабов Полидамант в рекордный срок — за 11 дней — пересек пустыню на верблюдах и доставил в Мидию приказ убить осужденного; одновременно он привез письма и самому Пармениону: одно — от царя, другое — якобы от Филоты. Пока старик читал письмо, как он думал, от сына, Клеандр, брат Кэна, один из присутствовавших при этом высших македонских

командиров, вонзил ему в бок свой меч, а затем перерезал горло. Остальные бросились колоть и рубить тело мечами. Голову Пармениона отправили Александру [Руф, 6, 7—7, 2; Арриан, 3, 26, 1—27, 3; Диодор, 17, 78, 1—80, 4; ср.: Юстин, 12, 3, 8—5, 8; Страбон, 15, 724].

Уничтожив Пармениона, Филоту и других участников заговора, а заодно и линкестийца Александра, царь лишь частично достиг своей цели. Ему удалось подавить и запугать оппозицию, но только на время. Гибель Пармениона и Филоты вызвала в армии нежелательные для Александра толки; нашлось немало людей, сочувствовавших осужденным. Казнь линкестийца Александра сделала его родственника Антипатра, наместника Македонии, врагом царя. Из солдат, выражавших в своих письмах недовольство войной (об этих настроениях Александр узнавал благодаря перлюстрации солдатских писем), он создал что-то вроде штрафного подразделения. Желая вырваться оттуда, штрафники проявляли исключительное героísmo, однако их мысли и настроения не менялись.

Миновав Паропамис, Александр вступил в Бактрию и, дав солдатам короткий отдых, пошел на Аорн (соврем. Ташкурган) и Бактры (Зартапы, соврем. Балх), крупнейшие города этой провинции, которые ему удалось взять сходу. В Аорне Александр оставил гарнизон под командованием одного из дружинников, Архелая, сына Андрокла, а сатрапом страны назначил перса Артабаза. Теперь Александру предстояло переправиться через Окс, чтобы захватить Бесса, находившегося в Наутаке. Перед тем как приступить к форсированию реки, царь приказал отправить на родину всех ветеранов-македонян и солдат, ставших непригодными для несения военной службы. Тем самым он пытался ликвидировать в своей армии постоянный источник недовольства и опору для заговорщиков. Очень беспокоило его положение в недавно усмирённой Арии; ему казалось, что Аршак, только что назначенный сатрапом этой провинции, замыслил измену. На всякий случай Александр отправил в Арию дружинника Стасанора, приказав ему арестовать Аршака и принять на себя должность сатрапа.

Переправа через Окс (вероятно, в районе Келифа)] была довольно сложной операцией, тем более что Бесс

увел или уничтожил лодки, барки и плоты, а Александр не располагал древесиной, чтобы навести мост или построить новые суда. Река в месте переправы была очень широкой (Арриан [3, 29, 3] указывает ширину по крайней мере в 6 стадий, т. е. более 1100 м) и глубокой, отличалась быстрым течением; в песчаном дне не держались опоры, которые пытались забить. Александр приказал изготовить из палаток мехи, набить их травой и зашить; на этих мехах солдаты за пять дней переправились на правый берег Окса. Здесь Александр продолжил преследование неприятеля. Армия шла через пустыню; македонянам довелось испытать катастрофическую нехватку воды. Александр не делал себе поблажек. Воины запомнили (и повествование об этом поступке Александра, расцветиваясь все новыми и новыми подробностями и приурочиваясь к различным обстоятельствам, передавалось из уст в уста), как царь отказался от глотка воды, который ему предложили услужливые ветераны [Руф, 7, 5, 10—12; ср.: Плутарх, Алекс., 42]. В подобных случаях Александр не знал колебаний. Такие поступки должны были продемонстрировать солдатам, что Александр вопреки разговорам о его любви к непомерной роскоши и приверженности ко всему иранскому — свой, должны были укрепить их приверженность к царю.

По дороге македонян встретили послы от Спитамена и Датаферна (их соучастником, по словам Руфа, был и Катен из Паретаки) — знатных согдийцев, находившихся в окружении Бесса, — с предложением выдать последнего, если Александр пошлет к ним хотя бы небольшой отряд. Александр отправил Птолемея, сына Лага, и тот, сделав за четыре дня десятидневный переход, прибыл к селению, где они находились. Оказалось, что Спитамен и другие заговорщики уже ушли, бросив Бесса на произвол судьбы.

По приказу Александра Бесса доставили к нему голым и в ошейнике. Встреча противников состоялась на дороге, по которой шла македонская армия. Александр спросил Бесса, как он смел поднять руку на Дария III — своего царя, родственника и благодетеля. Бесс отвечал, что так решила вся свита Дария, надеясь войти в милость к Александру. Александр велел бичевать Бесса, а глашатаю объявлять, в чем его вина. Когда избивание, наконец, прекратилось, Бесса

отправили в Бактры, а оттуда, обрубив ему нос и кончики ушей, — в Экбатаны [Арриан, 4, 7, 3] на казнь [там же, 3, 29, 1—30, 5; Руф, 7, 4, 1—5, 43; Диодор, 17, 83, 7—8]. Там для свершения кровной мести Бесс был передан ближайшим родственникам Дария [ср.: Юстин, 12, 5, 10—11]. Они всячески издевались над ним: отрезая маленькие кусочки его тела, они метали эти «снаряды» из пращей [Диодор, 17, 83, 9]. По свидетельству Плутарха [Алекс., 43], Бесса привязали к верхушкам двух согнутых деревьев, а потом деревья отпустили — и его тело было разорвано пополам. Имелись и другие рассказы о казни Бесса. Как бы то ни было, он погиб лютой смертью после долгих мучений.

Армия Александра двигалась к Маракандам (соврем. Самарканд) — столице Согдианы [Арриан, 3, 30, 6]. На ее пути на правом берегу Окса находился небольшой городок, куда еще в первой половине V в. был переселен из Милета род Бранхидов, участвовавший в осквернении Дидимейона — одной из наиболее почитаемых греческих святынь. С тех пор Бранхиды почти полтора столетия жили в Средней Азии: сохранив греческие обычаи и до известной степени греческий язык, они усвоили и местный, согдийский [Руф, 7, 5, 29], а также, по-видимому, местные нравы.

Бранхиды радостно встретили греко-македонскую армию и сдались без сопротивления. Однако Александр решил на их примере показать, что он, как и раньше, — прежде всего мститель за оскверненные греческие храмы; судьба Бранхидов должна была продемонстрировать эллинство Александра, которое ничуть не стало меньше оттого, что он усвоил какие-то привычки персидских владык и стал именоваться царем Азии.

Вопрос, как поступить с Бранхидами, Александр передал на рассмотрение милетян, служивших в его армии. Мнения разделились, и тогда царь заявил, что он сам обдумает, какие меры надлежит предпринять. На следующий день, вступив с небольшим отрядом в город и окружив его стены своими солдатами, Александр дал сигнал к избиению безоружных жителей и разграблению «убежища предателей». Воины Александра буквально стерли поселение Бранхидов с лица земли, разрушили стены, выкорчевали деревья, оставив после себя бесплодную пустыню.

Однако своей цели Александр не достиг. Руф [7, 5, 28—35] несомненно выражает мнение, широко распространенное в кругах, враждебных Александру, когда заключает свой рассказ о расправе над Бранхидами следующими словами: «Если бы это было замыслено против самих предателей, оно казалось бы справедливым наказанием, а не жестокостью; теперь же за вину предков расплачивались потомки, которые даже и Милета не видали, а потому и Ксерксу не могли его предать» [об этом эпизоде см. также: Страбон, 11, 518; 14, 634; Диодор, Содерж., 17, 20; Плутарх, О запоздалом мщении богов, 557]. Александр опоздал: в основу своих действий он положил древние представления, согласно которым за кощунство отвечает не только тот, кто его совершил, но и все его сородичи: как предки, выбрасывавшиеся из могил, так и потомки. Опозиция противопоставила ему принцип личной ответственности человека только за его собственные поступки. С этой точки зрения, расправа над Бранхидами выглядела бессмысленным злодейством, особенно чудовищным в глазах греков еще и потому, что была совершена над эллинами, добровольно предавшимися Александру.

Расправа над Бранхидами должна была иметь и еще одно последствие. Вступив на территорию Согдианы, греко-македонские войска натолкнулись на сопротивление местного населения; Александру пришлось иметь дело с народной войной согдийцев против чужеземных захватчиков. Причины этого явления следует искать в особенностях социально-экономического строя и политической жизни среднеазиатских обществ последней трети IV в.

Насколько об этом можно судить, Средняя Азия интересующего нас времени переживала эпоху формирования классового общества и городской цивилизации. Ее население, ведшее скотоводческо-земледельческое хозяйство со слабо развитым обменом, еще не было так глубоко, как это имело место, например, в Вавилонии, заинтересовано в поддержании политических связей с Персией и Западной Азией. Оно ощущало власть Ахеменидов в общем только как чудовищный налоговый и повинностный пресс, хотя ахеменидским царям и удалось, вероятно, ценой значительных политических уступок обеспечить себе поддержку местной знати,

В Средней Азии неоднократно происходили антиахеменидские восстания, а Хорезм в IV в. обрел политическую самостоятельность. Армия Александра несла в Бактрию и Согдиану иго, ничуть не легче предыдущего, а трагедия Бранхидов заставляла видеть в ней жестокую враждебную силу. Не сумел Александр привлечь на свою сторону и местную аристократию, которая рассчитывала, пользуясь крушением Ахеменидов, завоевать и сохранить в будущем независимое положение.

Сведения наших источников об обстоятельствах, при которых Мараканды оказались в руках македонян, не вполне ясны. Руф [7, 6, 10] говорит, что «оставив в городе гарнизон, он (Александр. — *И. Ш.*) соседние деревни опустошает и сжигает». Учитывая, что Мараканды, по свидетельству Руфа [там же], были окружены стеной, длину которой источник определяет (очевидно, с известным преувеличением) в 70 стадий (около 13 км), и что крепость внутри города была защищена еще одной стеной, трудно предположить, чтобы при сколько-нибудь серьезном сопротивлении местного населения город мог быть захвачен без длительной осады и кровопролитного штурма. Остается, следовательно, допустить, что жители Мараканд сдались без боя. Разорение окрестных поселков свидетельствует, однако, что за пределами городских стен, вероятно всего, при фуражировке и реквизициях продовольствия и скота Александру пришлось столкнуться с противодействием, на которое он ответил жестокой расправой.

Из Мараканд Александр двинулся к реке, которую местные жители называли Орксант (Иаксарт, соврем. Сырдарья), а греки ошибочно, хотя со своей точки зрения и вполне последовательно, приняли за Танаис (соврем. Дон) [Арриан, 3, 30, 7]. Во время этого перехода македонские фуражиры подверглись нападению согдийцев. Около 30 тыс. повстанцев закрепились на неприступной скале, и македоняне смогли взять ее лишь с огромным трудом и ценой больших потерь. Сам Александр был тяжело ранен в бедро. Оборонявшиеся согдийцы стали жертвой чудовищного избиения. В живых остались и попали в плен примерно 8 тыс. человек [там же, 3, 30, 10—11]. В городах долины Орксанта Александр разместил свои гарнизоны.

Прошло некоторое время. Основные очаги сопротивления были подавлены, а на мелкие разрозненные выступления не стоило обращать серьезного внимания. Города были заняты солдатами Александра; окрестные племена, казалось, изъявляли готовность подчиниться его верховной власти. В македонский лагерь прибыли послы от абиев (одно из местных независимых племен), которых греки отождествляли с абиями-скифами, воспетыми Гомером, а также от саков, живших к востоку от Орксанта. Их греки приняли за европейских скифов. Александр носился с планом основать на Орксанте город, который должен был стать оплотом против заречных варваров, а к сакам отправил послов с подтверждением дружественных отношений, а также с разведывательной миссией. Послам вменялось в обязанность посетить и скифов, живших в непосредственной близости от Боспора, т. е. в устье Дона и степях Северного Причерноморья [там же, 4, 1, 1—3; Руф, 7, 6, 11—13]. Местной (согдийской и бактрийской) знати («гиппархам», говорит Арриан [4, 1, 5]) Александр велел собраться в Зариаспах, т. е. в Бактрии [Страбон, 11, 516].

Ничто, казалось, не предвещало бури, когда Александру внезапно доложили, что в Согдиане и Бактрии началось восстание, в городах перебиты македонские гарнизоны. Во главе повстанцев стояли Спитамен и Катен. Непосредственным поводом к восстанию послужили, по всей видимости, кровавые экзекуции, совершенные по приказу Александра в окрестностях Мараканд и на пути к Орксанту. Александра боялись; приглашение в Зариаспы было воспринято как прелюдия к новым убийствам [Арриан, 4, 1, 4—5; Руф, 7, 6, 13—15]. Рассказывали, что местные жители сосредоточились в семи городах и энергично готовились к обороне [Арриан, 4, 2, 1].

Александр ни минуты не колебался. Особую тревогу ему внушал постоянно волновавшийся и бунтовавший [Страбон, 11, 517] Кирополь (перс. Курукада, у Птолемея — Кирэсхата, что передает, очевидно, согд. Курушката; вероятно, соврем. Ура-Тюбе). Для его осады он послал Кратера, а сам направился к другому городу — среднеазиатской Газе (в средние века — Газак, ныне — Нау). Город этот располагал только невысокой глинобитной стеной, Македон-

ские пращники, стрелки из лука и метательных орудий прогнали оборонявшихся со стены; Газа была взята легко. По приказу Александра всех мужчин в городе перебили, а женщин, детей и другую добычу раздали солдатам [Арриан, 4, 2, 3—4; ср.: Руф, 7, 6, 16]. Такая же судьба постигла еще один город, название которого неизвестно. Штурмом был взят и третий город [Арриан, 4, 2, 4]. К двум другим городам он послал всадников. Увидев дым, поднимающийся над пунктами, захваченными македонянами, узнав от случайно спасшихся беглецов чудовищные подробности избиения, которое учинили воины Александра, жители этих городов попытались бежать, но по дороге наткнулись на македонскую конницу и в большинстве своем погибли [там же, 4, 2, 6]. Теперь настала очередь Кирополя.

Сначала Александр решил подвести к его укреплениям стенобитные орудия и ворваться через проломы, однако, подойдя к Кирополю, изменил свои намерения. Через город протекала река, полноводная во время зимних дождей, но пересыхающая летом. Стена не достигала в этом месте дна; воспользовавшись тем, что оно не охранялось, Александр с небольшим отрядом проник в город. Взломав ворота, он впустил и остальных солдат. Завязался бой. Александра ранили камнем в голову и шею; Кратер и некоторые другие военачальники были ранены стрелами. С трудом македоняне оттеснили оборонявшихся в крепость; не имея воды, они сдались [там же, 4, 3, 1—4]. По приказу победителя Кирополь разрушили [Страбон, 11, 517].

О взятии еще одного, седьмого, города у Арриана [4, 3, 5] сохранились противоречивые сведения. Птолемей рассказывает, что его жители сдались Александру; Аристокл — что город был взят штурмом и все жители перебиты (по Птолею, Александр раздал их своим солдатам и приказал держать пленных в цепях, пока он не уйдет из страны).

Восстание семи городов македоняне залили потоками крови. Видимо, к этим событиям относится указание Диодора [Содерж., 17, 23], что Александр, воюя с восставшими согдийцами, убил более 120 тыс. (12 мириад) человек. Цифра, вероятно, преувеличена, однако она дает представление о размахе движения.

Чтобы закрепить свою власть над покоренной тер-

риторией, Александр решил привести в исполнение давний план и основать на берегу Орксанта город. Это была Александрия Крайняя (позже — Ходжент, ныне — Ленинабад). Здесь Александр поселил греков-наемников, македонян, ставших неспособными к ратным трудам, и тех из окрестных согдийцев, которые этого пожелали. Руф говорит даже, что в Александрию Крайнюю были водворены пленные, выкупленные у их владельцев; возможно, бывшие рабы (вольнотпущенники) Александра действительно составляли какую-то часть населения города [Арриан, 4, 4, 1; Руф, 7, 6, 25—27; ср.: Юстин, 12, 1, 12].

Однако меры, принятые Александром, не привели к умиротворению Средней Азии. Серьезную угрозу представляли действия Спитамена, овладевшего Маракандами и осадившего в тамошней крепости македонский гарнизон. На борьбу с ним Александр отправил отряд из 860 всадников и около 1,5 тыс. (по другой версии — 3 тыс.) пехотинцев под командованием Андромаха, Менедема и Карана [Арриан, 4, 3, 6—7; Руф, 7, 6, 24]. Сам Александр не мог отлучиться с берегов Орксанта: к реке подошли отряды саков. В их намерения входило помочь восставшим согдийцам [Арриан, 4, 3, 6], заставить македонян покинуть берег Орксанта и разрушить построенный ими город [Руф, 7, 7, 1]. Александр переправился через реку и отогнал неприятеля. Во время преследования он отравился плохой водой и тяжело заболел [Арриан, 4, 4; Руф, 7, 7—9].

Между тем в Маракандах шли уличные бои. Попытка Спитамена овладеть крепостью не удалась; осажденные македоняне сделали вылазку и отогнали согдийцев от стен. Узнав, что к городу приближается отряд, посланный Александром, Спитамен ушел оттуда и направился к царскому дворцу, находившемуся, судя по дальнейшему ходу событий, северо-западнее Мараканд, недалеко от низовьев р. Политимет (соврем. Зеравшан). Македоняне преследовали его до границ Согдианы, а там ввязались в стычку с кочевниками-саками. В результате Спитамен получил поддержку саков и с их помощью заставил македонян отойти к лесу у р. Политимет. Когда Каран попытался переправить на левый берег Политимета всадников, на них напали согдийцы и саки и всех перебили. Другая часть экспедиции, посланной Александром, попала в засаду

и тоже погибла [Арриан, 4, 5, 2—6, 2; Руф, 7, 7, 30—39]. Спитамен вернулся в Мараканды и принялся снова осаждать крепость. Теперь сам Александр бросился к Маракандам. Спитамен ушел в пустыню; Александр последовал за ним. Огнем и мечом прошелся он по долине Политимета, водворяя спокойствие [Арриан, 4, 6, 3—5; Руф, 7, 9, 20—22]. Наконец, оставив в Согдиане трехтысячный отряд пехоты под командованием Певколая [Руф, 7, 10, 10], Александр удалился в Зариаспы. Там была определена судьба Бесса и, вероятно, приняты решения по управлению восточными провинциями. В Зариаспах окончательно оформились и дружеские отношения Александра с саками, и его союз с хорезмийским царем Фарасманом [Арриан, 4, 15, 1—6].

Спокойствие, которое Александр, казалось бы, водворил в Согдиане, было по-прежнему непрочным. Находясь в Зариаспах, он получил известие, что согдийцы опять отказываются повиноваться его сатрапам и собираются в крепости. Снова Александр повел свои войска к Оксу (весной 328 г.), снова переправился в Согдиану и, разделив армию на пять отрядов, послал их восстанавливать власть македонян. Сам он во главе одного из отрядов пошел в Мараканды; там же в конце концов собралась и вся его армия. Александр велел Гефестиону принять меры к заселению согдийских городов, остававшихся пустынными еще со времени предыдущего восстания. Вероятно, с деятельностью Гефестиона связаны рассказы о том, что Александр основал ряд городов в Бактрии и Согдиане [Страбон, 11, 517; Юстин, 12, 5, 13]. Оставалась еще одна проблема: Спитамен. Македонскому царю, довершавшему покорение Согдианы, сообщили, что Спитамен ушел к сакам, и он отправил к ним Кэна и Артабаза, очевидно, с требованием выдать мятежника [Арриан, 4, 15, 7—16, 3]. Тем временем Спитамен вторгся в Бактрию, захватил там крепость и пошел на Зариаспы. Напасть на город Спитамен не решился, однако нанес серьезный удар преследовавшему его македонскому отряду [там же, 4, 16, 6—7]. Теперь в погоню за ним бросился Кратер; в бою победили македоняне, но массагеты — воины Спитамена, а с ними и он сам ушли в пустыню [там же, 4, 17, 1].

Наступила зима. Александр расставил в Согдиане свои гарнизоны, а сам расположился в Наутаке. При таких обстоятельствах Спитамен во главе 3 тыс. массагетских всадников снова появился в Согдиане. В бою победили македоняне. Многие согдийцы и бактрийцы, участвовавшие в экспедиции Спитамена, сдались Кэну. Массагеты бежали в пустыню. С ними ушел и Спитамен. Распространились слухи, будто Александр собирается вторгнуться в пустыню и там захватить упорного врага. Чтобы предотвратить такое развитие событий, массагеты прислали Александру голову Спитамена [там же, 4, 17, 4—7; Страбон, 11, 518]. В дальнейшем жену и детей Спитамена можно было видеть при дворе Александра.

Зиму 328/27 г. Александр провел в Наутаке, а с началом весны отправился к Согдийской Скале, где собралось множество согдийцев. Здесь же находилась и семья бактрийца Оксиарта, — по всей видимости, одного из организаторов движения; оборону Скалы возглавлял Аримаз. Подойдя к ней, македоняне увидели отвесные стены. На предложение сдаться Александр услышал издевательские крики: пусть поищет крылатых воинов, только с их помощью он сумеет завладеть Скалой.

Захват Согдийской Скалы стал для Александра вопросом престижа. В греко-македонском лагере было объявлено, что тот, кто первым взойдет на Скалу, получит в награду 12 талантов, вторым — соответственно вторую награду, третьим — третью и т. д. Последнему обещали 300 дариков. В восхождении участвовали 300 солдат, имевших альпинистские навыки. С помощью костылей и веревок они поднялись на вершину по самой отвесной и потому никем не охранявшейся стене; во время операции сорвались и погибли 30 человек. Теперь Александр снова предложил согдийцам прекратить сопротивление. Последние решили, что Александру удалось поднять гораздо больше воинов, чем это было на самом деле, и отказались от дальнейшей борьбы. Захватив в плен Аримаза и близких к нему согдийских аристократов, Александр приказал их бичевать, а затем распять у подножия Скалы [Ариан, 4, 18—19; Руф, 7, 11].

Среди сдавшихся было много женщин и детей, и в их числе — Роксана, дочь Оксиарта. Александр уви-

дел ее в хороводе на пиру, который Оксиарт, искавший примирения с македонским царем, давал в честь победителя [Руф, 8, 4, 22—23], влюбился и сделал своей женой [Арриан, 4, 19, 5—6]. Характерно для эпохи, что даже в сочинениях поздних авторов [ср.: Плутарх, О судьбе, 1, 11] Александр восхваляется за то, что не принудил ее к сожительству силой. Объясняется такой поступок отношением Александра к Роксане. Это было первое и единственное большое чувство к женщине, которое македонскому завоевателю довелось испытать [там же, 2, 6; Руф, 8, 4, 25]. Женитьба на Роксане создавала Александру связи в среде согдобактрийской аристократии и позволяла привлечь местную знать на его сторону [ср.: Плутарх, Алекс., 47]. Брак был заключен по македонскому обычаю: жених и невеста вкусили в присутствии свидетелей от общего хлеба, разрезанного мечом [Руф, 8, 4, 27].

Последним крупным предприятием Александра в Средней Азии стал его поход в горную страну парэтаков — юго-западнее Согдианы. В Парэтакене одним из центров сопротивления должна была стать неприступная Хориенова Скала, на которой укрылись правитель страны Хориен, местные аристократы и великое множество другого народа. Когда войны Александра стали устраивать мост через пропасть, окружавшую Скалу, Хориен сдался. Армия Александра страдала от зимней стужи и нехватки пищи, и Хориен доставил ей продовольствие [Арриан, 4, 21]. В Парэтакене продолжались антимакедонские выступления. Тем не менее Александр ушел в Бактрию, а на подавление восстания отправил Кратера. В ожесточенном сражении парэтаки были разбиты [там же, 4, 22, 2; Руф, 8, 5, 2]. Кровавые расправы, учиненные Александром в Согдиане, сопоставимые только с последствиями нашествия Чингисхана, привели к опустошению страны и ее обезлюдению. Согдийцы покидали родину; согдийская колонизация охватила обширные районы Ферганы, Семиречья и Центральной Азии. Пройдут многие годы, прежде чем Средняя Азия оправится от разгрома греко-македонскими захватчиками.

Казнь Филоты и убийство Пармениона заставили недовольных в греко-македонской армии замолчать. Однако раздражение не исчезло и летом 328 г., когда Александр находился в Маракавдах, снова выплесну-

лось наружу. На этот раз выразителем оппозиционных настроений стал Клит — один из ближайших друзей царя (друзей не только по их положению в придворной иерархии, но и по характеру взаимоотношений с Александром). Клит, сын Дропида (по прозвищу Черный), был братом Ланики — кормилицы Александра. Он участвовал в войнах Филиппа II [Руф, 8, 1, 20]; традиция, отложившаяся у Юстина [12, 6, 10], именовала его стариком. Это был выходец из старинной нижнемакедонской знати, который, хотя и не мог претендовать на то исключительное положение, которое занимал Парменион, но во многом разделял его взгляды. В битве при Гранике Клит, командовавший царской ипой и сражавшийся рядом с Александром, спас ему жизнь. При Гавгамелах он тоже возглавлял царскую илу. После казни Филоты осенью 330 г. Клит вместе с Гефестионом был назначен гиппархом всадников-дружинников [Арриан, 3, 27, 7], заняв, таким образом, пост, ранее принадлежавший Филоте.

Если учесть все обстоятельства, как предшествующие, так и в особенности последующие, можно предположить, что перед нами следствие политического компромисса царя со знатью. Назначая преданного ему лично и воспринявшего персидские обычаи Гефестиона [Плутарх, Алекс., 47], Александр ставил во главе конницы дружинников, важнейшего воинского формирования в его армии, средоточия недовольной македонской аристократии, своего человека. Назначение Клита должно было нейтрализовать в глазах македонской верхушки персофильские устремления царя.

Летом 328 г. Александр решил удовлетворить настойчивые просьбы Артабазы и освободить его по старости от обязанностей сатрапа Бактрии и Согдианы; эта должность передавалась Клиту [Руф, 8, 1, 19]. Положение сатрапа богатых окраинных областей созданной Александром державы было, разумеется, почетно и выгодно: вдали от центральной власти сатрап становился почти бесконтрольным правителем. Однако, делая Клита сатрапом, Александр удалял его из армии, отстранял от командования всадниками-дружинниками. Создается впечатление, что, как и в ситуации с Парменионом, назначенным в свое время на ответственный пост в Мидии, важная и ответственная, каза-

лось бы, миссия представляла собой род почетной ссылки, что Александр хотел избавиться от человека, ставшего нежелательным и даже опасным.

Взрыв произошел на царском пиру во время праздника в честь Диониса. Как это обычно бывает в таких случаях, в пьяной откровенности произносилось немало льстивых речей, деяния Александра ставились выше подвигов, совершенных героями мифической древности. С удовольствием слушая, Александр сам охотно добавил, что и победа при Херонее в сущности принадлежит ему, только злоба и зависть Филиппа лишили его там славы победителя. Пирующие затянули песни; среди них была одна, в которой осмеивались македоняне, разбитые Спитаменом. Македонские аристократы почувствовали себя глубоко оскорбленными. Больше и громче всех негодовал Клит. Нехорошо, восклицал он, в присутствии врагов и варваров поносить македонян, которые и в несчастье все-таки выше своих противников. Называя трусость несчастьем, возразил Александр, явно провоцируя своего друга, Клит, разумеется, желает выгородить себя. Эти слова подействовали на старого воина как удар плети. Он грубо напомнил Александру о Гранике, где его «трусость» спасла царя от гибели. Вообще, продолжал Клит, он не позволит кощунствовать и принижать подвиги древних героев. Сам Александр ничего особенного не совершил; все сделали македонские воины, и они же возвеличили Александра, выдающего себя теперь за сына Аммона и отрекающегося от своего отца Филиппа. Особенно сильное воздействие на присутствующих оказало, видимо, то, что Клит не только осмелился произнести запретное имя Пармениона, но и отозвался о нем с похвалой, противопоставляя его царю. Александр вскочил. «Неужели ты думаешь, гнусная рожа, — закричал он, — что мне приятно слышать, как ты всякий раз о нас говоришь подобные вещи и призываешь македонян к бунту?». «Нам тоже неприятно, Александр, — отвечал Клит, — что мы получили такую награду за наши труды. Счастливы те, кто уже умерли, не увидев, как ливийские палки полосуют македонян и как македоняне просят персов пропустить их к царю». Начались брань и крики. Присутствовавшие старались унять ссору, но в этот момент Александр заметил, обращаясь к кардийцу Ксенодоху и колофонцу Артемию,

по так, чтобы его слышали окружающие: «Не кажется ли вам, что эллины ходят среди македонян, как полубоги среди зверей?». Оскорбление вызвало новую бурю. «Пусть Александр не говорит обняком, а высказывается прямо, — раздался снова громкий голос Клиты, — и пусть не зовет на свои пиры людей свободных и откровенных, пусть живет с варварами и рабами, которые станут простираяться перед его персидским поясом и беловатым хитоном». Швырнув в Клиты яблоко, Александр бросился искать меч, предусмотрительно спрятанный телохранителем Аристофаном. Окруженный собутыльниками, умолявшими его успокоиться, Александр стал звать гипаспистов и велел играть тревогу. Трубач медлил, и царь отвесил ему оплеуху, восклицая, что он, Александр, оказался в положении Дария, арестованного придворными. Клит рвался к нему. Могла произойти драка, но Клиты держали друзья, а потом Птолемей, сын Лага, вытащил его из зала и увел из крепости.

Оставив Клиты проветриваться на свежем воздухе, Птолемей возвратился к царю. Клит вернулся через другие двери, декламируя стихи из Еврипидовой «Андромахи» [693—698]: «Беда, как скверно в Элладе повелось! Когда памятники в честь победы ставят войско, не деяние сражавшихся отмечается этим, но полководец снискивает славу, один он, который вместе с другими мириадами потрясает копьем; ничего не сделал больше, чем под силу одному человеку, он приобретает наибольшую известность...». Окончательно потеряв контроль над собой, Александр выхватил у ближайшего стражника копье и метнул его в Клиты. Клит пал мертвым к его ногам. Протрезвление наступило мгновенно. Все источники единодушно говорят об отчаянии Александра, который даже пытался покончить с собой. Нам трудно судить, насколько внешние выражения этого чувства, запомнившиеся античной традицией, украсившей повествование всевозможными драматическими эффектами, были искренними. Остается фактом, что пьяная ссора с Клитой выплеснула на поверхность глубокие расхождения между царем и его македонскими приближенными, что Клит либо являлся, либо мог стать лидером оппозиции и говорил то, что после гибели Филоты никто не смел высказывать вслух. Замыслам Александра и его претензиям он про-

тивопоставил греческую демократическую традицию и старомакедонские представления о царе как о первом среди равных. Трагическая смерть Клиты от руки царя, сам царь в роли палача македонских аристократов — такая ситуация могла оттолкнуть от Александра даже тех, кто по карьеристским соображениям склонен был его поддерживать. Бурная скорбь, отказ от пищи, оплакивание друга, покушение на самоубийство должны были убедить македонян, что царь глубоко раскаивается в содеянном и что больше ничего подобного не повторится.

Если Александр стремился к этой цели, то он ее, очевидно, достиг. Царь и македонская знать пошли на новый компромисс, рядовые воины в конце концов поддержали царя, и на собрании македонян было принято решение, оправдывавшее действия Александра, поступки Клиты были объявлены преступными. Впрочем, Александр от своих идей и замыслов не отказался. Он нуждался пока в македонской знати, но он нуждался и в таком обосновании совершенного им деяния, которое принудило бы всех к безмолвному повиновению и вытекало бы из его представлений о настоящей царской власти. То, что ему требовалось, Александр получил от философа Анаксарха — абдерита, склонявшегося к скептицизму, последователя знаменитого Демокрита. Анаксарх будто бы заметил Александру, что древние мудрецы потому сделали справедливость сопредельницей Зевса, что все, что бы Зевс ни совершил, творится по справедливости. Точно так же и то, что исходит от царя, следует считать справедливым, во-первых, самому царю, а затем и другим людям. Эти речи были Александру весьма необходимы. Они настолько точно соответствуют линии его поведения, что считать их позднейшим вымыслом едва ли верно. Анаксарх напомнил Александру слова Геродота [3, 31] о законе, согласно которому персидскому царю дозволяется делать все, что он пожелает. А ведь Александр уже давно видел себя азиатским властелином, преемником персидских царей. Высказывание Анаксарха получило распространение среди греко-македонских придворных и солдат, что и требовалось [Арриан, 4, 8—9; Плутарх, Алекс., 50—53; Руф, 8, 1, 19—2, 12; Юстин, 12, 6, 1—17].

Из событий, разыгравшихся в Маракандах, Александр вышел в конце концов с убеждением, что ему все

дозволено. В дальнейшем мы увидим его хладнокровно убивающим своих приближенных за отказ принять должность [Плутарх, Алекс., 57], за нераспорядительность и халатность и не испытывающим по этому поводу ни малейших угрызений совести.

Убийство Клита не уничтожило оппозицию. Теперь носителем бунтарских настроений стал Каллисфен, придворный историограф македонского царя. Каллисфен, сын Демотима, родился в Олинфе около 370 г. Его мать, Геро́, была родственницей Аристотеля. Но Каллисфен являлся не только сородичем великого мыслителя, но и его учеником, помощником в научных занятиях, а в 343—342 гг. сопровождал во время поездки в Македонию. Каллисфен был известен и собственными трудами; «Греческая история», опубликованная до 334 г., принесла ему общее признание и дала Аристотелю основания рекомендовать его для участия в походе. Каллисфен поддерживал контакты с Аристотелем, сообщал ему результаты своих естественнонаучных наблюдений; по горячим следам событий он писал свои «Деяния Александра», и отдельные части этого восторженного льстивого панегирика по мере их завершения отправлялись в Грецию несомненно после их апробации самим Александром и там немедленно публиковались. Сочинение Каллисфена должно было выражать официальную концепцию событий; даже после казни Филоты и убийства Пармениона оно сохранило свою восхвалительную тенденцию. На этом безоблачном фоне неожиданными кажутся бунтовщические речи, которые традиция приписывает Каллисфену, его отказ совершить обряд преклонения (проскинезу), разрыв с царем и гибель. Впрочем, так ли уж неожиданными? Книга, писавшаяся хорошо оплачиваемым придворным историографом по заказу Александра и, конечно же, под его контролем, да еще так, что она спешно публиковалась по частям, могла быть, разумеется, только беззастенчивой апологией македонского царя. Возникают, однако, вопросы: насколько это сочинение выражает истинные взгляды Каллисфена, не претерпело ли отношение Каллисфена к Александру определенных изменений по мере духовной эволюции и Александра, и Каллисфена? Такие вопросы не праздны: история мировой культуры, и в том числе греческой, знает примеры того, как в сочинениях, публи-

ковавшихся автором при жизни, проводилась, особенно в условиях авторитарно-деспотического режима, официальная концепция, а в трудах, создававшихся «для письменного стола», для публикации после смерти писателя, эта официальная концепция перед судом потомства смешивалась с грязью, безнадежно компрометировалась, и объяснялось, что автор думает на самом деле.

Каллисфен несомненно хорошо усвоил и разделял взгляды Аристотеля. Они позволяли одобрить поход Александра и в основном его деятельность вплоть до гибели Дария III, позволяли принять даже обожествление македонского царя, но резко противоречили стремлению Александра иранизироваться и включить эллинов в огромную безликую массу подданных великого владыки. Каллисфен, последователь Аристотеля, был идейно готов к тому, чтобы разделить взгляды и судьбу македонской оппозиции Александру.

Уже приводившаяся выше беседа Филоты с Каллисфеном [Арриан, 4, 10, 3—4] показывает, что последний был близок к оппозиционно настроенной македонской аристократии и одобрял планы цареубийства. Как и Анаксарх, Каллисфен утешал Александра после убийства Клиты. Плутарх [Алекс., 52] не приводит речей Каллисфена, ограничиваясь только общей фразой, однако его слова противопоставлены поучению Анаксарха, так что их смысл диаметрально противоположен тому, что тот сказал. В подобной ситуации стычки между Каллисфеном и Анаксархом были неизбежны; несмотря на личную окраску, они вырастали из непримиримости их общественной позиции, из оппозиционных настроений Каллисфена. Традиция хорошо запомнила [там же, 32], как однажды разгорелся спор о климате, превратившийся в резкую пикировку между обоими философами. Каллисфен соглашался с теми, кто утверждал, что «здесь» холоднее, чем в Греции; Анаксарх возражал. «Но ты должен согласиться с ними, — заметил Каллисфен, — что здесь холоднее: ведь там ты зимовал в рубище, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами». Удар Каллисфена был нацелен прямо в солнечное сплетение: он упрекал Анаксарха в отречении от бедности, приличествующей философу, от идеала нестяжательства; он упрекал Анаксарха еще и в том, что тот копил богатства, подделываясь под

настроения царя и поощряя его самые дурные наклонности. Однако самое существенное в этом разговоре — жестокое моральное осуждение человека, решительно и безоговорочно поддерживавшего царя.

Ригорист по натуре, неспособный к придворной дипломатической игре, Каллисфен с трудом переносил необходимость скрывать обуревавшие его чувства. И Александр, и Аристотель [там же, 54] отзывались о нем в конце концов просто как о глупце, но это значит только, что им была непонятна и чужда его жизненная позиция. По-видимому, даже в повседневной жизни Каллисфен не мог или не хотел удерживаться от колкостей против Александра. Так, на одном царском пиру он отклонил кубок неразбавленного вина, который прислал ему Александр. На вопрос, почему он так поступает, Каллисфен отвечал: «Я не хочу нуждаться в кубке Асклепия (т. е. в лекарствах. — *И. Ш.*), выпив кубок Александра» [Афиней, 10, 434]. Напомним, что, по представлениям греков, неразбавленное вино могли пить только варвары, а македоняне вообще считались людьми, не умеющими соблюдать в питье умеренность [там же, 3, 120c—d]. Мрачный вид Каллисфена, постоянное молчание, подчеркнутое нежелание участвовать в царских пиршествах — все это воспринималось окружающими как осуждение происходящего. Такая репутация сделала Каллисфена популярным: он был постоянно окружен молодежью, жадно слушавшей его речи; пользовался уважением пожилых за свой достойный образ жизни и независимое поведение [Плутарх, Алекс., 53], т. е. за свои оппозиционные настроения.

Поведение Каллисфена ставило Александра в сложное положение. Он не мог расправиться с Каллисфеном, как с Клитом: Александру мешали и приетет перед учителем — Аристотелем, и нежелание еще одним убийством, причем философа, погубить свою репутацию, о которой он так заботился. Обезвредить Каллисфена можно было, только показав, что этот человек, славящийся своей прямоотой и добросовестностью, так же двуличен и подл, как и другие. На одном из царских пиров, где Каллисфену довелось присутствовать, он получил повеление произнести похвальное слово македонянам. Каллисфен пошел в расставленные ему сети. Он настолько хорошо справился с темой,

что присутствовавшие наградили его аплодисментами и забросали венками. Только Александр был недоволен. «Имея прекрасный повод, — сказал он, цитируя Еврипида, — не большой труд красноречиво говорить. Не покажи нам свое искусство, обвиняя македонян, чтобы они стали лучше, зная свои недостатки». Подобные речи — сначала с доказательством, а потом с опровержением какого-либо тезиса — считались образцом высокого ораторского искусства, особенно необходимого в судебной практике. Каллисфена, таким образом, приглашали проявить свое мастерство, и он дал себе волю. Отрекшись от своих прежних слов, он поносил македонян, говоря, что только раздоры между эллинами позволили Филиппу II стать победителем и могучим государем. «Во время раздора, — заключил он также цитатой, — и самый скверный снискивает почести». Удовлетворенный Александр заметил лишь, что Каллисфен продемонстрировал не красноречие, а ненависть к македонянам. Поведение Каллисфена вызвало негодование македонян [там же], но не оттолкнуло от него оппозиционеров [там же, 55]. Поступки философа легко объяснялись необходимостью повиноваться царской воле. Сам же Каллисфен для себя уже добра не чаял. Уходя, он несколько раз произнес гомеровский стих: «Умер также Патрокл, тебя гораздо лучший» [там же, 54]. В этих словах Каллисфена можно было расслышать предчувствие близкой катастрофы. Но, возможно, философ намекал, что и земной бог, Александр, тоже не бессмертен?

Вскоре произошло новое столкновение. На сей раз Каллисфен отказался выполнить требование царя о проскинезе и даже активно сопротивлялся введению этого обряда. Согласно одному свидетельству [Арриан, 4, 10, 5—12, 2; Руф, 8, 5, 5—6, 1], события разыгрывались следующим образом. По наущению Александра группа его приближенных решила завести на пиру разговор о необходимости совершать перед царем проскинезу; инициатором выступил Анаксарх (у Руфа — Клеон). Каллисфен решительно возражал, и Александр, узнав о неожиданном сопротивлении, прислал сказать, чтобы больше об этом разговор не затевался. Позже, когда Александр сам пришел к пирующим, персы совершили проскинезу. Македонянин Леоннат (у Руфа — Полиперхонт) стал над ними смеяться;

Александр долго на него сердился, а потом помирился с ним. По другому рассказу [Арриан, 4, 12, 3—5; Плутарх, Алекс., 54], дело обстояло иначе. Александр, предварительно договорившись с близкими ему людьми, жаловал каждого пирующего царской чашей; в ответ они подходили к алтарю (видимо, к алтарю огня, воздвигнутому по персидскому образцу), выпивали вино, а затем совершали проскинезу и целовали царя, получая ответный поцелуй. Когда очередь дошла до Каллисфена, тот подошел к царю и хотел поцеловать его без проскинезы. Александр, разговаривавший с Гефестионом, якобы не заметил упущения (поверить этому трудно, так как для Александра дело было слишком важным и за поведением Каллисфена должны были следить особенно внимательно) и хотел поцеловать Каллисфена. Один из дружинников крикнул царю, чтобы тот не целовал философа. Александр так и поступил. Покидая пир, Каллисфен заметил: «Ухожу на один поцелуй беднее» [ср. также: Юстин, 12, 17, 1—2].

Из обоих повествований ясно: Александр желал, чтобы персидский культ царского огня и проскинеза внедрились в практику без его видимого участия. В них рассказывается, по всей видимости, о двух различных эпизодах. Сначала приближенные царя пытаются обосновать его право на проскинезу. Предполагалось, что никто не посмеет возражать. Натолкнувшись на сопротивление, Александр решил пойти другим путем. Новая попытка проходит уже без обсуждения; приближенные Александра совершают проскинезу как нечто само собой разумеющееся, и уклонение Каллисфена от обряда, остающееся актом его индивидуального протеста, ничего не меняет по существу. Дело было сделано; для Каллисфена это — еще один шаг на пути к трагической развязке.

Кульминацией оппозиционного движения в этот период стал так называемый заговор «пажей» — юношей из знатных македонских семей, состоявших, по обычаю, заведенному Филиппом II, при особе царя. Поводом к нему послужил мелкий эпизод: во время охоты один из «пажей», Гермолай, сын Соподила, убил кабана, которого Александр наметил для себя; разгневанный царь приказал высечь дерзкого на глазах у остальных, Гермолай замыслил убить Александра;

к заговору он привлек своего друга Сострата, сына Аминты (у Руфа Сострат — инициатор заговора), потом Антипатра, сына сирийского сатрапа Асклепидора, Эпимена, сына Арсея, Антиклея, сына Феокрита, и Филоту, сына фракийца Карсида. Вероятно, в заговоре участвовали и другие «пажи». Они решили напасть на Александра ночью, когда стражу будет нести Антипатр. Случай спас царя. По одной версии, он всю ночь до утра пировал со своими собутыльниками; по второй — какая-то сирийская пророчица, которую царь постоянно возил с собой, встретила его на пути в опочивальню и побудила вернуться к пирующим. Так или иначе, а затея не удалась.

На другой день Эпимен, сын Арсея, рассказал об этом деле своему другу Хариклу, сыну Менандра, тот в свою очередь — Еврилоху, брату Эпимена, а он — Птолемею, сыну Лага. Последний без промедления донес о заговоре царю. Александр приказал арестовать всех, кого назвал Еврилох. Под пыткой они сознались в своем умысле и выдали других участников заговора. К ответственности по этому эпизоду Александр привлек и Каллисфена.

Вопрос о том, был ли Каллисфен непосредственным участником заговора «пажей», приходится оставить открытым. Аристобул и Птолемей утверждали, что заговорщики показали, будто именно Каллисфен побудил их замыслить цареубийство; однако их свидетельство может быть продиктовано стремлением оправдать меры Александра, предпринятые по отношению к философу. К тому же оно говорит только о подстрекательстве вольнолюбивыми речами. Согласно другому варианту, исходящему от кругов враждебных Александру, заговорщики даже во время самых страшных пыток не назвали Каллисфена. Однако и это указание может быть вызвано желанием лишний раз продемонстрировать чудовищную жестокость Александра.

Тем не менее близость Каллисфена к Гермолаю и другим заговорщикам позволила Александру заподозрить связь между отказом Каллисфена совершить проскинезу и покушением «пажей» на его жизнь. Отражением этого факта были и речи «Лисимахов и Гагнонов»: «софист» расхаживает с важным видом, как будто он только что сверг тираннию, а вокруг него

толпятся мальчишки и ходят за ним, словно за единственным свободным среди стольких мириад. Передавали, будто на вопрос: «Как стяжать славу?» — Каллисфен отвечал: «Убить славнейшего». Сама по себе эта фраза была очень популярна и приписывалась разным людям по разным поводам. Но какое все это могло иметь значение? Распространявшиеся приближенными Александра слухи, сплетни и доносы падали на благоприятную почву: Александр видел в Каллисфене идейного, да и не только идейного, вдохновителя заговора. А за Каллисфеном должны были стоять недовольные греки и македонские аристократы, притаившиеся после гибели Филоты и Клита. Не случайно пошли разговоры, источником которых был Гефестион, будто Каллисфен сначала договорился с ним совершить проскинезу, а потом уклонился; слова Гефестиона были рассчитаны на то, чтобы скомпрометировать Каллисфена в глазах македонян. Впрочем, не исключено, что Гефестион и другие близкие к Александру люди и впрямь рассчитывали на усердие придворного историографа.

Гермолая и его сообщников, как и Филоту, судила македонская армия (по Руфу, что менее вероятно, дело разбиралось в совете, созванном Александром). В речи на суде Гермолай оправдывал свой умысел тем, что свободный человек не может перенести гордыню Александра, напомнил и убийство Филоты, Пармениона, Клита, и мидийскую одежду, и намерение вести проскинезу, и беспробудное пьянство. Гермолай воспроизводит разговоры, которые он несомненно слышал вокруг себя и в которых сам принимал участие. По решению македонского войска Гермолай и его товарищи были забиты камнями насмерть. Судьба Каллисфена неясна: по одной версии, он был пытан и казнен; по другой — умер в тюрьме из-за болезни [Юстин, 15, 3, 3—6 — покончил с собой, приняв яд, который ему будто бы дал Лисимах]. Рассказывали, что Александр хотел судить его в присутствии самого Аристотеля; довольно прозрачными намеками он угрожал и философу, рекомендовавшему на придворные историографы такого человека. Расправа с Каллисфеном вызвала охлаждение между учителем и учеником; последователи Аристотеля, перипатетики, относились к Александру резко отрицательно. Один из них, из-

вестный ученый Феофраст, написал и опубликовал книгу, посвященную трагической судьбе Каллисфена [Арриан, 4, 13—14; Плутарх, Алекс., 55; Руф, 8, 6, 2—22; Юстин, 12, 7, 1—3; Полибий, 12, 12].

В конце весны 327 г. Александр начал свой поход в Индию. Получив новые подкрепления из Македонии и включив в свою армию азиатские контингенты, он располагал, по единодушному свидетельству источников [Арриан, Инд., 19, 5; Руф, 8, 5, 4; ср.: Плутарх, Алекс., 66], 120 тыс. воинов (по Плутарху — 120 тыс. пехотинцев и 15 тыс. всадников). Это было втрое больше, чем в армии, с которой Александр высадился в Малой Азии. Пешая дружина состояла теперь из 11 «полков». Перед началом экспедиции Александр провел в своей армии существенные преобразования: была увеличена численность отдельных воинских формирований; на командные должности поставлены люди, выдвинувшиеся в ходе расправы над враждебными царю аристократами и тем самым доказавшие свою преданность (Кратер, Пердикка, Птолемей, Селевк и др.); сформированы воинские соединения, действовавшие по приказу царя самостоятельно и выполнявшие ставившиеся перед ними специальные задачи. Непосредственным поводом для организации военного похода в Индию являлось то обстоятельство, что ее западные области в долине Инда были (или по крайней мере считались) восточной окраиной Ахеменидского государства. Македонский царь имел в виду провозгласить и укрепить там свою власть как «царь Азии» и правопреемник Ахеменидов.

Выступив из Бактр, войска Александра в течение 10 дней преодолевали Гиндукуш; оказавшись в Паропамисаде, Александр двинулся к р. Кофен (соврем. Кабул). Одновременно он отправил посланца к правителям областей, находившихся на правом берегу Инда (самым значительным из них был Амбхи, владетель Таксилы, которого Арриан называет Таксиллом — именем, данным ему Александром в соответствии с его титулом [ср.: Диодор, 17, 86, 7]), предлагая им выйти навстречу и продемонстрировать признание верховной власти македонского царя. Они выполнили требование Александра, принесли ему богатые дары и пообещали дать 25 слонов [Арриан, 4, 22, 3—6; ср.: Диодор, 17, 86, 4—7; Руф, 8, 10, 1—2;

Плутарх, Алекс., 59]. Согласно одному из вариантов предания [Диодор, 17, 86, 4], Амбхи-Таксил предлагая Александру свои услуги для борьбы против других индийских племен еще тогда, когда тот находился в Согдиане. Очевидно, он сам был заинтересован в разгроме левобережных индийских обществ.

Не оказав сопротивления, Амбхи-Таксил и другие правители, сдавшиеся вместе с ним, открыли Александру дорогу в Пенджаб. Александр разделил свою армию на две части. Одну из них, включавшую три «полка» пехоты, половину дружинников-всадников и всех наемных всадников, он поручил Гефестиону и Пердикке; к ним присоединились и союзные индийские войска. Гефестион и Пердикка получили приказ захватить Певкелаотиду (соврем. Юсуфзай) и выйти к Инду; там они должны были навести мосты для переправы на восточный берег.

Правитель Певкелаотиды Аст находился во враждебных отношениях с Амбхи-Таксилом. Войска Александра, действовавшие в союзе с последним, являлись естественными врагами Аста; этим, как, разумеется, и стремлением сохранить независимость, объясняется, по всей видимости, сопротивление, которое он оказал захватчикам, вторгшимся в его страну. Пердикка и Гефестион после 30 дней осады взяли и разрушили главный город страны (санскр. Пушкалавати; по-видимому, соврем. Харсада); сам Аст погиб, а власть была передана Сангаю [Арриан, 4, 22, 7—8].

Во главе остальных своих войск Александр отправился на север, в области, населенные племенами, которые греки называли аспасиями, гурайями и ассакенами (соврем. Кафиристан, Баджаур и Сват); аспасии и ассакены отождествляются с асаваками индийских источников. С большим трудом переправившись через р. Хой (соврем. Кунар), он вторгся в Баджаур и узнал, что местные жители (у греков — аспасии) собираются в горах и укрепленных городах, где рассчитывают организовать оборону. Предполагая с ходу разгромить это неожиданное сопротивление, Александр оставил основную часть пехоты следовать походным порядком, а сам устремился во главе кавалерии и посаженных на коней 800 македонских пехотинцев в глубь страны. Подойдя к первому же городу, который встретился на его пути, Александр загнал за

стены аспасиев. Во время стычки он был легко ранен. На следующий день его солдаты без труда овладели городом. Из оборонявшихся многие скрылись в горах; пленных македоняне всех перебили, город по приказу царя был разрушен [ср.: Руф, 8, 10, 6]. Затем Александр повел свои войска к г. Андаке, который сдался без боя. Там он оставил Кратера, велел ему подавлять сопротивление и уничтожать города, не признающие власти македонского «царя Азии» [Арриан, 4, 23]. Сам Александр, развивая свой успех, направился к р. Еваспла, где находился правитель аспасиев. На второй день пути он подошел к прибрежному городу; жители подожгли свои дома и бежали в горы. Во время преследования многие из них были убиты; погиб и правитель аспасиев, павший от руки Птолемея, сына Лага. Перевалив через горы, Александр приблизился к г. Аригэю (соврем. Баджаур); здесь жители также предали огню свои жилища и скрылись. В Аригэе Александр соединился с Кратером, велел ему восстановить город, поселив там окрестных жителей и воинов, ставших непригодными к несению военной службы. Новый Аригэй должен был стать оплотом македонской власти в этом районе [там же, 4, 24, 1—7].

Между тем аспасии сконцентрировались в горах. Александр атаковал их тремя колоннами: одну вел он сам, другую — Леоннат, третью — Птолемей. В ожесточенной схватке сопротивление аспасиев было подавлено. По имеющимся сведениям (Птолемей), в руки победителя попали более 40 тыс. пленных и более 230 тыс. голов рогатого скота. Самых лучших быков Александр приказал отправить в Македонию [там же, 4, 24, 7—25, 4].

Отсюда Александр пошел в страну ассакиенов (соврем. Сват), миновав область гурайев и с большим трудом форсировав р. Гурай (соврем. Ландай) ниже впадения в нее рек Панджжора и Сват. Ассакиены тоже готовились защищаться от «царя Азии», однако с приближением Александра разошлись по своим городам, надеясь отсидеться за их стенами. В результате инициатива оказалась в руках Александра и он приступил к Массаге (соврем. Минглаур или Мингловар) — главному политическому и административному центру ассакиенов. Кроме жителей город за-

щипцали наемники, собранные из различных местностей Индии.

Военные действия начались с вылазки ассакиенов. Надеясь разгромить их в открытом бою, Александр приказал своим войскам отступать. Ассакены устремились за ними. Когда Александр решил, что они уже достаточно удалились от городских стен, фаланга развернулась и перешла в наступление. Ее удара массагеты не выдержали: 200 их воинов погибли в рукопашной схватке, остальные укрылись в городе. На следующий день, подведя осадные машины, македоняне пробили стены, но сопротивление ассакиенов заставило Александра прекратить штурм. На третий день осажденные были подвергнуты обстрелу с осадной башни из луков и метательных машин. Когда наступил четвертый день, Александр опять повел фалангу к стене и велел в месте пролома перебросить с башни мост. Гипасисты должны были по нему ворваться в Масагу. Мост обрушился под тяжестью тел, атака сорвалась. На пятый день Александр собирался ее повторить, но после того, как стрелой, пущенной из метательной машины, был убит местный правитель, защитники Масаги решили начать переговоры о сдаче.

Судя по дальнейшим событиям, главным вопросом для Александра была судьба наемников-индийцев, защищавших Масагу. Сговорились на том, что они вступят в армию Александра. Наемники вышли из города и расположились лагерем по соседству. Ночью македоняне напали на них и всех перебили. Потом была захвачена и Масага [Арриан, 4, 26, 1—27, 4; Диодор, 7, 84; Руф, 8, 10, 21—36]. Некоторое время спустя Александр штурмом взял г. Оры (соврем. Удеграм); жители другого города, Базиры (соврем. Биркот), после ожесточенного боя с македонянами бежали на скалу Аорн (Бар-Сар в горной цепи Пир-Сар). Туда же собрались и жители других окрестных городов [Арриан, 4, 27, 5—28, 1].

Находясь в области Сват, Александр овладел еще одним важным пунктом — Нисой, у подножия Кох-и-Нора. К Александру явилось посольство из 30 знатнейших писейцев во главе с местным правителем Акуфисом. Пришедшие застали Александра в облике грозного воителя — еще не смывшим дорожную пыль, не снявшим шлем и не выпустившим из рук копье.

Нисейцы простерлись ниц перед царем; в сущности это была та самая проскинеза, которой усиленно добивался Александр от греков и македонян, однако официальная пропаганда изобразила, разумеется, дело так, что воинственный облик покорителя вселенной наполнил ужасом сердца послов.

Договор Александра с Акуфисом поражает мягкостью. Александр предоставил Нисе свободу и автономию (пользование собственными законами), подтвердил ее законы и государственный строй (аристократический, по представлениям греков); Акуфис сохранил свое положение, став по приказу Александра правителем города. Александр получил от Нисы 300 всадников; он потребовал бы еще сотню местных аристократов, но Акуфис шуткой побудил его от этого отказаться [там же, 5, 1, 1—2, 4; ср.: Юстин, 12, 7, 6—8; Плутарх, Алекс., 58].

В Нисе Александр устроил шумное празднество в честь Диониса и принял в нем самое активное участие. Поведение Александра в этом городе хорошо согласуется со всей его предшествующей политикой. Как на Ближнем Востоке и в Иране, он стремится привлечь на свою сторону местную аристократию. Однако, сделав своими приверженцами тех или иных представителей аристократической верхушки, умиротворив отдельные местности, македонский царь еще не ликвидировал сопротивления. Центром его стал Аорн.

Свои операции против него Александр начал с того, что подтвердил свою власть на западном берегу Инда, в том числе в Певкелаотиде. Заняв г. Эмболимы вблизи Аорна, Александр устроил там склад продовольствия и снаряжения. Организацию македонской власти здесь он поручил Кратеру, а сам пошел к Аорну, стоявшему па скале. Взятие этого естественного укрепления было трудной задачей. Распространились слухи, будто сам Геракл пытался овладеть скалой, по вынужден был отступить. Разговоры о Геракле подстегнули Александра: он должен и может сделать то, что не удалось герою, его предку, и превзойти своими подвигами самого Геракла.

Когда Александр стал лагерем в непосредственной близости от Аорна, к нему явились местные жители, обещавшие показать дорогу туда, откуда было легче и удобнее всего овладеть этим пунктом. Александр от-

правил с ними Птолемея во главе отряда легковооруженных воинов и гипаспистов. Поднявшись по труднопроходимой дороге (в горной цепи Уна-Сар, идущей параллельно Пир-Сару), царь на следующий день повел свою фалангу на штурм горной твердыни. Индийцы отбили атаку. На третий день боев решено было ударить по обороняющимся с двух сторон: отрядом Птолемея и царским. Сам Александр двинулся той же тропой, которой воспользовался Птолемей, но ему удалось только соединиться с последним. Новый штурм Аорна закончился безрезультатно: индийцы оказали упорное сопротивление и заставили греко-македонские войска отступить. Тогда Александр решил построить насыпь, чтобы обстреливать скалу из луков и метательных орудий. На четвертый день работ македоняне захватили также соседнюю гору, такую же по высоте, как и Аорн. Успешное продолжение работ делало оборону Аорна бесперспективной, и его защитники предложили Александру переговоры, обещая сдать скалу. Ночью они стали расходиться; Александр им не мешал. Он поднялся на покинутую твердыню во главе отряда из приблизительно 700 телохранителей и гипаспистов; по данному им знаку они бросились на ассакевов и многих перебили.

Аорн был стратегически важным опорным пунктом в стране ассакевов, и Александр поместил там свой гарнизон. Командование отрядом он поручил индийцу Сисикотту (Сасигупта), который прежде служил у Бесса, а потом перешел к Александру, — назначение, несомненно игравшее столь же принципиальную роль, как и союзы с правителями Нисы и Таксилы [Арриан, 4, 7, 7—30, 4; Диодор, 17, 85; Руф, 8, 11, 2—25; ср. также: Юстин, 12, 7, 9—13; Плутарх, Алекс., 85].

Дорога к Инду была для Александра открыта; в тылу у него находились замиренные территории. Заняв Дирту — город, покинутый жителями, приняв участие в охоте на слонов, прорубившись сквозь густые заросли в почти непроходимых джунглях, он вышел на берег великой реки. Там из строевого леса солдаты построили корабли, и греко-македонское войско поплыло вниз по течению, туда, где, наведя мосты, Александра ждали Гефестион и Пердикка [Арриан, 4, 30, 5—9]. Здесь его снова встретили по-

сланцы Амбхи-Таксила с дарами и известием, что последний передает ему г. Таксилу, один из крупнейших в Северо-Западной Индии [там же, 5, 3, 5—6]. На рассвете следующего дня Александр переправил свои войска на восточный берег Инда.

Пребывание Александра в Таксиле ознаменовалось подтверждением и закреплением установленных ранее союзнических отношений (а фактически македонского господства) с ее правителем. Своей властью Александр присоединил к владениям Амбхи-Таксила все соседние земли, которых тот домогался. Договорные отношения установились, казалось, и со старым врагом Абисаром, а также с одним из окрестных правителей, Доксарем.

Власть в Таксиле Александр сохранил за Амбхи-Таксилем, но оставил в городе свой гарнизон и сатрапом назначил Филиппа, сына Махаты. Сам же двинулся дальше, направляясь к р. Гидасп (соврем. Джеллум) [там же, 5, 8, 2—3; ср.: Руф, 8, 12, 7—18]. На восточном берегу Гидаспа Александра ожидали войска Пора (Паурава), владевшего обширным царством на равнине между Гидаспом и Акесиной (соврем. р. Ченаб). Политическая линия Пора определялась, по-видимому, его враждебными отношениями с Амбхи-Таксилем и дружескими — с Абисаром [ср.: Руф, 8, 12, 12—13]. Александр послал к Пору своего приближенного Клеохара с требованием уплатить дань и встретить его на границе. По преданию, Пор отвечал, что выполнит только одно из этих требований: встретит Александра на границе, но вооруженным [там же, 8, 13, 2]. Столкновение было неизбежно.

Застав Пора на левом берегу Гидаспа, Александр предпринял на правом берегу серию обманных движений. По ночам его всадники поднимали такой шум, как будто начиняли переправу, однако дело на этом и заканчивалось. В конце концов Пор перестал обращать внимание на действия неприятеля. Усыпив бдительность Пора, Александр переправился на другой берег выше того пункта, где находился его лагерь. Оказавшись на левом берегу Гидаспа, Александр сосредоточил конницу и гидаспистов на правом фланге; перед строем всадников поместил конных лучников; на обоих флангах — легковооруженную пехоту, Устремившись во главе всадников на неприятеля, он приказал пехоте двигаться следом,

Переправе и дальнейшему продвижению Александра попытался воспрепятствовать отряд, который возглавлял сын Пора. Эта операция закончилась поражением индийцев и гибелью их командира. Теперь сам Пор двинулся навстречу Александру. Он имел около 4 тыс. всадников, 300 боевых колесниц, 200 слонов и 30 тыс. пехотинцев. Впереди в одну линию были построены боевые слоны, за ними — пехота, на флангах — конница и колесницы. Александр решил с большей частью своей кавалерии ударить по левому флангу неприятеля; остальных всадников под командованием Кэна он отправил против правого фланга противника с заданием, когда начнется конное сражение, зайти в тыл к индийцам. Атаки греко-македонской кавалерии вызвали замешательство в армии Пора, и Александр нанес еще один удар — вглубь, по центру вражеского построения. Индийцы бросились к слонам. Вожаки слонов погнали животных против всадников Александра. И тогда он ввел в бой пехоту. Слоны топтали пехотинцев Александра, рассеивали флангу; конница Пора атаковала греко-македонских всадников. Последние снова одолели индийцев, и те опять бросились к слонам. Между тем воины Александра оттеснили слонов в узкое место; ранив их дротиками, они заставили животных повернуть против самих же индийцев. Началось преследование и избивание бегущих. С тыла на индийцев напали войска под командованием Кратера, которые переправились к тому времени на восточный берег Гидаспа. Сам Пор, проявивший в бою исключительную энергию и большое личное мужество, попал в плен. Сражение произошло в апреле—мае 326 г. (месяце артемисии по македонскому календарю, т. е. в мунхионе — по афинскому) [Арриан, 5, 9, 1—18, 3; Руф, 8, 13, 5—14, 46; Диодор, 17, 87—88; Плутарх, Алекс., 60; Юстин, 12, 8, 1—7; Полиен, 4, 3, 22]. В ознаменование победы Александр распорядился выпустить памятную монету — декадрахму с изображением всадника-македонянина, атакующего индийского царя, восседающего на слоне.

Свою победу Александр использовал для того, чтобы заставить Пору пойти на союз с победителем. Сказанным в конечном счете объясняются любезности Александра в адрес Пора, подчеркнутое восхищение

его смелостью. Традиция запомнила, что на вопрос Александра: «Как мне с тобой обращаться?» — Пор отвечал: «По-царски», а когда Александр пожелал услышать более точный ответ, то сказал: «В этом ответе заключено все». Александр не только сохранил Пору его царство (разумеется, под своей верховной властью), но и присоединил к его владениям еще и другие земли. На этой основе между победителем и побежденным был заключен союз [Арриан, 5, 19, 1—3; Диодор, 17, 89, 6; Плутарх, Алекс., 60; Руф, 8, 14, 45].

На берегах Гидаспа Александр основал еще два города: Никею («победная»; название дано в честь победы над Пором) и Букефалию (город получил свое имя в память царского коня, павшего вскоре после битвы при Гидаспе от ран и старости).

Победа при Гидаспе сделала Александра хозяином Пенджаба. Его власть была признана соседним народом, который Аристокл называл главганиками, а Птоломей — главсами [Арриан, 5, 20, 2—4]; Александр подчинил этот народ Пору. С изъявлениями покорности явились послы от Абисара и глав некоторых других индийских обществ.

Между тем в тылу Александра снова взбунтовались ассакены. Отправив на подавление мятежа Филиппа и Тириаспа, царь пошел дальше на восток. Форсировав Акесину, он оказался втянутым в войну еще с одним Пором; гоняясь за ним, Александр подошел к р. Гидраот (соврем. Рави) и, отослав на борьбу с неприятелем Гефестиона, переправился через нее. На восточном берегу Гидраота жили независимые индийские племена, из которых наиболее сильными являлись катаяи. Они собирались оказать Александру сопротивление; центром борьбы должен был стать г. Сангалы.

Заявив без борьбы Пипрамы (город, принадлежавший племени адраистов), Александр подошел к Сангалам. Катаяи устроили перед городом на холме лагерь, окруженный в три ряда повозками. Сражение начали македонские конные лучники. Затем царь повел свою конницу, находившуюся на левом фланге, против правого фланга противника. Очень скоро ему пришлось убедиться, что его расчеты ошибочны и что всадники здесь действовать не могут. Тогда, спешившись, он повел в атаку пехоту. Сопротивление катаяев на пер-

вых двух рядах повозок было подавлено, и уцелевшие укрылись в городе. Ночью катаяи попытались было уйти из Сангал, но их перехватили всадники Александра; те катаяи, что не погибли в сече, вернулись за городские стены. Александр приступил к осаде города. Выходы из него он перегородил двойным частоколом, возле стены разместил усиленные караулы и стенобитные машины. Во время этих приготовлений к нему явились перебежчики и рассказали, что катаяи собираются еще раз попытаться вырваться из Сангал у озера, где нет частокола. По приказу Александра Птоломей, сын Лага, перегородил им дорогу повозками и кучами кольев; в ночном бою катаяи были разбиты и снова возвратились в город. Тем временем к Александру пришел Пор со своим отрядом и слонами. Катаяи отказались от вылазок. Македоняне соорудили подкоп под стены, начали работу стенобитные орудия. Наконец, Сангалы были взяты штурмом. Во время боя, по сведениям Арриана, 17 тыс. индийцев погибли, 70 тыс. попали в плен. Жители других городов разбежались, а Сангалы Александр разрушил до основания [Арриан, 5, 22—24; Руф, 9, 1, 15—18; Диодор, 17, 91, 4].

Умиротворив племена, жившие к востоку от Гидраота, получив изъявления покорности от местных царей, Александр считал, что может теперь беспрепятственно продолжать свое движение на восток. Он пошел к р. Гифасис (соврем. Биас), рассчитывая, переправившись через нее, вторгнуться в долину Ганга. Индийские союзники рассказали Александру, что за Гифасисом лежит богатейшая страна; имелось в виду государство Нандов, занимавшее долину Ганга и некоторые районы Западной Индии и Декана. Однако на своем пути Александр столкнулся с неожиданным препятствием — нежеланием его солдат и даже полководцев идти на восток. Восьмилетний изнурительный поход утомил людей. Они не видели смысла в том, чтобы подвергать свою жизнь все новым и новым опасностям. Силы будущего противника казались им неминуемо большими: тысячи слонов, десятки тысяч колесниц, сотни тысяч пехотинцев. К этому прибавлялись и тяжелейшие, непривычные природные условия — густые тропические леса, кипящие змеями и опасными хищниками, непрерывные проливные дожди и грозы.

Александр пытался уничтожить пораженческие настроения. На сходке воинов он сделал все, чтобы увлечь их перспективой завоевания всего мира — от одного края Мирового Океана до другого: говорил о несметных богатствах, которыми уже осыпал и еще осыплет своих воинов. Все было напрасно. Александру отвечал Кэн, — казалось бы, вернейший, преданнейший Кэн, — и то, что он произнес, уместилось в одно короткое слово: «Домой!». На следующий день Александр сказал, что пойдет на восток во главе добровольцев, но таких не нашлось. Три дня он просидел в своем шатре, никого к себе не допуская, и, наконец, был вынужден объявить, что дальше на восток свою армию не поведет. Он хорошо понимал, что воевать без солдат или вопреки их желанию невозможно [Арриан, 5, 25—28; Диодор, 17, 94; Плутарх, Алекс., 62; Руф, 9, 2, 1—8, 18; Юстин 12, 8, 10—17].

Таким образом, на берегу р. Гифасис завоевательный поход Александра был закончен. Шел 326 г.; Александру было 30 лет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Во время боевых действий на территории между Индом и Гифасисом у Александра созрел план превратить свою македонско-азиатскую державу в монархию, охватывающую весь цивилизованный мир. На берегу Гифасиса Александр внезапно осознал, что все победы в Индии одержаны им напрасно, что у него нет сил не только для продолжения походов, но и для удержания завоеванного. Правда, понадобилась своеобразная солдатская забастовка, чтобы пелена, наконец, спала с его глаз. Необходимость расстаться с мечтой о мировом господстве Александр воспринимал как тяжелейшую личную катастрофу. Но что же было делать? Все дальнейшие действия Александра свидетельствуют об отказе не только от похода в долину Ганга, но и от земель к востоку от Инда — он ограничивался «Азиатским царством», завоеванным у Ахеменидов. На Александра и его окружение Индия произвела сильное впечатление, в особенности встреча с экзотическими для греков и македонян индийскими философами, которых греки называли обнаженными мудрецами (гимнософистами), — вероятно, с дигамбарами (адептами одного из направлений джайнизма) или их непосредственными предшественниками. Среди важнейших отличительных признаков дигамбаров как раз и было обнажение тела.

Первая встреча Александра с гимнософистами произошла в окрестностях Таксилы; один из них, Дандамид, являлся советником Амбхи-Таксила, и именно ему последний был обязан решением дружески встретить Александра [Страбон, 17, 716]. Александр послал к гимнософистам киника Онесикрита: кинизм имел немало черт, сближавших его с джайнизмом, и можно было ожидать, что философы найдут общий язык. Остается открытым вопрос, насколько точно це-

редает традиция, восходящая к Онесикриту [там же, 15, 716], его разговор с гимнософистами; есть основания думать, что Онесикрит излагал джайнизм, понятый и интерпретированный на уровне кинизма.

Когда Онесикрит явился к обнаженным мудрецам, один из них, Калан, предложил ему раздеться, сесть на камень поблизости и вести беседы на философские темы. Калан хотел, чтобы Онесикрит принял облик монаха-дигамбара; только так он мог, по мнению индийского мудреца, воспринять учение и начать свой путь к постижению истины и к свободе. Онесикрит испытывал немалые затруднения; он, видимо, не очень понимал, почему нельзя разговаривать даже на отвлеченные темы одетыми и в нормальной обстановке, и вовсе не желал приобщаться к джайнизму. Над Онесикритом сжалился Дандаид. Похвалив Александра за его желание приобщиться к мудрости, он ограничился (в передаче Онесикрита) банальными поучениями о необходимости быть выше наслаждений и страданий, отличать страдание от труда, в частности умственного, прекращать распри и совершать добро обществу и отдельным лицам. Все это соответствует джайнистским правилам поведения. Узнав от собеседника, что в Греции Пифагор, Сократ и Диоген проповедовали то же самое, Дандаид одобрил их учения, однако осудил образ жизни и поведение, отличавшиеся от дигамбарийских [там же, 15, 715—717; Плутарх, Алекс., 65].

С помощью Амбхи-Таксила удалось уговорить Калана присоединиться к Александру. О его контактах с Александром известно мало, хотя наши источники и утверждают, что философ пользовался уважением царя. Рассказывают, будто однажды Калан продемонстрировал Александру притчу: расстелив перед ним иссохшую шкуру, он сначала наступил на один, потом на другой ее край и противоположные края по очереди поднимались, потом встал на середину, а вся шкура продолжала неподвижно лежать на земле. Александр должен был понять, что ему следует находиться в центре своего царства, а не бродяжничать по окраинам [Плутарх, Алекс., 65]. Однако самое сильное впечатление на Александра и его окружение произвело самоубийство Калана, обставленное как

пышная театрализованная церемония. Никогда прежде не болевший престарелый философ занемог и решил умереть. По указанию Калана был сложен огромный костер; сопровождаемый торжественной процессией философ был принесен к месту действия (по другим вариантам — подъехал на коне) и величественно возлег на приготовленное для него ложе. Греки и македоняне особенно были поражены тем, что в бушующем пламени философ сохранял полную неподвижность. Передавали, будто, восходя на костер, Калан предсказал близкую кончину Александра, заявив о скорой встрече с ним в Вавилоне [Арриан, 7, 3; Диодор, 17, 107; Плутарх, Алекс., 69; Вал. Макс., 1, 8, 10; Страбон, 15, 717—718].

Очевидно, беседовал Александр и с другими гимнасофистами и брахманами, однако предания о вопросах, которые царь им задавал, и о полученных им ответах, по всей видимости, недостоверны. Более того, наши источники, вероятно, иногда путают дигамбаров с брахманами [ср.: Арриан, 7, 1, 5—6; Плутарх, Алекс., 64; папирус Р. 13044].

Свой отход Александр обставил, разумеется, приличествовавшими случаю церемониями, цель которых — показать, что он отступает только перед богами, а вовсе не перед людьми. По войску было объявлено: накануне переправы через Гифасис царь совершил жертвоприношения и они оказались неблагоприятными; воля богов заставила Александра отменить свое намерение [Арриан, 5, 28, 4]. По приказу царя на берегу Гифасиса воздвигли 12 громадных алтарей и принесли жертвы богам; вокруг лагеря на большом расстоянии от него македоняне соорудили глубокий ров, а в самом лагере устроили двухместные палатки с громадными (в 5 локтей, т. е. примерно 2,5 м) ложами и стойла для коней, вдвое крупнее обычных; на месте лагеря и вокруг него разбросали оружие неправдоподобно больших размеров, чтобы индийцы поняли, с кем они имеют дело [Арриан, 5, 29, 1; Диодор, 17, 95, 1—2; Плутарх, Алекс., 62; Руф, 9, 3, 19].

Уходя к Гидаспу, Александр передал власть над всей территорией между этой рекой и Гифасисом Пору; правителем северных областей он был вынужден назначить старого врага Абисара. Однако, хотя последний и назывался сатрапом, в его реальной власти

и фактической независимости никаких существенных изменений не произошло [Арриан, 5, 29, 2—5; 6, 2, 1; ср.: Руф, 9, 3, 22]. Сатрапом провинций к западу от Инда до границ Бактрии Александр поставил Филиппа, сына Махаты [Арриан, 6, 2, 3]. На Гидаспе Александра ждала большая флотилия, на которой он собирался плыть вниз по этой реке и далее по Инду к Океану. Армия должна была идти пешим порядком: одна часть под командованием Кратера — вдоль правого берега реки, а другая под водительством Гефестиона — вдоль левого. С пехотинцами шли и боевые слоны. Флотом командовал выдающийся греческий флотоводец Неарх, сын Андротима. Неарх играл при дворе Александра заметную роль. В свое время он поддержал Александра, когда тот хотел жениться на дочери Пиксодара, и был изгнан из Македонии. В 334 г. Александр сделал его наместником Ликии и Памфилии; ему поручалось командование крупными воинскими соединениями и выполнение ответственных заданий. Теперь вместе с Гефестионом и Кратером он стал ближайшим помощником царя.

Вниз по Гидаспу армия и флот двигались, не встречая поначалу серьезных затруднений. Окрестные племена так или иначе оказывались вынужденными признавать власть македонского царя: одни — добровольно и мирно, другие — после стычек [ср.: Диодор, 17, 96; Руф, 9, 4, 1—8]. У слияния Гидаспа и Акесины корабли Александра попали в мощные водовороты. «Длинные» военные суда понесли тяжкие потери: волны ломали весла нижнего ряда, два корабля столкнулись, многие получили серьезные повреждения, немало воинов и моряков погибло. С трудом добравшись до тихой заводи, Неарх начал ремонтные работы; сам Александр отправился в набег на окрестные племена. Когда ремонт закончился, флот продолжил свое плавание вниз по течению. Сухопутные войска тремя отрядами, во главе которых находились Гефестион, Кратер и Птолемей, двинулись в том же направлении. У слияния Акесины и Гидраота они должны были ждать царя [Арриан, 6, 3—5; Руф, 9, 4, 9—14].

Между тем Александр во главе отряда, состоящего из гипаспистов, пеших и конных дружинников, конных и пеших лучников и агриан, устремился через безводную пустыню в страну маллов (маллава). Пер-

спектива новых столкновений с индийскими племенами вызвала в греко-македонской армии взрыв недовольства. Однако Александр сумел уговорить своих солдат, что эта экспедиция необходима [Руф, 9, 4, 16—23]. Через короткое время он подошел к одному из вражеских городов и взял его штурмом. К другому городу царь отправил Пердикку, но последний, найдя город пустым, начал преследовать беглецов; спаслись лишь те, кто успел уйти в болота [Арриан, 6, 6]. После короткого отдыха Александр ночью двинулся к Гидраоту и на рассвете подошел к реке. Многие маллы уже переправились на восточный берег, и Александр повел свои войска следом за ними. Те маллы, которые не успели спрятаться, были перебиты, но большинство скрылись в, казалось бы, неприступной крепости. Македонская пехота с ходу овладела ею; всех, кто оборонял ее, сделали рабами. Следующий город (по Арриану — брахманов) взяли штурмом, и почти все его защитники погибли [там же, 6, 7]. Захватив вслед за тем несколько поселений, оставленных маллами, и разбив их в сражении на восточном берегу Гидраота, войска подошли еще к одному городу [там же, 6, 8]. Во время штурма Александр первым взшел на стену; обстреливаемый из луков и метательных орудий, осыпаемый дротиками, он спрыгнул внутрь крепости. Там, прислонясь к стене, Александр упорно отражал атаки маллов, и многих убил, в том числе их предводителя. Тем временем лестница, по которой он взбирался, сломалась. На стену вместе с царем успели взойти только трое: Певкест, Абрея и Леоннат (по Плутарху — Певкест и Лимней; по Руфу — Певкест, Тимней, Леоннат и Аристон). Абрея был сразу убит, Александра ранили в грудь. Он обессилел, потеряв много крови, и упал; Леоннат и Певкест его защищали. Ломая лестницы, македоняне, с большим трудом преодолевая земляную стену, приходили на помощь к Александру. Сеча становилась все более напряженной. Наконец, македонянам удалось валомать засов и открыть ворота. Ворвавшись в город, воины Александра перебили всех, в том числе женщин и детей [Арриан, 6, 8, 8—11, 1; Диодор, 17, 98—99; Плутарх, Алекс., 63; Руф, 9, 4, 26—5, 21].

Когда из раны Александра извлекли стрелы, хлынула кровь и он потерял сознание [Арриан, 6, 11, 1].

Известие о ране Александра достигло македонского лагеря, разбитого у слияния Акесины и Гидраота, и вызвало там сильнейшее беспокойство. Александр велел срочно везти себя в лагерь. Приближаясь на корабле к месту, где стояла армия, он приказал убрать палатку, чтобы все могли его видеть. Сначала воины думали, что везут бездыханное тело, но, когда судно причалило, царь протянул руку к солдатам. Громкие крики, радостный плач раздались в ответ. Гипасписты принесли носилки, но Александр потребовал кося; приветствуемый солдатами, он доехал до шатра. Все должны были знать, что он, Александр, жив, здоров и вполне боеспособен [Арриан, 6, 12—13; иначе: Руф, 9, 5, 22—6, 26].

Действия Александра заставили уцелевших после разгрома маллов и оксидраков (шудрака) признать его власть [Арриан, 6, 14, 1—3]. Флот опять поплыл вниз по Акесине; у впадения ее в Инд Александр соединился с Пердиккой. Двигаясь на юг, он снова должен был где мирными средствами, а где силой устанавливать свою власть над окрестными племенами и владетелями [ср.: Диодор, 17, 102; Руф, 9, 8, 8—30]. Под его рукой оказались области Мусикана, Оксикана и Самбы. В конце июля 325 г. Александр прибыл на юг, в Паталы (соврем. Бахманабад); когда в эту страну вступили македонские войска, население разбежалось. По приказу царя Гефестион начал возводить там крепость; в дельте Инда, у впадения реки в Индийский океан, Александр устроил порт и эллинги.

Пока шло строительство, было предпринято плавание вниз по правому рукаву Инда. Не зная реки, моряки оказались в крайне затруднительном положении. К тому же на другой день после отплытия началась буря: ветер дул против течения и гнал воду назад; многие суда получили серьезные повреждения, некоторые были разбиты. Македоняне спешно причалили к берегу, и Александр отправил своих людей на поиски лопманов. Плавание возобновилось. Теперь флот вели индийцы, хорошо знавшие местность. Когда снова подул ветер с Индийского океана, они увели корабли в затопы. Между тем наступил отлив — и флот Александра оказался на суше. Моряки, прежде не сталкивавшиеся с подобными явлениями, перепугались, лишь начало прилива их немного успокоило. Прилив повре-

дил ряд кораблей, и их пришлось ремонтировать [ср.: Руф, 9, 9, 9—25]. В конце концов трудная многодневная экспедиция завершилась: корабли Александра бросили якорь у о-ва Киллута в устье Инда. Сам Александр на нескольких судах вышел в океан. Пройдя 200 стадий (около 37 км), он подошел к острову, лежавшему в открытом море, однако дальше решил не плыть. Вернувшись на стоянку, Александр якобы по велению своего «отца» Аммона устроил торжественное жертвоприношение Посейдону, бросив в море золотые чаши. Он молил бога провести благополучно его флот к устью Тигра и Евфрата [Арриан, 6, 18—19].

В Паталах и в дельте Инда Александр провел несколько месяцев. Летние пассаты помешали выйти в океан, и Александр использовал это время для того, чтобы укрепиться в низовьях реки. У впадения Инда в океан (в районе соврем. Карачи) по его приказу началось строительство еще одного порта и эллингов. Во главе подразделений гипаспистов, конницы и пехоты царь отправился к протекавшей неподалеку р. Арабий. При его приближении жившие там арабиты бежали; сопротивление оритов Александр подавил [там же, 6, 21]. Часть оритов вместе с гедросами вознамерилась защищать узкий проход в Гедросию (соврем. Белуджистан), однако, едва узнав о подходе Александра, они разбежались, а их предводители сдались македонскому царю [там же, 6, 22, 1—2]. Сатрапом области оритов Александр назначил Аполлофана; войска, оставленные в новой провинции, подчинил Леоннату. Последний должен был ждать прибытия флота, основать еще один город, оплот грекомакедонского господства, и вообще устроить дела и жизнь оритов так, чтобы сатрап, их правитель, пользовался расположением населения [там же, 6, 22, 2—3].

В сентябре 325 г. начался поход через Гедросию и Карманию в Персиду. Часть своей армии Александр препоручил Кратеру и послал на север, в Арахосию; оттуда через страну ариаспов она должна была идти на юг для соединения с царем.

Солдаты Александра шли недалеко от океанского побережья. Сначала дорога вела через местность, где обильно рос мирт. Выделяемая этим растением ароматическая смола — мирра — в древности очень высоко ценилась; торговля миррой доставляла колоссальные

прибыли. Финикийские купцы, сопровождавшие армию Александра, не преминули воспользоваться случаем: они собирали мирру, нагружали драгоценной кладью мулов и ослов, везли ее на запад. Добывали они и благовонные корни нарда. Через некоторое время армия Александра вступила в сухую безлюдную пустыню. Отправив на поиски жителей некоего Тоанга, сына Мандродора, Александр узнал, что тот повстречал лишь несколько рыбацких семей, обитавших в убогих хижинах, сложенных из ракушечника и рыбьих костей. Воду (не вполне пресную) они добывали в ямах, которые вырывали на берегу моря. Ни продовольствия, ни питьевой воды достать было негде; солдаты тяжело переносили трудную дорогу, палящее солнце, голод и жажду. Не меньшую опасность представляли и проливные дожди, приносимые муссонами. Во время одного из таких дождей ручей, у которого был сделан привал, вышел из берегов; погибло много народу, погибли и вещи, принадлежавшие Александру.

Армию следовало обеспечить продовольствием, и этому Александр посвящал все свои усилия. Найдя с большим трудом такое место, где было вдоволь хлеба, он послал его солдатам, запечатав выюки своей печатью. Возчики и охрана взломали печати, не доведя хлеб до места, и царь не решился их наказать. Чтобы хоть в конце перехода накормить и напоить голодную деморализованную армию, Александр разослал гонцов к окрестным сатрапам с приказанием доставить продовольствие к границам пустынных областей. Царское повеление было выполнено. В ноябре 325 г. Александр прибыл в Пуру, столицу Гедросии [Арриан, 6, 22, 4—26, 5; Плутарх, Алекс., 66; Страбон, 15, 721—723].

Закончив тяжелейший переход через пустыни Юго-Восточного Ирана, вернувшись снова в цивилизованный мир, македонский царь обнаружил, что здесь его ожидают еще большие опасности — заговоры, волнения и мятежи. Первые грозные вспышки молний приближались еще тогда, когда Александр находился в Индии: взбунтовались греки, которых Александр поселил возле Бактр; соединившись с местными жителями, они захватили бактрийскую крепость и даже выдвинули из своей среды царя, некоего Афинодора. Он должен был увести их на родину. В ходе междоусобных распрей, возникших среди повстанцев, Афинодор погиб, однако

подавить колонистов власти сатрапии так и не сумели; оставив город, только что построенный Александром, греки ушли в Элладу, и никто не смог и не захотел их остановить [Руф, 9, 7, 1—11].

Неспокойно было и в самой Индии. Уже на пути из Гедросии в Карманию Александру донесли, что Филипп — сатрап, оставленный им в Индии, убит. Правда, македонские стражи изловили и уничтожили убийц, но сам Александр был вынужден ограничиться письмами к Евдему и Амбхи-Таксилу, чтобы они взяли на себя управление провинцией Филиппа до назначения нового сатрапа [Арриан, 6, 27, 2].

Главные тревоги ожидали Александра в Иране. Когда македонский царь вступил в Карманию, к нему явились Кратер, ведший свои войска через Арахосию, Стасанор, сатрап областей ариев и зарангов, Фарасман, сын Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании, а также из Мидии македонские военачальники Клеандр, Ситалк и Геракон.

Последних осыпали обвинениями и мидяне, и македоняне: они грабят храмы, разрывают древние могилы и вообще творят всевозможные бесчинства и насилия. Разгневанный Александр приказал казнить Клеандра и Ситалка. Геракону удалось оправдаться, однако немного позже он был уличен в ограблении храма в Сузах и казнен [там же, 6, 27, 3—5]. Руф [10, 1, 1—9] несколько иначе излагает события. К Александру прибыли Клеандр, Ситалк, Агафон и Геракон, ранее по приказу царя участвовавшие в убийстве Пармениона. Александр арестовал всех четвертых, а 600 воинов, бывших соучастниками их преступлений, велел казнить. Руф подчеркивает: приближенные Александра «радовались тому, что гнев обратился на служителей гнева и что любое могущество, добытое злодейством, ни для кого не является продолжительным» [10, 1, 6].

Расправа с Клеандром и прочими была направлена против тех, кто помог царю в свое время уничтожить Филоту и Пармениона, но теперь стал, по мнению Александра, в высшей степени опасным. Кэн, брат Клеандра, выступал от имени македонского войска во время бунта у р. Гифасис. Александр не мог не видеть зловещей перспективы выступления новой аристократической клики, происходившей из Элимиотиды. Сам

Кан вскоре после событий при Гифасисе умер от болезни [Арриан, 6, 2, 1; Руф, 9, 3, 20], и эта смерть, вероятно, принесла царю большое внутреннее облегчение. С помощью громкого процесса по делу о реальных или предполагавшихся злоупотреблениях властью он хотел избавиться и от остальных.

Впоследствии Александр справился со многими сатрапами и начальниками гарнизонов, обвиненными в злоупотреблении властью; в некоторых случаях он был вынужден посылать войска, чтобы преодолеть их сопротивление. Кое-кому удалось бежать. Обеспокоенный Александр приказал сатрапам немедленно распустить все наемные отряды. Волнения разыгрались и на Балканском полуострове, где Олимпиада, мать Александра, и Клеопатра, его сестра, предприняли шаги для свержения власти Антипатра в Македонии [Диодор, 17, 106, 2—3; ср.: Плутарх, Алекс., 68].

В древности [из дошедших до нас источников см.: Диодор, 17, 106, 1; Руф, 9, 10, 22—23; Плутарх, Алекс., 67] широко муссировались рассказы о том, что по Кармании войска Александра прошли, как бы справляя празднество в честь Диониса. Сам царь медленно ехал на специально построенной повозке с высокоподнятым деревянным настилом; видный издалека своим солдатам, он в ней пировал с приближенными. За ним в празднично украшенных колесницах двигались военачальники и дружинники; по пыльной дороге шли толпы пехотинцев. Армия, совершенно утратившая свой прежний воинский облик, превратилась на глазах в огромную толпу перепившихся гуляк; далеко вокруг были слышны веселая музыка, пьяные крики, исступленные вопли вакханок. Конечно, Александр сильно рисковал: если бы местные жители напали на него, его деморализованная армия не смогла бы драться. Однако все закончилось благополучно.

Пока Александр находился в Кармании, к нему прибыли Неарх и Онесикрит с докладом о своем плавании вдоль берега Индийского океана [Арриан, Инд., 18—42]. Командовал экспедицией Неарх. Он отплыл из устья Инда, когда перестали дуть пассаты, в конце декабря 325 г. В его распоряжении находилось до 150 кораблей с командой около 5 тыс. человек — финикийян, египтян, греков (преимущественно критян и других островитян). Неарх должен был обследовать

прибрежный морской путь от устья Инда до впадения в Персидский залив Тигра и Евфрата. Сколько-нибудь серьезных затруднений в дороге Неарх не встретил. Изю дня в день корабли начинали с утра очередной переход, и гребцы работали веслами под монотонные возгласы келевстов. Сходя на берег, моряки добывали пресную воду; иногда за ней надо было идти в глубь материка. Флотоводец тщательно фиксировал, где довелось проходить между отвесными скалами, где — между прибрежными островами и материком, где встречались подводные камни, а в особенности — гавани, удобные для стоянок. У пункта Кокалы на побережье страны оритов Неарх сделал большую остановку. Как раз в этот момент сюда подошел Леоннат, только что одержавший очередную победу. Пока моряки отдыхали, на корабли загружалось продовольствие, заготовленное здесь еще по приказу Александра. Неарх использовал также удобный момент для ремонта судов и для того, чтобы передать Леоннату тех, кто не мог больше плыть, и пополнить за счет солдат последнего свою команду.

Дальнейшее плавание ознаменовалось столкновением у устья р. Томер с местными жителями, вооруженными тяжелыми копьями с обожженными остриями. Они не знали металла и металлических орудий, пользовались каменными рубилами, ходили в звериных шкурах или рыбьей коже. Заросшие густыми волосами люди, раздиравшие ногтями рыбу, произвели на моряков сильное впечатление.

Дальше на запад Неарх плыл вдоль берегов, населенных племенами рыболовов; греки называли их ихтиофагами-рыбоедами. Жители одного поселка — Каламы — подарили Неарху овец, приученных из-за отсутствия травы есть рыбу; другого — Киссы — бежали при появлении греко-македонского флота. Здесь мореплаватели захватили коз, достали и лоцмана — гедросийца Гидрака, который вел экспедицию до берегов Кармании. Рыбаки в гавани Кофанты запомнили Неарху тем, что не пользовались уключинами, но гребли, быстро ударя веслами по воде то с одного, то с другого борта. Встреча с ихтиофагами произошла также под стенами небольшого прибрежного городка, располагавшегося на холме посреди плодородной, хорошо обработанной местности. В нем Неарх вместе

с Архием, сыном Анаксидота, решил пополнить запасы хлеба. Выстроив суда в походном порядке, Неарх отправился в город. Жители встретили его дружелюбно. Войдя в ворота, Неарх велел стрелкам захватить их, а сам, поднявшись на стену, дал Архию условный сигнал. Видя, что греко-македонский флот быстро приближается к берегу, что воины с кораблей прыгают в воду, горожане побежали за оружием, но их попытки сопротивляться были парализованы стрелками Неарха. В этих обстоятельствах горожане «добровольно» отдали грабителям имевшиеся в городе запасы продовольствия, преимущественно муку из жареной рыбы.

Идя вдоль страны ихтиофагов, флот Неарха столкнулся с китами. Построившись, как для морского сражения, корабли устремились на животных; моряки шумели, стучали, кричали, чтобы отогнать чудовищ. Киты вырнули, а затем, снова появившись на поверхности, постепенно отстали. Мореходы Неарха долго помнили ужас, который они испытали при виде движущихся фонтанов, бивших, казалось, из морской пучины.

Миновав страну ихтиофагов, Неарх очутился у берегов Кармании и повел свои корабли на северо-запад. Здесь мореплаватели увидели на западе гористый мыс Макета. Это была Аравия; через несколько дней флот прибыл в Гармозию (соврем. Хормоз), к берегу р. Анан (соврем. Минаб). Там в приятной местности Неарх устроил длительную стоянку. Моряки разбрелись по стране; кое-кто зашел в глубь материка. И тут совершенно неожиданно для себя моряки встретили человека в греческой одежде, заговорившего с ними по-гречески. Оказалось, что он принадлежит к армии Александра и что сам Александр и его лагерь находятся недалеко от Гармозии.

Неарх решил явиться к царю. Вытащив корабли на берег и укрепив свою стоянку земляными валами и палисадами, он отправился в путь вместе с Онесикритом, Архием и еще несколькими спутниками. Правитель Гармозии известил Александра о прибытии флота, и Александр выслал навстречу Неарху всадников: сначала — один отряд, потом — другой; они с большим трудом разыскали флотоводца в пустыне и доставили его к царю. Неарх подробно доложил ему о своем плавании,

Александр торжественно отпраздновал прибытие Неарха играми и праздничным шествием. Флотоводца, возглавлявшего процессию, воины буквально засыпали венками и цветами. У Александра даже возникла мысль оставить Неарха при своей особе, но тот отказался: он желал сам довести небывалую экспедицию до конца, не только испытать опасности и лишения, но и стяжать всю славу, причитавшуюся ее руководителю.

Александр не стал его задерживать. Он и сам был скроен по той же мерке и хорошо понимал человека, стремящегося к успеху, подвигу, славе. Сопровождаемый охраной Неарх вернулся к своим кораблям и двинулся вдоль берегов Южного Ирана на запад.

**ЦАРЬ АЗИАТСКИЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКИЙ,
ВЛАДЫКА ГРЕЧЕСКИЙ...**

В начале 324 г. без особых приключений Александр прибыл в Пасаргады. Здесь он снова столкнулся с самоуправством, бесчинствами, насилиями сатрапов, которые, уповая на неизбежную гибель Александра на далеком Востоке, беспощадно грабили и разоряли доверенные им области.

Неблагополучно было уже в самой Персиде. В свое время Александр назначил сатрапом этой важнейшей провинции Фрасаорта, однако тот заболел и умер как раз тогда, когда царь находился в Индии. Теперь власть принадлежала Орксину, выходцу из династии Ахеменидов, участнику битвы при Гавгамелах. Орксин не был назначен Александром на должность сатрапа, а занял ее, как выражается Арриан [6, 29, 2], «потому, что не считал недостойным, чтобы он сам сохранил для Александра в порядке Персию, коль скоро не было другого правителя». Автор приводит здесь версию, выдвинутую несомненно самим Орксином для успокоения царя. Руф [10, 1, 24] говорит о торжественной встрече, которую Орксин устроил Александру, и богатых дарах, полученных не только царем, но и его «друзьями». Однако все усилия Орксина оказались напрасными. Александр получал отовсюду доносы на него: он, мол, грабил храмы и царские гробницы, многих персов несправедливо казнил. Выглядят эти обвинения стандартно, тем не менее за ними скрывается тот факт, что к власти Орксин пришел, сломив в Персиде сопротивление, и что он поддерживал свое правление все новыми и новыми расправами. При дворе Александра враги Орксина сумели взять над ним верх. Чрезмерная самостоятельность Орксина, к тому же происходившего из прежнего царского рода и овладевшего провинцией без санкции Александра, не могла не показаться «царю Азии» опасной. По приказу Алек-

сандра Орксиш был повешен [Арриан, 6, 30, 1—2].

Новым сатрапом Персиды Александр назначил Певкеста, личного телохранителя, совсем недавно спасшего ему жизнь. Певкест, без размышлений следовавший политической линии Александра, усвоил персидский язык, стал носить персидскую одежду и вообще весь свой образ жизни переделал на персидский лад к удовольствию и самого Александра, и жителей сатрапии [там же, 6, 30, 3].

Однако греки и македоняне, окружавшие Александра, не спешили следовать примеру Певкеста. Арриан не случайно подчеркивает, что Певкест был единственным из македонян, который стал вести персидский образ жизни. Такое молчаливое сопротивление, как и открытые выступления оппозиции, не оставило македонского царя. В Пасаргадах он лишней раз проявил себя в роли «царя Азии» — персидского царя, законного преемника Ахеменидов. Застав разоренной и разграбленной могилу Кира (основателя Персидской державы), Александр велел ее восстановить и даже попытался (правда, без видимого результата) найти преступников [там же, 6, 29, 4—11; иначе и менее достоверно: Плутарх, Алекс., 69; Руф, 10, 1, 30—36]. Следуя обычаю персидских царей, Александр, прибыв в Персиду, раздал женщинам по золотой монете. Здесь же, в Пасаргадах, он принял и сатрапа Мидии Атропата. Незадолго до того эта провинция пережила мощное антимакедонское восстание, во главе которого стоял Бариакс, провозглашенный мидийским царем. Атропат доставил к Александру и самого Бариакса, и его соучастников; все они были казнены [Арриан, 6, 29, 33].

Из Пасаргад, посетив разгромленный Персеполь и еще раз покрушавшись над судьбой сожженного им дворца, Александр отправился в Сузы. Там снова повторилась расправа над сатрапами — Абулитом, правителем Суз, и его сыном Оксатром, которому в свое время была поручена Парэтакена [там же, 7, 4, 1]. По распоряжению Плутарха [Алекс., 68], Александр был до такой степени разгневан, что своеручно поразил Оксатра копьём. Абулит был виновен в том, что не заготовил и не доставил своевременно продовольствия; он попытался было откупиться огромной суммой —

3 тыс. талантов серебра. Царь приказал засыпать эти деньги лошадям в кормушки. Лошади, естественно, не притрунулись к такому «корму», и Александр спросил: «Что пользы нам от этих твоих припасов?». Абулит был арестован и позже казнен.

Вероятно, большое впечатление произвело на Александра дело Гарпала, показавшее, что недобросовестность, враждебность, откровенное ожидание гибели царя на далекой окраине обитаемого мира свили себе гнездо среди, казалось бы, самых близких ему людей.

Гарпал, сын Махаты, принадлежал к числу тех, кто окружал Александра с детских и юношеских лет. Во время конфликта между Александром и Филиппом II Гарпал принял сторону опального царевича и вместе с несколькими другими сотоварищами Александра был изгнан из Македонии. Возвращение Александра позволило ему приобрести видное положение при дворе. Так как Гарпал оказался негодным к военной службе, Александр поручил ему ведение казны и военного хозяйства. Ничто не предвещало серьезных недоразумений, однако уже летом 333 г. незадолго до битвы при Иссе Гарпал скрылся в Мегару. Трудно отказаться от мысли, что он был замешан в каких-то злоупотреблениях и опасался расправы. Не исключены и политические мотивы. Но все обошлось. Александр сначала просто не поверил в бегство друга, думал, что его хотят оклеветать враги. Когда же оно подтвердилось, Александр сделал все, чтобы побудить Гарпала вернуться, и восстановил его в прежней должности. Александр настолько безоглядно доверял Гарпалу, что поручил ему огромные денежные средства персидских царей, захваченные во время военных действий на Ближнем Востоке.

Первоначально Гарпал находился в Экбатанах, где под его руководством из драгоценного металла, найденного в сокровищнице Ахеменидов, чеканились золотые и серебряные монеты [Афиней, 6, 231e]. Позже он переехал в Вавилон [ср.: Диодор, 17, 108, 4]. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, воспроизводящие официальную точку зрения, изображают Гарпала казнокрадом и распутником. Когда царь отправился в свой индийский поход, Гарпал, твердо уверенный, что уж оттуда-то он наверняка не вернется, предался, как рассказывают, разгулу, черпая

для этого средства из казны, оставленной на его попечение. Он окружал себя неслыханной роскошью, жил в царском дворце, вокруг него теснились женщины; стандартное обвинение в насилиях и противозаконных любовных связях повторено было также и применительно к Гарпалу. Он выписал к себе из Афин самую знаменитую и дорогостоящую гетеру Пифионику, содержал ее как царицу; когда женщина умерла, устроил ей пышные похороны и соорудил две гробницы: одну — в Вавилоне, другую — в Афинах. Через некоторое время Гарпал призвал к себе тоже знаменитую и дорогостоящую гетеру Гликеру, с которой поселился в Тарсе, ведя там опять-таки за счет казны жизнь, исполненную наслаждений, и забросив свои обязанности в Вавилоне. Возможно, однако, что Гарпал, принадлежавший, по-видимому, к роду правителей Элимиотиды, был связан с аристократической группировкой Клеандра и Кэна и его бегство объясняется не только и не столько служебными проступками и казнокрадством, сколько казнью Клеандра, знаменовавшей собой намерение Александра расправиться с этой кликой.

Первым движением Гарпала было стремительное возвращение в Вавилон. Захватив из царской казны 5 тыс. талантов, наняв 6 тыс. солдат, весной 324 г. он отправился на запад. Никто не обращал на беглеца внимания. Погрузившись в Киликии на корабли, Гарпал после длительного плавания с заходом на Крит прибыл в конце концов в Афины, в бухту Сунион.

Отношения Афин с Александром давали Гарпалу основания рассчитывать на их поддержку. Вероятно, по наущению своих любовниц (позже в этом увидят попытку заранее обеспечить себе благосклонность Афин) он щедро снабжал Афины продовольствием и даже получил в качестве награды афинское гражданство [Диодор, 17, 108, 6; Афиней, 13, 586, 595a—596b]. Однако Гарпал плохо рассчитал. В октябре 324 г. по представлению Демосфена афинское народное собрание запретило ему въезд в афинскую гавань Пирей и поручило стратегу Филоклу в случае необходимости воспрепятствовать этому силой [Плутарх, Демосфен, 25; Динарх, 3, 1]. Оставив свои войска и весь флот в Тэнароне, Гарпал явился в Афины уже не в роли предприимчивого кондотьера, а в качестве част-

ного лица, умоляющего о защите. Александр, его наместник в Македонии Антипатр и Олимпиада настойчиво требовали выдачи беглеца. По еще одному предложению Демосфена народное собрание решило взять Гарпала под стражу и конфисковать его деньги; подкупив влиятельных афинян, он с частью своих денег бежал из города и отплыл на Крит. Там этот авантюрист был изменнически убит Фиброном, одним из его «друзей»; по другой версии — своими рабами, по третьей — македонянином Павсанием [Диодор, 17, 108, 4—8; Руф, 10, 2, 1—3; Павсаний, 1, 37, 5; 2, 33, 4—5; Плутарх, Фок., 21—22; Гиперид, 1; Страбон, 17, 837].

Дело Гарпала являлось еще одним грозным симптомом: оно свидетельствовало о начинающемся распаде огромного государства, созданного Александром, о его поразительной непрочности, которую оно унаследовало от Ахеменидской державы. Располагая всего 6 тыс. воинов, Гарпал ушел от Александра, и могущественнейший владыка ничего не мог с ним поделать.

Действия Александра в последний год его жизни свидетельствуют о том, что он продолжал проводить политику, которая уже была намечена им после битвы при Иссе, а затем (и в особенности после битвы при Гавгамелах) со все большей последовательностью воплощалась в жизнь, — сплочение разноплеменного населения огромной державы в массу подданных великого царя.

Средства, которыми Александр пытался достичь своих целей, с расстояния в две с лишним тысячи лет кажутся примитивными и прямолинейными. Находясь в Сузах, он устроил, согласно персидскому обычаю, грандиозное свадебное торжество: по его приказу 10 тыс. македонских воинов женились на персиянках и других азиатках. Все новые семейные пары получили богатые подарки.

Первым среди женихов был сам Александр, ранее уже взявший в жены Роксану. Теперь он сочетался браком со Статирой, дочерью Дария III, и Парисатидой, дочерью Артаксеркса III Оха. Вскоре после смерти Александра Статира была убита по приказу Роксаны [Плутарх, Алекс., 77], очевидно, тяжело переживавшей появление неожиданной соперницы, да еще царского рода. Как сложилась дальнейшая жизнь

Парисатиды, неизвестно; видимо, сколько-нибудь заметной роли при особе Александра она не играла.

В церемонии принимали участие и ближайшие к Александру люди: Гефестион, Кратер, Пердикка, Птолемей, Евмен, Селевк, Неарх. Гефестион должен был жениться на Дрипетиде, также дочери Дария III; Александр хотел закрепить родственными узами свои дружеские отношения с ним, включить его потомков в царскую семью. Вскоре Гефестион умер, а после кончины Александра Дрипетиды, как и ее сестра, была убита по приказу Роксаны.

Кратер также был включен в царскую семью. Он получил Амастрину, дочь Оксиарта, брата Дария III; однако, едва Александр умер, супруги расстались и с согласия Кратера Амастрина вышла замуж за Дионисия из Гераклеи [Мемнон, 4, 4; Страбон, 12, 544; Ст. Виз., 'Αμαστρίνη]. Пердикка, сын Оронта, в тот момент телохранитель и один из самых близких к Александру людей, получил в жены дочь Атропата, сатрапа Мидии. Птоlemeю, сыну Лага, также телохранителю и близкому другу Александра, досталась Артакама (Апама), дочь Артабаза. В 321 г. Птолемей женился на Евридике, дочери Антипатра [Павсаний, 1, 6, 8; Порфирий Тир., 3, 6; 4, 5], несомненно по политическим мотивам. К этому времени, по всей вероятности, его брак с Артакамой уже не существовал. Евмену, сыну Гиеронима, состоявшему при Александре в должности грамматевса, последний дал в жены Артонида, другую дочь Артабаза. Судя по тому, что Артонида родила нескольких детей [Плутарх, Евмен, 19], их брак был счастливым. Неарх, к моменту свадьбы уже завершивший свое плавание, стал мужем дочери Барсины от Ментора. Наконец, Селевк, сын Антиоха, к 324 г. пробившийся в ближайшее окружение Александра, женился на Апаме, дочери Спитамена. Селевк любил Апаму; ее именем названы три города, которые он впоследствии основал [Аппиан, Сир., 57; Ливий, 38, 13, 5; Ст. Виз., 'Απαμεία], в том числе один из самых крупных греческих городов Сирии. В 300 г. Селевк женился на Стратонике, дочери Деметрия Полиоркета, явно из политических соображений; очевидно, к тому времени Апама уже скончалась. Всего Александр женил на иранских аристократках около 80 своих дружинников [Арриан, 7, 4, 4—8; Диодор, 17, 107, 6;

Плутарх, Алекс., 70; Юстин, 12, 10, 9—10; Руф, 10, 3, 11; Афиней, 12, 538—539а; Элиан, 8, 7].

Смысл всей этой торжественной церемонии очевиден. Сам Александр в своем новом качестве зятя одновременно и Дария III, и Артаксеркса III становился законным правопреемником Ахеменидов; его власть приобретала, таким образом, легальное оформление. Если бы Статира родила Александру сына, он объединил бы в себе кровь Аргеадов с кровью Ахеменидов и мог бы быть на законном основании царем в Македонии, и Азии. Придворные Александра, его ближайшие соратники получили свое место в иранской аристократической среде и в царской семье; многообразные и сложные кровнородственные связи должны были заинтересовать и тех и других в сохранении и укреплении вновь созданного государства и правящей династии. Наконец, персидские браки солдат Александра должны были создать новых людей, которые являлись бы и осознавали бы себя и персами, и македонянами.

Добиться осуществления своих целей Александру не удалось. И дело не только в том, что какие-то семьи распались, а какие-то оказались устойчивыми и даже счастливыми в браке, устроенном по царскому приказу. Греко-македонская, преимущественно македонская, верхушка оставалась замкнутой элитой, куда персам доступа не было. Ее связи с иранской аристократией политического значения не имели.

То же самое можно сказать и о рядовых греко-македонских воинах. Они не забывали о своем греко-македонском происхождении и вовсе не желали делить с персами и прочими азиатами свое особенное место в государстве и при Александре. Свадьбы, которые Александр устраивал, его греко-македонские солдаты рассматривали как еще один шаг на пути «варваризации» самого царя и его окружения; они испытывали глубокое недовольство всем происходящим [ср.: Арриан, 7, 6, 2]. К этому присоединилось еще одно обстоятельство. К Александру в Сузы прибыли сатрапы из различных новых городов и областей его государства и с ними около 30 тыс. юношей (Александр называл их эпигонами, т. е. потомками) местного происхождения, которые в свое время были по приказу царя отобраны и прошли обучение македонскому воинскому мастерству. Из них Александр орга-

позвал особую воинскую часть, желая противопоставить ее постоянно бунтовавшим македонянам [Диодор, 17, 108, 1—3; ср.: Плутарх, Алекс., 71]. Александр принимал меры и для того, чтобы ликвидировать чисто македонский характер дружины: в отряды дружинников-всадников были зачислены бактрийцы, согдийцы, арахосийцы, драугиане (зарангазцы), арии, парфяны и персы-эваки.

Мало того, в так называемую агему — отряд гипаспистов, составлявший, по-видимому, царскую пешую гвардию, находившуюся непосредственно под командованием Александра, — были зачислены иранцы, выходцы из знатнейших родов, причем командиром назначен также иранец — бактриец Гистасп [ср.: Арриан, 7, 6, 4—5; 7, 29, 4]. Все эти факты вызывали недовольство македонских солдат и командного состава [там же, 7, 6].

Очевидно, с целью погасить брожение Александр организовал выдачу своему войску крупных денежных средств на уплату долгов. Первоначально солдаты не слишком охотно брали деньги; они подозревали какой-то умысел со стороны царя. Тогда последний велел не записывать имена и выдавать ассигнованные суммы просто по предъявлении документа о долговых обязательствах. Всего было роздано около 20 тыс. талантов [там же, 7, 5, 1—3]. Во время этих раздач, естественно, имели место злоупотребления. Так, Антигон Одноглазый, в будущем один из наиболее активных участников борьбы за наследство Александра, обманом внес себя в число должников, стакнувшись с неким сообщником, и получил круглую сумму. Дело раскрылось, и Александр прогнал Антигона от себя, но потом простил его и даже разрешил не возвращать деньги, добытые в результате жульнической махинации. Цели своей Александр не достиг: солдаты, охотно в конце концов бравшие деньги, по-прежнему враждебно относились к его новшествам; еще немного — и их настроения должны были прорваться наружу.

Серьезное беспокойство внушало Александру также положение на Балканском полуострове, и в Греции в частности. В 326—325 гг. наместник Фракии Зопирион совершил поход на север с целью покорить народы левобережья Дуная и распространить македонскую власть на Северное Причерноморье; он даже

осаждал греческий город Ольвию в устье Борисфена (соврем. Днепр) [ср.: Макроб., Сатурн., 1, 11, 33]. Однако в борьбе с соседними племенами, пришедшими Ольвии на помощь (скифы; по иной версии — геты), Зопирион был разгромлен и погиб [Юстин, 2, 3, 4; 12, 1, 4—5; 12, 2, 16—17; 37, 3, 2; Руф, 10, 1, 44]. Это поражение имело своим последствием антимакедонское выступление во Фракии [Руф, 10, 1, 45]; оно могло отрицательно, с точки зрения македонского царя, сказаться и на положении в Греции.

В таких обстоятельствах Александр решил напомнить грекам, в чьих руках власть. Одновременно он решил ликвидировать последствия социально-политической борьбы в греческих городах, а также своей собственной политики, приведшие к появлению в Греции множества обездоленных людей, опасных для его режима, и принять меры, которые должны были способствовать установлению гражданского мира и создать компактную массу населения, всем обязанную Александру и безусловно его поддерживающую [ср.: Диодор, 18, 8, 2].

При дворе Александра велись хлопоты о возвращении на родину тех, кто был вынужден по политическим мотивам ее покинуть. Известно, в частности, что иасийцы Горг и Минней, сыновья Феодота, добивались восстановления независимости (от Афин) Самоса и разрешения его жителям, изгнанным афинянами в 366/5 и 352/1 гг., воротиться назад [Силл., 312]. Были и другие обращения такого рода, например от изгнанников из Гераклеи Понтийской. В возвращении изгнанников на родину Александр видел средство продемонстрировать свою власть и ослабить политическую напряженность в греческом мире.

Надо сказать, что Александр уже прибегал к подобным мерам. Еще в 332 г. он возвратил на Хиос изгнанников, потребовал наказания проперсидски настроенных людей и добился установления там демократического строя [Тод, II, 192]. Однако теперь речь шла о гораздо более грандиозной операции, причем возвращение изгнанников не ставилось в прямую связь с тем, какую общественно-политическую позицию они занимали.

На Олимпийских играх летом 324 г. уполномоченный царя — Никанор из Стагиры — огласил обраще-

ние Александра к греческим изгнанникам, согласно которому они должны были быть возвращены в греческие города, — все, кроме виновных в святотатстве и убийц [Диодор, 17, 109, 1; 18, 8, 3; Гиперид, 1, 16]. Были и другие исключения: решение македонского владыки не распространялось на фиванцев [Плутарх, Алофт. лак., 221a], изгнанников из Мегалополиса, Амфиссы, Трикки, Фаркадона и Гераклеи на Эте [Диодор, 18, 56, 5], т. е. на врагов Македонии. Речь шла о судьбе более чем 20 тыс. человек. Судя по надписи из Тегеи [Силл., 306], всем греческим городам был направлен тщательно разработанный царский указ, в котором обстоятельно регламентировались имущественные права изгнанников. Так как названная надпись содержит ссылки только на указ царя без упоминания решений Коринфского союза, представляется наиболее вероятным, что этих решений вообще не было.

В обращении Александра к изгнанникам говорилось: «Царь Александр — изгнанным из греческих городов. Тому, что вас изгнали, не мы были виною, но тому, что вы, кроме проклятых, вернетесь в свои отечества, — мы будем. Мы написали Антипатру об этом, чтобы он заставил те из городов, которые не пожелают возвратить» [Диодор, 18, 8, 3—5]. В этих словах была только часть правды. Изгнанники должны были покидать свою родину по решению местных органов власти, так что формально Александр оставался в стороне, однако фактически часто изгнание было следствием его требований или проводимой им политики.

Изгнанники, присутствовавшие на Олимпийских играх, встретили царское обращение бурными рукоплесканиями. И все же действия Александра вызвали тревогу в греческом мире. Беспремерное вмешательство царя в дела греческих полисов, принятие важнейшего политического решения без их согласия и даже без их участия в нарушение принципов, на которых был построен Коринфский союз, являлись опасными симптомами. Дело не только в том, что возвращение изгнанников ставило города перед необходимостью вернуть им конфискованное имущество, а это было связано с многообразными финансовыми и иными затруднениями. Дело даже не в том, что в города прибывали враги существовавших там политических ре-

жимов. Дело прежде всего в том, что перед греками отчетливо вырисовывалась опасность утратить последние остатки свободы и суверенности.

Хотя почти все греческие государства сочли за благо подчиниться воле македонского царя, Александру в общем не удалось выполнить свои замыслы. В сущности его указ был обязателен для всех греческих городов; тем не менее он вводился в действие только после того, как городские власти принимали соответствующее постановление. Иначе говоря, греческие полисы по-прежнему сохраняли свой статус суверенных городов-государств. И преодолеть этот их статус Александр не мог.

Возвращение изгнанников не принесло мира в греческие города. До нас дошла в поврежденном состоянии надпись из Тегей [Силл., 306 = Тод, II, 202; ср. также: Суппл., I, 211; II, 181], содержащая принятое местным народным собранием постановление о возвращении изгнанников (324 г.). В нем излагается указ Александра, которым регулировались имущественные права изгнанников и порядок возвращения их собственности. Завершается постановление клятвой не чинить зла возвращающимся и выполнять царский указ. Однако, несмотря на то Александр, казалось, все предусмотрел, неизбежно возникали конфликты. В нашем распоряжении имеется надпись из Митилены [Вост., 2 = Тод, II, 201], в которой устанавливается порядок рассмотрения таких споров и создается для этой цели специальная комиссия (10 возвратившихся и 10 тех, кто и раньше был в городе). Но какие бы решения комиссия не принимала, кто-то обязательно должен был остаться недовольным и обиженным.

Указ о возвращении изгнанников вызвал и серьезные политические осложнения. Афины теряли о-в Самос — важный опорный пункт на подступах к Эфесу в Малой Азии. Потеря Самоса означала экономическую катастрофу для афинских колонистов, создавших и уже давно ведших на острове свое хозяйство. Примириться с этой утратой Афины не могли и не желали [ср.: Диодор, 18, 8, 6—7; Руф, 10, 2, 6—7]. Возникла угроза войны, и при дворе Александра о ней говорили открыто и всенародно. Упомянувшийся выше Горг на празднике в честь Диониса, устроенном в Экбатанах, приказал объявить, что он увенчивает Александра,

сына Аммона, 3 тыс. золотых венков [ср.: Сэлл., 312], а если Александр будет осаждать Афины, то предоставит 10 тыс. гоплитских комплектов, катагульты и иное оружие [Афиней, 12, 538]. Однако до столкновения дело не дошло. Есть основания полагать, что, находясь в Олимпии в качестве сакрального посла от Афин, Демосфен вел переговоры с Никанором [ср.: Гиперид, 1, 16] и добился отсрочки в выполнении указа о возвращении изгнанников. Платой за эту уступку были, по-видимому, лояльное по отношению к Александру поведение Афин в деле Гарпала и признание божественной природы македонского владыки. Из свидетельств Руфа [40, 2, 6—7] и Диодора [18, 8, 7] следует, что до кончины Александра Самос по-прежнему оставался в руках Афин.

Было и еще одно государство, осмелившееся сопротивляться указу Александра, — Этолия. Для нее исполнение этого повеления означало утрату Эниад (там были поселены этолийские колонисты) и их последующее восстановление в качестве самостоятельного и враждебного города. По-видимому, Этолия также затянула возвращение изгнанников до смерти Александра [ср.: Диодор, 18, 8, 6—7]; не исключено, что уже при жизни царя она начала подготовку к активной борьбе с ним, вступив в прямой сговор с Антипатром, к тому времени несомненным врагом Александра [Плутарх, Алекс., 49].

Вмешательство Александра в дела Греции не ограничилось только этим указом. Известно [Гиперид, 1, 16], что Никанор привез от Александра какие-то распоряжения, касавшиеся Ахейского, Аркадского и Беотийского союзов; контекст позволяет предполагать, что они либо ущемляли суверенитет союзов, либо сводили его на нет. Не исключено, что названные союзы (в частности, Ахейский [Полибий, 2, 40, 5]) были вообще распущены.

Пожалуй, самой важной в глазах Александра была забота о том, чтобы подданные, и в особенности греки, признали его сыном Зевса-Аммона. После возвращения из Индии Александр почувствовал себя достаточно сильным, чтобы обратиться к греческим городам с требованием принять постановления, в которых бы он провозглашался богом [Элиан, 2, 19; Плутарх, Апофт. лак., 219e]. Греческие города покорно встирывали

требуемые законодательные акты. Возможно, соответствующее постановление было принято и синедрином Коринфского союза. Однако дело этим не ограничилось. Известно, что на перешейке, соединяющем Эритрейский полуостров (соврем. Чешме) с Малой Азией, недалеко от городов Эритра, Теос и Клазомены, находилось устроенное халкидянами святилище Александра и там же в честь обожествленного царя регулярно устраивались Александрии — общеоноийские игры [Страбон, 14, 644]. В Мегалополисе, центре Аркадского союза, существовал дом, построенный для Александра; перед домом стоял бюст (герма) Аммона с бараньими рогами на голове [Павсаний, 8, 32, 1]. Незадолго до смерти Александра к нему явились сакральные послы от всех эллинических обществ с венками на головах; они увенчали Александра золотыми венками, воздав ему тем самым божеские почести [Арриан, 7, 23, 2].

Казалось, дело было сделано. В конечном счете оппозиция ограничилась разговорами, иронизированием, декламациями с ораторской трибуны. Однако в некоторых случаях Александр оказался перед необходимостью платить за свое обожествление, делая серьезные политические уступки. Это-то и было страшно: Александра провозглашали богом, но его не считали настоящим богом. Всю Грецию облетело высказывание спартанца Дамида: «Предоставим Александру, если он хочет, называться богом» [Плутарх, Апофт. лак., 219e]. Рассказывали, что аналогично было сформулировано и постановление спартанских властей: «Так как Александр хочет быть богом, пусть будет богом» [Элиан, 2, 19]. Возражения против обожествления Александра высказывались в Афинах [ср.: Плутарх, Наставления, 804; Пс.-Плутарх, Биографии, 842d]. Но здесь решающими оказались политические соображения. Обожествление Александра явилось платой за сохранение Самоса. Премакедонски настроенный оратор Демад [фрагм. 12] внес предложение включить Александра в сонм олимпийских богов как второго Диониса. За это он впоследствии подвергся денежному штрафу: по одной версии [Элиан, 5, 12] — в 100, по другой [Афиней, 6, 251a—b] — в 10 талантов серебра. Но названное событие произойдет после смерти Александра, а пока Де-

мад выражал мысли многих, когда предупреждал сограждан, как бы они, защищая небеса, не утратили землю [Вал. Макс., 7, 2 ext., 13]. Сам Демосфен высказался за обожествление македонского царя [ср.: Динарх, 1, 94], не удержавшись, правда, от иронии. «Александра можно провозгласить и сыном Зевса, и сыном Посейдона, если он пожелает», — заявил знаменитый оратор [Гиперид, 1, 30].

Возвратимся назад: к тому времени, когда Александр встретился с Неархом и последний повел доверенные ему корабли дальше на северо-запад. В устье р. Ситак Неарх нашел продовольствие, доставленное по распоряжению Александра; там он остался 21 день, занимаясь ремонтом. Двигаясь дальше, моряки видели кита, выбросившегося на берег. Пройдя р. Ороатиду, суда оказались у берегов Сузианы, где уже можно было пользоваться фарватером, и в конце концов бросили якорь в устье Евфрата у поселка Диридотида. Узнав, что Александр прибыл в Сузы, Неарх еще раз вывел свои корабли в море, вошел в р. Паситир и поднялся до понтонного моста, по которому переправлялась армия Александра. Здесь они окончательно соединились.

Отправив пехоту под командованием Гефестиона к Персидскому заливу, Александр посадил на корабли гипаспистов, агему и конных дружинников и двинулся вниз по течению, рассчитывая затем подняться вверх по Тигру. Так и получилось. Плывая на север, Александр приказал уничтожить плотины и шлюзы. Добравшись до места, где расположился Гефестион, он продолжил движение на север, в г. Опиду [Арриан, 7, 7].

Здесь, в Опиде, Александр еще раз столкнулся с македонской солдатской оппозицией. Непосредственным поводом для волнений послужило следующее. Царь решил уволить из армии всех македонян, которые по старости или из-за ран и болезней уже не годились для военной службы. Кажется весьма вероятным предположение, что Александр рассчитывал под благовидным предлогом удалить из своей армии недовольных. Когда он объявил об этом на сходке солдат, последние пришли в смятение. Они увидели в намерении царя еще одну попытку оттеснить македонян на задний план, а то и вообще избавиться от них. Из сол-

датских рядов послышались крики: Александр хочет отделаться от тех, кого он использовал и кто ему уже больше не нужен, тогда пусть уволит всех солдат, а сам воюет с помощью своего «отца» Аммона. Некоторые говорили так: пусть с Александром остаются его молодые плясуны, и с ними пусть он завоевывает вселенную. Александр не ожидал такой реакции. Вне себя от гнева, он бросился в ряды солдат, своей рукой указал гипаспистам на смутьянов (были арестованы 13 человек; позже их казнили), а потом обратился к войску с речью. Царь осыпал воинов упреками в неблагодарности и велел им убраться, куда хотят. Два дня Александр никому не показывался на глаза. На третий день он пригласил к себе персов, вручил им командование воинскими формированиями, а некоторым предоставил один из высших придворных рангов — царского родственника — с правом целовать царя. Кроме того, было объявлено о создании по македонскому образцу персидских воинских частей.

Македонские солдаты еще больше обеспокоились. О том, чтобы с оружием в руках противостоять Александру, опирающемуся на персидских воинов, думать не приходилось, да и не желали македоняне порывать с царем. Взволнованные, они бросились к его шатру, умоляли о прощении. Наконец, Александр вышел к ним, и среди шума, криков и плача примирение состоялось — с пением пэана, жертвоприношениями и массовым пиршеством. Вместе со своими солдатами, греческими жрецами и персидскими магами Александр молился о согласии между македонянами и персами и о совместном их участии в управлении государством. По просьбе одного из конных дружинников, Каллина, царь объявил всех македонян своими родственниками.

Молитву Александра в Опиде, вероятно, не следует переоценивать: царь, как уже не раз говорилось, пытался ликвидировать конфликт между победителями — греками и македонянами — и побежденными — персами. Он едва ли стремился к большему. И все же моление в Опиде не случайно привлекало к себе внимание уже в древности и оживленно комментируется в наши дни. Александр, начавший свое царствование как предводитель похода эллинов, мстящих варварам-персам за поруганные греческие святыни, теперь про-

возглашает диаметрально противоположные принципы, отвергает ходячие представления о чужеземцах как о варварах, нелюдах и о персах как об истинном смертельном враге эллинов. К воззрениям, лежавшим в основе политики Александра, восходит несомненно идея мирового государства и всечеловеческого единства, разработанная впоследствии стоицизмом.

Ликвидировав солдатские волнения, Александр твердой рукой провел в жизнь свои первоначальные намерения — отослал небоеспособных македонян (их было около 10 тыс.) на родину. Во главе этого отряда он поставил Кратера, который должен был сменить Антипатра на его посту. Последнему предписывалось явиться к царю во главе молодых македонян [Арриан, 7, 8, 1—12, 4; Руф, 10, 2, 8—4, 3; Диодор, 17, 109, 1—3; 18, 4, 1; Плутарх, Алекс., 71; Юстин, 12, 11, 4—12, 10].

Отстранение Антипатра от должности царского наместника в Македонии и замена его Кратером имели глубокие причины. Пока Александр отсутствовал, между Антипатром и Олимпиадой разгорелась борьба за власть. Они засыпали Александра жалобами друг на друга, так что царь иногда терял терпение. Получив однажды от Антипатра длинное послание с обвинениями против Олимпиады, Александр заметил: Антипатр не понимает, что одна материнская слеза стирает десятки тысяч писем. Но одновременно он добивался от матери, чтобы та не вмешивалась в дела. Современники запомнили раздраженное высказывание, вырвавшееся у Александра: мать взыскивает с него за 10 месяцев слишком высокую квартирную плату [ср.: Арриан, 7, 12, 5—7; Плутарх, Алекс., 39].

Однако дело было не в претензиях Олимпиады. Антипатра глубоко потрясла расправа над Филотой и Парменпоном [Диодор, 17, 188, 1]; он тяжело пережил и казнь своего зятя — линкестийца Александра [Юстин, 12, 14, 1] — и теперь, очевидно, ожидал своей очереди [там же, 12, 14, 5]. Антипатр отрицательно относился к провозглашению царя богом [Суда, 'Αντίπατρος] и, вероятно, чувствовал себя хранителем старомакедонских традиций. Победы Антипатра в Греции внушали Александру ненависть к победителю и страх [Юстин, 12, 14, 2], и он всячески старался преуменьшить их значение: называл войну Антипатра со

спартанским царем Агисом войной мышей и лягушек [Плутарх, Агес., 15]. Царь подозревал Антипатра в стремлении захватить власть. «Снаружи, — говорил Александр, — Антипатр одет в платье с белой каймой, а изнутри он весь пурпурный» [Плутарх, Апофт. царей и имп., 180е; ср.: Руф, 10, 10, 14]. Поступали к Александру и доносы, на Антипатра, к которым царь склонен был прислушиваться [Плутарх, Алекс., 74]. Впрочем, он уже никому не доверял [ср.: Элиан, 12, 16; Плутарх, Алекс., 74]. Ходили слухи [Руф, 10, 10, 15], что Кратер имел задание убить наместника Македонии. Однако распоряжения Александра не были выполнены. Кратер со своим отрядом двигался очень медленно; в момент кончины Александра он находился в Киликии, а после смерти царя предпочел воздержаться от враждебных по отношению к Антипатру действий [Диодор, 18, 4, 1].

Осенью 324 г. мы застаем Александра в Экбатанах потрясенным внезапной смертью Гефестиона — ближайшего друга и помощника. Александр устроил ему торжественные похороны и установил его культ как героя, божества низшего разряда.

Зимой 324/3 г. Александр совершил свой последний поход — против коссеев (касситов), живших в горных поселках и постоянно беспокоивших своими разбойничьими набегами жителей Месопотамии. Царь ликвидировал опасность и водворил мир [Арриан, 7, 15, 1—3; Диодор, 17, 111, 4—6]. Завершив эту экспедицию, Александр повел свою армию в Вавилон, ставший его последней резиденцией. По дороге он встретил направившихся к нему послов из Италии, Африки, далекой Испании. Имеются указания, хотя их достоверность и ставится под сомнение, что побывало у Александра и посольство от римлян [Арриан, 7, 15, 4—6; Диодор, 17, 113, 2—4; Плиний, ЕИ, 3, 9] для выяснения вопроса об антиатах, занимавшихся пиратством: Александр обвинял в этом Рим, под властью которого они находились [Страбон, 5, 232].

В последние месяцы своей жизни Александр разрабатывал планы завоевания всего средиземноморского мира [Диодор, 18, 4, 4; Руф, 10, 1, 17—18]. Он собирался нанести поражение Карфагену, захватить Северную Африку и Испанию, утвердиться в Сицилии, совершить поход вплоть до Геракловых Столпов (соврем.

Гибралтарский пролив). Были у него и другие замыслы: разузнать, с каким морем соединяется Каспийское [Арриан, 7, 16, 1—4]; захватить Южную Аравию [там же, 7, 19, 6—20, 2]. Для осуществления всех этих планов велись интенсивные подготовительные работы: строились корабли, набирались и обучались команды в Финикии, Сирии и вообще всюду, где только было возможно. В Вавилоне царь приказал соорудить верфи и вырыть огромный бассейн, рассчитанный на 1000 кораблей. Собирал он и войска: Певкест привел в Вавилон отряд из 20 тыс. персов, которые были зачислены в македонские части [там же, 7, 23, 1—4]. Особое внимание уделял Александр развитию мореплавания в Индийском океане и укреплению морских связей с Индией. Вероятно, этими планами объясняется предпринятая им попытка набрать в Финикии и Сирии моряков и поселить их на берегу Персидского залива [там же, 7, 19, 5].

...Поздняя традиция сохранила сообщения о разного рода знамениях, предвещавших Александру беду. Рассказывали [там же, 7, 16, 5—6], будто перед вступлением царя в Вавилон его встретили прорицатели-халдеи, уговаривая не входить в город или по крайней мере не входить в западном направлении; Александр им не поверил, подозревая, что они желают бесконтрольно распоряжаться храмовой казной [там же, 7, 17, 1—4; Плутарх, Алекс., 73]. Согласно другой версии [Арриан, 7, 17, 5—6], Александр физически не смог выполнить указания халдеев. Существовало также предание [там же, 7, 18; ср.: Плутарх, Алекс., 73] о том, что Аполлодор, командовавший войсками, найдя в Вавилоне, получил от своего брата, гадателя Пифагора, предсказание о скорой кончине Гефестиона и Александра. Когда Александр совершал плавание по Евфрату к р. Паллакопе и через нее попал в озера, он во время плавания потерял царскую диадему, упавшую в тростник. Моряк, снявший диадему с тростника, чтобы было удобнее плыть, надел ее себе на голову. В этом усмотрели предвестие несчастья и моряка наказали (по одной версии — казнили, по другой — бичевали [Арриан, 7, 22, 2—5; Диодор, 17, 116, 6]). Еще более страшным показалось, что однажды на царском троне обнаружили сидящим никому не ведомого человека в царском одеянии и венце; его казнили, но впе-

чатление о случившемся осталось [Арриан, 7, 24, 1—3; Плутарх, Алекс., 73; Диодор, 17, 116, 2—5].

После очередного застолья (у некоего Медия) Александр простудился и заболел, по некоторым предположениям, воспалением легких; полагают, что у него была также и тропическая малярия. Он пытался заниматься делами, приносил жертвы, велел Неарху готовиться к походу. Но с каждым днем Александру становилось все хуже и хуже, он уже не мог говорить. Солдаты взволновались и пожелали видеть царя; медленно один за другим проходили они мимо постели больного, с трудом пожимавшего им руки и приветствовавшего их взглядом. Несколько приближенных, по стародавнему греческому обычаю, легли спать в храме Сараписа, надеясь, что тот явится к ним во сне и скажет, не следует ли принести царя в храм и там умолять об исцелении. Бог, как говорили, повелел не трогать Александра с места [Арриан, 7, 24, 4—26, 2; Плутарх, Алекс., 75—76; Диодор, 17, 116, 1—5].

В античной историографии широко распространялись рассказы о том, что Александр был якобы отравлен по приказанию Антипатра и что яд приготовил Аристотель [Арриан, 7, 27, 1—2; Плутарх, Алекс., 77; ср.: Диодор, 17, 117, 5; Руф, 10, 10, 14; Юстин, 12, 13, 6—14, 9]. Однако Арриан, наиболее достоверный источник, не доверяет этому преданию [7, 27, 3]. Вероятно, придуманы и последние слова Александра: что он завещает свою власть «лучшему» (возможен также другой перевод: «сильнейшему»), что он предвидит большое состязание над своей могилой [Арриан, 7, 26, 3; Руф, 10, 5, 1—6; ср.: Юстин, 12, 15, 1—13].

13 июня 323 г. (28 дакия по македонскому календарю, соответственно 28 таргелиона — по афинскому), в 114 олимпиаду, в год, когда архонтом в Афинах был Гегесий, Александр скончался.

...Признание величия, неизмеримого мерой хорошего и дурного, есть только признание своей ничтожности и неизмеримой малости... И нет величия там, где нет простоты, добра и правды.

Л. Н. Толстой

Короткая жизнь Александра Македонского, оборвавшаяся примерно 2300 лет тому назад, вся сосредоточена в походе на Восток, разрушении Ахеменидской державы, создании на ее обломках собственного государства. Оно по замыслу должно было охватить весь известный грекам цивилизованный мир от Атлантического океана до Инда, от Дуная и Северного Причерноморья до Эфиопии. Эта задача при тогдашнем уровне экономических связей, конечно, была совершенно нереальной. У Александра хватило сил для того, чтобы громить своих противников и на какое-то время подчинить себе территории, по которым он прошел огнем и мечом, но у него не было ни сил, ни средств, чтобы сцементировать созданное им государство, сделать прочной свою власть (и своих преемников), хотя он и прилагал максимум стараний. Погибла и династия Аргеадов. В 317 г. по приказанию Олимпиады были убиты Арридей и его жена Евридика. В 316 г. Кассандр, сын Антипатра, велел убить саму Олимпиаду, а в 311 г. — находившихся под стражей Роксану и ее сына Александра IV. Другой сын Александра, Геракл, пал жертвой Полиперхонта.

В то же время деятельность Александра не была безрезультатной. Его поход ознаменовал собою начало нового этапа в истории стран и народов Восточного Средиземноморья — эпохи эллинизма. Это не значит, разумеется, что эллинизм явился творением Александра, результатом только его личных усилий, как это иногда пытаются изобразить, и тем более не значит, что Александр положил начало господству Европы над Азией. Эллинизм был следствием объективных внут-

Копия портрета Александра Македонского работы Лисиппа (вторая половина IV в. до н. э.). Париж, Лувр.

ренных процессов, имевших место в социально-экономической, политической и культурной жизни народов Греции и Ближнего Востока в предшествующий период. И все же сбрасывать со счета македонского царя нельзя.

Поход Александра сделал возможной греческую колонизацию Востока, создал условия для интенсивного культурного взаимодействия греков и народов Востока, на основе которого сложилась новая синкретическая цивилизация (эллинистическая), ставшая впоследствии фундаментом двух культур: европейской и ближневосточной арабской. Поход Александра в решающей степени способствовал разрушению перегородок между народами Восточного Средиземноморья. Основы идеологии, согласно которой «несть ни эллина, ни иудея», были заложены уже тогда [Плутарх, О судьбе, 1, 6].

Поход Александра на Восток далеко раздвинул географический горизонт греков и сделал возможными контакты Греции с отдаленнейшими областями тогдашнего мира; он сыграл заметную роль в развитии естественных наук.

Александр и при жизни, и после смерти поражал воображение современников и потомков. Из уст в уста, из поколения в поколение передавались предания о его необыкновенных приключениях, о его завоевательных походах, и правда все больше смешивалась с вымыслом, и «нас возвышающий обман» все больше оттеснял на задний план «тьму низких истин». В спорах исследователей все отчетливее вырисовывается внутренне противоречивый, неповторимый облик этого человека. Гениальный полководец, стратег и тактик, выдающийся организатор побед — и душитель греческой свободы и демократии... Мужественный, непобедимый воин, рыцарь без страха и упрека — и человек, подозреваемый в отцеубийстве, кровавый палач, не останавливающийся перед пытками, казнями и жестокими расправами над целыми народами, странами и городами... Ученик Аристотеля, тонкий ценитель литературы и искусства, искушенный в философии, помогающий развитию наук, приобщающий «дикарей» к цивилизации, безоглядно и сознательно щедрый, — и деспот, беспощадно растаптывающий все вокруг себя, возмнивший себя богом...

Александр не пришлось присутствовать при распаде созданного им государства, защищать царскую диадему от своих соратников. Все преходящее из того, что он сделал, ушло, не оставив зримого следа. Но остались и живы основанные им города: Искендерун (Александрия при Иссе), Александрия при Египте, Герат (Александрия в Арии), Кандахар (Александрия в Арахосии), Мары (Александрия Маргиана), Ленинабад (Александрия Крайняя, позже — Ходжент). Осталось стремление к объединению человечества, устранению этнических и культурных перегородок, чему в меру своих сил и в своих политических целях пытался содействовать Александр. Осталось то, что вне зависимости от его намерений способствовало экономическому и духовному прогрессу человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев В. В.* Поход Александра Великого в Западный Туркестан. СПб., 1881.
- Зельин К. К.* К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
- Ковалев С. И.* Александр Македонский. Л., 1937.
- Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Уилер М.* Пламя над Персеполем. М., 1972.
- Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // Вестн. древ. истории. 1974. № 1.
- Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
- Abel A.* Le roman d'Alexandre. Bruxelles, 1955.
- Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind // *Historia*. 1958. Bd 7, H. 4.
- Badian E.* Harpalus // *J. Hellenic Studies*. 1961. Vol. 81.
- Badian E.* Alexander the Great and the Greeks of Asia // *Ancient Society and Institutions*. Oxford, 1966.
- Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. München, 1926. Bd 1—2.
- Keller E.* Alexander der Grosse nach der Schlacht bei Issos bis zu seiner Rückkehr aus Aegypten. Berlin, 1904.
- Schachermeyr F.* Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970.
- Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Wien, 1973.
- Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
- Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1950, Vol. 1—2.
- Wilcken U.* Alexander der Grosse, Leipzig, 1931.

- Антол., Схолли — *Anthologia Lyrica Graeca. Scholiae.*
 Аппиан, Сир. — *Appianus. Syriaca.*
 Аристотель, Аф. пол. — *Aristoteles. De re publica Atheniensium.*
 Аристотель, Политика — *Aristoteles. Politica.*
 Арриан — *Flavius Arrianus. Anabasis Alexandri Magni.*
 Арриан, Инд. — *Flavius Arrianus. Indica.*
 Арриан, Преемн. — *Flavius Arrianus. Historia diadochorum.*
 Афиней — *Athenaeus. Deipnosophistae.*
 Вал. Макс. — *Valerius Maximus. Dictorum factorumque memorabilium.*
 Вост. — *Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Lipsiae. 1903. Vol. I—II.*
 Геллий — *Aulus Gellius. Noctes Atticae.*
 Геродот — *Herodotus. Historiae.*
 Гиперид — *Hyperidus. Orationes.*
 Демад — *Demadus. Orationes.*
 Демосфен — *Demosthenus. Orationes.*
 Пс.-Демосфен — *Pseudo-Demosthenus. Orationes.*
 Динарх — *Dinarchus. Orationes.*
 Диоген Лаэрт. — *Diogenus Laërtius. De vitis et placitis philosophorum.*
 Диодор — *Diodorus. Bibliotheca historica.*
 Диодор, Содерж. — *Diodorus. Periochae.*
 Дион Хрис. — *Dio Chrysosthomus. Orationes.*
 Дионисий, О сочет. слов — *Dionysius Thrax. De compositione verborum.*
 Евсевий, Хроп. — *Eusebius. Chronicon.*
 Зонара — *Zonaras. Annales.*
 Иосиф Флавий, Древн. — *Flavius Iosephus. Antiquitates Iudaicae.*
 Исократ — *Isocratus. Orationes.*
 Исократ, Панаф. — *Isocratus. Panathenaicus.*
 Исократ, Панег. — *Isocratus. Panegyricus.*
 Исократ, Письма — *Isocratus. Epistulae.*
 Исократ, Филипп — *Isocratus. Philippus.*
 Пс.-Каллисфен — *Псевдо-Каллисфен. Роман об Александре.*
 Ксенофонт, Греч. ист. — *Xenophon. Historia Graeca.*
 Ливий — *Titus Livius. Ab urbe condita.*
 Ликург, Леокр. — *Lycurgus. Leocratus.*
 Лисий — *Lysias. Orationes.*
 Макроб., Сатурн. — *Macrobius. Saturnaliae.*
 Мемпон — *Mempon. De rebus Heracleae.*

¹ При ссылке на античного автора первая цифра означает книгу, вторая — главу, третья и последующие — параграф.

- Павсаний — Pausanias. Descriptio Graeciae.
Пиндар — Pindarus.
Платон, Госуд. — Plato. Res publica.
Платон, Законы — Plato. Leges.
Плиний, ЕИ — Plinius. Naturalis historia.
Плутарх, Агес. — Plutarchus. Agesilaus.
Плутарх, Алекс. — Plutarchus. Alexandros.
Плутарх, Апофт. Алекс. — Plutarchus. Apophthegmata Alexandri Magni.
Плутарх, Апофт. лак. — Plutarchus. Apophthegmata Lacedaemoniorum.
Плутарх, Апофт. Фил. — Plutarchus. Apophthegmata Philippi.
Плутарх, Апофт. Фок. — Plutarchus. Apophthegmata Phocionis.
Плутарх, Апофт. царей и имп. — Plutarchus. Apophthegmata regum et imperatorum.
Плутарх, Демосфен — Plutarchus. Demosthenes.
Плутарх, Евмен — Plutarchus. Eumenes.
Плутарх, Наставления — Plutarchus. Praecepta gerendae rei publicae.
Плутарх, О запоздалом мщении богов — Plutarchus. De sera numinis vindicta.
Плутарх, О судьбе — Plutarchus. De fortuna et virtute Alexandri Magni.
Плутарх, Фок. — Plutarchus. Phocio.
Пс.-Плутарх, Биографии — Pseudo-Plutarchus. Vitae.
Полибий — Polybius. Historia.
Полиен — Polyaeus. Strategemata.
Порфирий Тир. — Porphyrius Tyriensis. Chronicon.
Руф — Quintus Curtius Rufus. Historia Alexandri Magni.
Сенека, О благод. — L. Annaeus Seneca. Ad Aebutium Liberalem de beneficiis libri VII.
Силл. — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Lipsiae, 1915—1924.
Сянкелл, Хроногр. — Synce'lus. Chronographia.
Ст. Виз. — Stephanus Byzantius. Ethnica.
Стобей — Stobaeus. Florilegium.
Страбон — Strabo. Geographica.
Суда — Suda (vel Suidas). Lexicon.
Суппл. — Supplementum epigraphicum Graecum.
Тод — Tod M. N. Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1946—1948. Vol. I—II.
Трог, Прол. — Trogus Pompeius. Prologi ad «Historias Philippicas».
Фрагм. греч. ист. — Fragmenta Historicorum Graecorum.
Фронтин — Frontinus. Strategemata.
Фукидид — Thucydides. De bello Peloponnesiaco.
Цицерон, Атт. — Cicero. Ad Atticum.
Цицерон, Верр. — Cicero. In Verrem.
Цицерон, Сем. — Cicero. Ad familiares.
Элиан — Aelianus. Variae historiae.
Эсхин — Aeschynus. Orationes.
Юл. Валер. — Iulius Valerius Polemius. Res gestae Alexandri Macedonis.
Юстин — Iustinus. Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma.

Введение	3
Глава I. Исторические предпосылки	5
Глава II. Начало пути	16
Глава III. Завоевание Малой Азии	32
Глава IV. От Исса до Гавгамел	68
Глава V. Завершение восточного похода	107
Глава VI. Поход в Среднюю Азию и Индию	122
Глава VII. Возвращение на Ближний Восток	169
Глава VIII. Царь азиатский, царь македонский, владыка греческий.	182
Заключение	201
Литература	204
Список источников	205

Илья Шолеймович Шифман

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер
Художник Е. В. Кудина
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Л. Я. Комм, М. В. Орлова

ИБ № 53366

Сдано в набор 29.07.87. Подписано к печати 18.02.88,
М-42010. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10.92. Усл. кр.-отт. 11.19. Уч.-изд. л. 11.06.
Тираж 200 000. Тип. зак. № 1771. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1,
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12,